ОГОНЁК

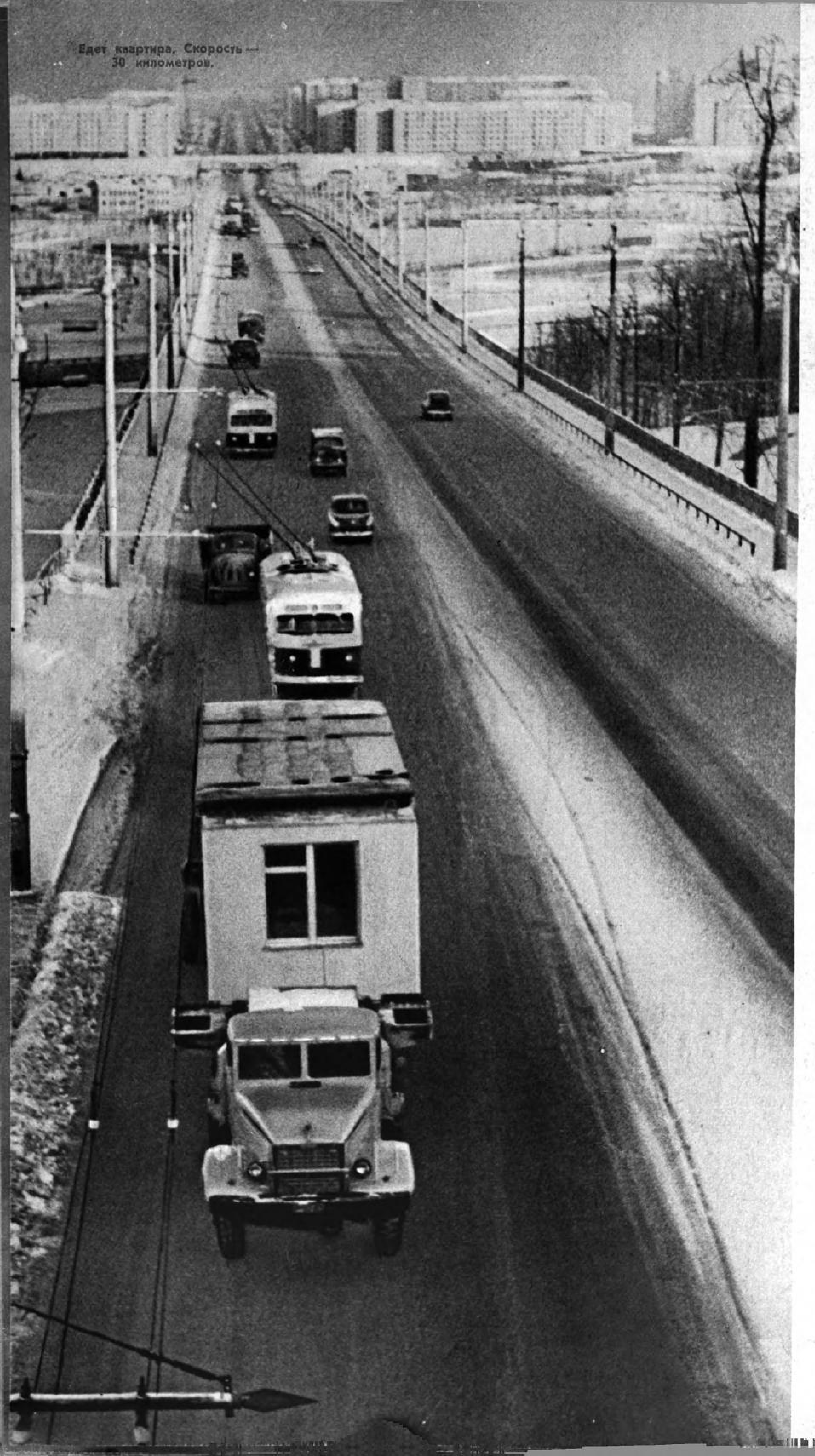
№ 3 ЯНВАРЬ 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТАВКА—СОВЕСТЬ

ДРУГ, ИДУЩИЙ РЯДОМ

АТОМ КРУШИТ ЛЬДЫ



Едет квартира. Скорость — 30 километров.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 3 (1804)

14 ЯНВАРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КВАРТИРА ЕДЕТ ПО ГОРОДУ

Все правильно! Мы действительно едем в квартире по городу. Да в какой квартире! Вот кухня. Здесь командовать не откажется любая хозяйка: пол из пластмассовых плит красив, есть уже и кухонный шкаф, газовая плита, на стене шкафчик для посуды. Рядом с небольшой прихожей ванная комната. А если открыть входную дверь, то окажешься на площадке. Лестничный марш ведет на следующий этаж, а в проеме... московская мостовая и вращающиеся колеса трейлера, на котором транспортируется квартира.

В этой квартире мы едем с завода железобетонных изделий № 8, где ее изготовили, на строительную площадку в десятый квартал Новых Черемушек. Там собираются дома вот из таких совершенно готовых «кусков» жилища.

В опытном цехе завода есть объемно-формовочная установка «ОФУ-1». В нее закладывается сделанный из арматуры каркас квартиры. На нем уже смонтирована скрытая электропроводка. Затем кран подает ковш с бетонной массой. Форма заполняется ею и сушится часов десять паром. После этого отделочные работы: настилают полы, красят потолки, устанавливают ванну и кухонное оборудование.

Когда все работы закончены, кран поднимает готовую часть квартиры и устанавливает ее на трейлер за десять минут. Теперь можно ехать. Правда, делать это надо с большим мастерством. Ведь трейлер и тягач составляют почти двадцать метров длины!

Строительная площадка, куда мы приезжаем, имеет свои особенности. Для малышей уже готовы плескательный бассейн, площадка для игр с качелями, игрушечными спутниками, лесенками... Из-под снега трогательно поднимаются недавно посаженные елочки. А ведь благоустройство строительного участка, как правило, — заключительные работы.

Продолжение см. на стр. 6.

В МИНСК ДЛЯ УЧАСТИЯ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ СОВЕЩАНИИ работников сельского хозяйства прибыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

На снимке: Н. С. Хрущев осматривает образцы новой сельскохозяйственной техники на экспериментальной базе «Ждановичи».

Фото В. Бородина.

В ВОРОНЕЖЕ СОСТОЯЛОСЬ СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА областей Центральной черноземной зоны.

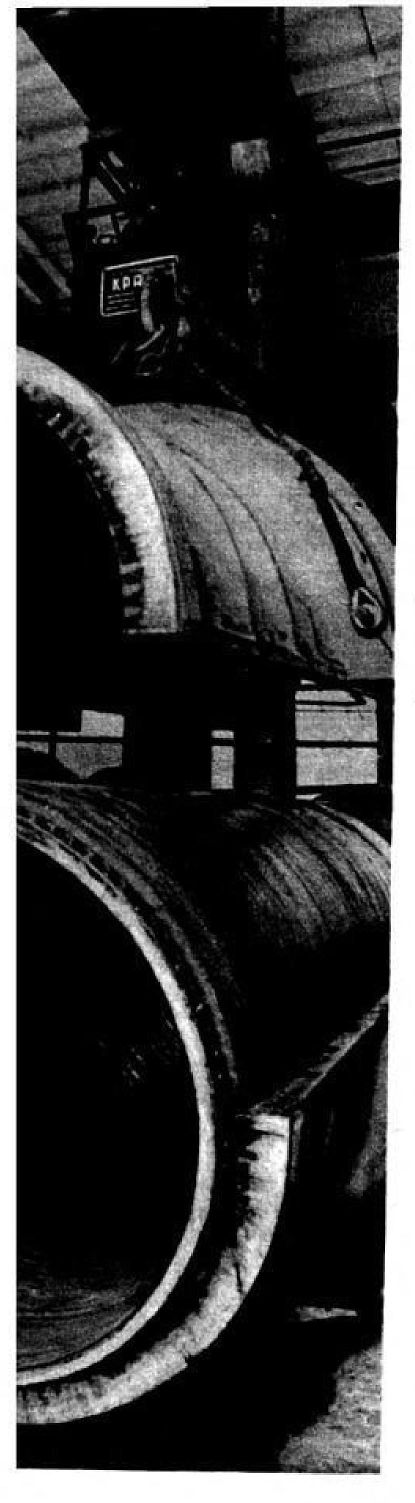
На совещании шел серьезный разговор о быстрейшем претворении в жизнь решений XXII съезда КПСС, об увеличении производства зерна, мяса, молока и других продуктов в колхозах и совхозах.

С докладом выступил член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский. В конце совещания большую речь произнес член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронов.

На совещании было принято обращение ко всем работникам сельского хозяйства Центральной черноземной зоны и приветственное письмо ЦК КПСС.

На снимке: участники совещания осматривают выставку новой сельскохозяйственной техники.

Фото А. Зенина (ТАСС).



ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

КАК ПРАВИЛО, ТРУБЫ ДЕЛАЮТ ИЗ МЕТАЛЛА. Их век — лет двадцать. Недавно на Челябинском заводе железобетонных изделий вошел в строй цех по производству железобетонных напорных труб диаметром от 500 до 1 500 миллиметров. Эти трубы могут служить даже не десятки, а сотни лет.

Трубы работают под давлением 7—8 атмосфер, а испытывают их при 20 атмосферах, и они прекрасно выдерживают это испытание. Челябинские трубы найдут применение на главных водоводах страны.

Фото Л. Устинова.



ВОШЕЛ В СТРОЙ ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР запорожского завода «Коммунар» по сборке автомобилей «Запорожец».

Фото Г. Косика.

Выходит на экран

ПО ГОГОЛЮ

Радужными красками первых поэтических грез Гоголя блещет фильм «Ночь перед Рождеством» — экранизация одноименной повести гоголевского цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Создатели нового цветного художественного фильма — сценарист и постановщик А. Роу, режиссер В. Лосев, оператор Д. Суренский — исколесили всю Украину в поисках натуры. Но время преобразило пейзаж гоголевской Малороссии, принесло нескончаемые столбы с телефонными и электрическими проводами; на крышах — всюду теле- и радиоантенны... Снимать дивную украинскую ночь пришлось за Полярным кругом, на Кольском полуострове. И вот она наступила, зимняя ясная ночь. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся было в небо — посветить добрым людям, но уже вылетает из одной хатки верхом на помеле ведьма — артистка Л. Хитяева — и прячет сверкающие звезды одну за другой в рукаве. А вот и черт — в блистательном исполнении Георгия Милляра — крадется к месяцу...

Так начинается картина, полная очарования, поэтической прелести и непринужденного гоголевского юмора.

Л. СОКОЛОВА



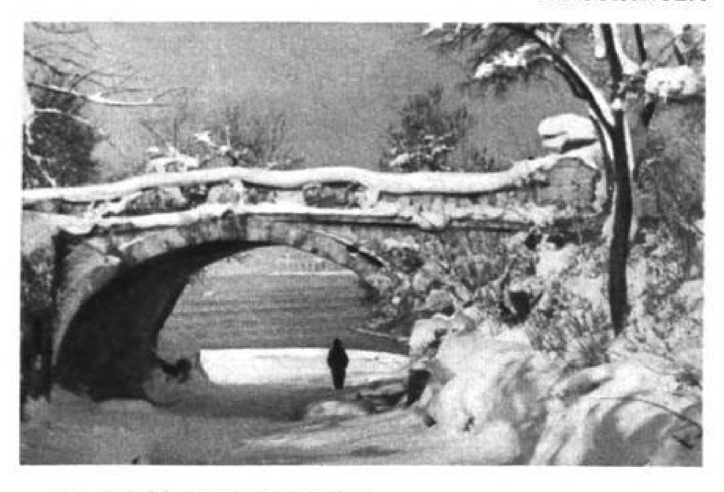




СИЛЬНЫЕ ШТОРМЫ СВИРЕПСТВОВАЛИ НА КАСПИИ последние месяцы. Но буйства погоды не помешали морякам Каспийского пароходства успешно завершить план 1961 года. Коллектив теплохода «Самед Вургун» одним из первых выполнил годовую норму перевозок.

На снимке: теплоход «Самед Вургун» в штормовом рейсе.

Фото Б. Башты, начальника рации теплохода «Самед Вургун».



В СЕВАСТОПОЛЕ ПРОШЕЛ снегопад, который не наблюдали последние двадцать лет. Снег лег на сорок сантиметров.

Фотолюбитель токарь В. МОИСЕЕВ прислал в редакцию снимок — «На Приморском бульваре после снегопада».

ПОД ВЕЧЕРЕЮЩИМИ ОБЛАКАМИ

Дмитрий КОВАЛЕВ

АВТОБУС

Автобус шел по белым селам,
По вечереющим полям,
Совсем неслышный,
Невесомый,
На взлобках стеклами пылал.
Мостки,
Притрушенные свежим
Сенцом,
И скрипнуть не успев,
Скрывались.
И упруго нежил
Свежак,
Звенящий нараспев.
И, пролетая,
На откосы
Шум еле слышимый мели́
Велосипеды, как стрекозы,
И мотоциклы, как шмели.
Покрышки стертые в овражках
Чернели в нескольких шагах,
Как стоптанные лапти раньше
На бесконечных большаках.
Во всю размашку рук спешили
Ряды столбов через страну...
И жалко было безмашинных,
Как безлошадных в старину.

ТУЛА

Знобит в низинах воздух
теплый.
Две алых тучки налегке.
Кострами гаснущими стёкла
На голых склонах вдалеке.
И на окалине заката,
На зеленях оттенена,
Ясна, и чётка, и зубчата
Лесов кирпичная стена.
Каркасы,
Баки,
Башни,
Домны.
Синь вспышек.
Краны, провода.
Свет корпусов.
Карьеры тёмны.
Пари́т горячая вода.
В наплавах небо.
В саже трубы.
И ды́мы, дымы.
И огни...
Оттенки резки.
Краски грубы.

Но этим и сильны они.

УСТАЛОСТЬ

Лесного численника время
отлисталось.
День на последнем пасмурном
луче.
И спит твоя хорошая усталость
Щекой горячей
На моем плече.
Довольная,
Что вволю настаралась,
Настряпалась,
Нашилась,
Настиралась,
И у станка за смену настоялась,
Постели постелила для ребят...

А над страной леса листвой рябят.
И небо опустилось облаками,
Что зимнее молчание таят.
Идут дороги,
И дома стоят,
Построенные женскими руками.

А над дорогами и над дома́ми,
Как сосны, трубы с рыжими
дыма́ми.
Высокий город
С низкими садами.
Синь
С белыми от ястребков следами.
Сон
Сполохами дальними объят...

Смотрю не с сожаленьем,
Не с тоской...
Поймет ли это все хотя бы правнук,
Как чувствую себя
неравноправным
Перед лицом усталости такой?..



«ОГОНЕК ДРУЖБЫ»

Так часто называют москвичи полюбившиеся им вечера в лектории Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Здесь и вправду идут поиски новых и увлекательных форм работы с читателями. Среди собравшихся вы встретите почтенного профессора и ветерана труда II Московского часового завода, учителя и студента, военнослужащего и школьника-старшеклассника, родителей которых волнует вопрос, как учить ребенка иностранному языку.

Что же привлекает людей, приходящих сюда после напряженного рабочего дня?

Перед нами книжечка — план работы. Перелистаем наугад несколько ее страниц: вечер «Новые работы и творческие планы московских писателей-переводчиков»; лекция на немецком языке: «Немецкий язык для детей дошкольного возраста», вечер памяти Эрнеста Хемингуэя, обзор школьных учебников английского языка, вечера японской поэзии, «Федерико Гарсиа Лорка — музыкант», новых произведений европейской и американской литературы, литературы стран Африки.

В библиотеке часто выступают зарубежные писатели, общественные деятели, ученые и деятели искусств, приезжающие в Советский Союз. Читатели библиотеки познакомились с Долорес Ибаррури и Уильямом Дюбуа, Луи Арагоном и Эрскином Колдуэллом, Митчелом Уилсоном и Анной Зегерс, Арнольдом Цвейгом и Джеймсом Олдриджем, со многими писателями и поэтами Индии, Китая, Африки, стран Латинской Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Популярны и другие встречи, задуманные как циклы вечеров: «Деятели советского театра и кино о своих зарубежных поездках», «Кинорассказы о зарубежных поездках советских ученых». Вечера эти — встречи с интересными людьми и в то же время увлекательные путешествия, знакомящие с далекими странами.

Сотни записей заполняют книгу отзывов лектория и книгу почетных посетителей, где расписываются наши гости из-за рубежа. Всюду звучит одна мысль, принадлежит ли она писателю с мировым именем или туристу-рабочему: то, что я здесь увидел и услышал, сделало меня духовно богаче, пробудило жажду узнать еще больше, усилило желание бороться за мир, за дружбу народов.

С. Мельник

На снимке: австралийский писатель Фрэнк Харди с читателями Библиотеки иностранной литературы.

Фото Ю. Почепцова.



«Заря Нигерии».

Мир—это люди!

Портретная галерея художника Владимира Максимовича Соколова объединяет более полусотни произведений. И под каждым портретом можно, пожалуй, сделать надпись: человек хочет мира. Поэтому всю свою необычную выставку художник назвал: «Им нужен мир». И весь свой многолетний труд принес в дар людям, Родине.

Зрители подолгу простаивают у лучших портретов — «Молодость Цейлона», «Финский учитель», «Куба — да!», «Заря Нигерии».

Не совсем обычен вид живописи, избранный художником. Это или цветная монотипия, таящая в себе неисчерпаемые творческие возможности, или уголь.

М. МЕРДЕНОВА

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОПЕРЕТТА

— Позвольте, оперетта, и вдруг — героическая?! Разве это в пределах жанра? — спросите вы.

Битва за Севастополь, судьбы защитников города... Замысел композитора К. Листова и либреттистов Е. Гальпериной и Ю. Анненкова казался по крайней мере спорным для поборников «чистой традиции».

Но вот — спектакль Московского театра оперетты (постановка А. Закса, режиссер — А. Гедройц, дирижер — Л. Оссовский).

В спектакле действительно нет многого из того, что стало привычным, с чем почти примирились: ни «роскошной» жизни резвящихся бездельников, ни приторной красивости ненатуральных чувств, ни глуповатых острот, ни сногсшибательных туалетов. Все скромно, просто. А оперетта есть! И хорошая оперетта. С ее красками, ритмами, темпами, с ее оптимизмом, танцевальностью, подлинной лирикой и веселой шуткой, сказанной вовремя и к месту.

И герои. Взятые из жизни, а не из анекдота, они действуют не как куклы с бутафорскими страстями, а как живые люди, в которых веришь. Веришь в их радости и мечты, в их боль и счастье, в невыдуманные человеческие отношения. Вместе с ними на сцене вдруг ожила правда, и в этом главный успех новой оперетты, где, переплетаясь и дополняя друг друга, находит свое место забавное и грустное, героическое и смешное.

Прелестен Севастополь, подернутый вечерней мглой (художник Г. Кигель).

В спектакле «Севастопольский вальс» много романтики, поэзии. Этим мы немало обязаны хорошему ансамблю исполнителей, в котором снова любимица москвичей Татьяна Шмыга пленяет зрителей в роли чудесной влюбленной девушки Любаши. Ее вальс-прощание, шуточный танец с моряками, ее песня о девушках-бойцах, которые шли на смерть во имя жизни, проникновенны и взволнованны.

А. МОРОВ



На снимке: Любаша — Т. Шмыга и Генка Бессмертный — А. Пиневич.

Фото Л. Хлюппе.

ЛИРИКА

Петря **ДАРИЕНКО**

Зов родника

В тишине ивняка,
Теребя травяные тенёта,
Шепчут, шепчут уста родника
Сокровенное что-то.

Этот шепот не стон,
Это свет, что горит, не сгорая.
Песней сердца является он
И ровесником края.

Сатанеет жара.
Он бежит и лепечет правдиво.
Щедрой грудью питает гора
Это скромное диво.

А кого он зовет,
Как пастушечья дудка,
на отдых
В час, когда, озарив небосвод,
Звезды плещутся в вóдах?

Иль тебя, иль меня,
Иль деревья, глухие от пыли,
Что, с холма свои ветви клоня,
О дожде загрустили?..

Глубь земного пласта
Он пробил, словно толстую
стену,
И, сверкая и пенясь у рта,
Говорит вдохновенно:

— Пусть прохладу мою
Ощущает и чёрпает каждый.
Приходите — я всех напою,
Всех избавлю от жажды!..

Он струится в века.
С ним отрадно растеньям
и людям.
Мы без чистой души родника
Слишком бедными будем.

Вступление к тосту

Мудрость жизни нам продиктовала
Золотое правило одно:
Просто так не осушай бокала,
Уважай прекрасное вино.

Подмигни его веселой власти
И скажи, светло смотря вперед,
Самый человечный тост:
— За Счастье!
Тост, идущий к нам из рода в род.

Счастье не засыпано песками,
И оно не кануло во тьму.
Наши предки ощупью искали
И торили трудный путь к нему.

Их не стало. Но остались пашни,
И сады, и вечная страда,
И святая память о вчерашних
Бескорыстных рыцарях труда.

Вот за них, изведавших немало
И зарытых там, где пустыри,
Не забудь из полного бокала
Уронить на землю капли три.

А потом с улыбкою привета
Можешь выпить порцию свою
За того, кто держит эстафету
В нашем наступающем строю.

Мой народ

Ты развернулся в полный рост,
Творец мечты, кудесник слова,
Герой труда, хозяин звезд
И властелин всего земного.

Ты управляешь ходом лет.
Тебе по силам то и это.
Светлей, чем ты, светила нет,
И гениальней нет поэта.

Молдавское вино

Ясное, как взор девичьих глаз,
В чистоте своей непогрешимо,
Пусть оно струится без прикрас
Из гостеприимного кувшина.

Наливай, не смешивай его,
Не сласти́ ни сахаром, ни медом,
А не то погибнет волшебство,
И померкнет сказка мимоходом.

Перевел с молдавского
Сергей СМИРНОВ.





ВЫСТАВКА В КОНАКРИ

В небе над Конакри, столицей Гвинейской Республики, рядом полощутся два флага: гвинейский и советский. 6 января в Конакри начала свою работу советская выставка достижений народного хозяйства, науки, техники и культуры.

На открытии этой выставки первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян и Президент Гвинейской Республики Секу Туре обменялись речами. А. И. Микоян выразил уверенность, что «советская выставка в Конакри послужит делу дальнейшего укрепления дружбы между нашими странами и развития сотрудничества в экономической, научной и технической областях». В ответной речи Секу Туре подтвердил стремление народа и правительства своей страны к экономическому и культурному сотрудничеству и дружбе между Гвинеей и СССР.

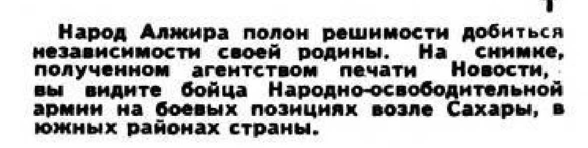
Еще не так давно столицу Гвинеи снабжала водой компания, которая принадлежала французскому капиталу. Теперь этой компанией управляют гвинейцы. На снимке: у здания национализированной компании.

На улице в Конакри.

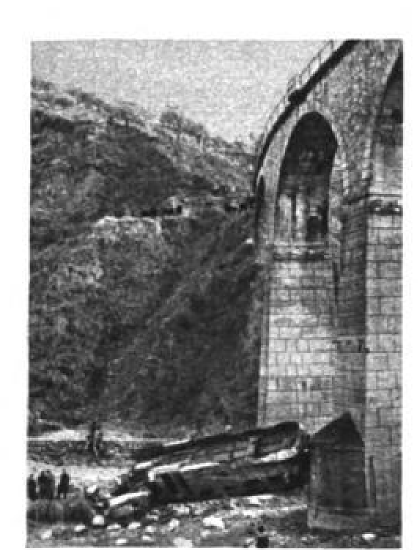
Фото А. Серикова.



Фото агентства печати Новости и Юнайтед Пресс Интернэшнл.



↑ Народ Алжира полон решимости добиться независимости своей родины. На снимке, полученном агентством печати Новости, вы видите бойца Народно-освободительной армии на боевых позициях возле Сахары, в южных районах страны.



← Эта катастрофа произошла на железной дороге близ Катанжаро, в Италии. Пассажирский поезд, мчавшийся с большой скоростью, сошел с рельсов и рухнул вниз с высокого моста. Погибло семьдесят человек. Одна из причин катастрофы — то, что местная линия, находящаяся в частных руках, давно не ремонтировалась.



Исключительно сердечный прием был оказан в Индонезии советскому космонавту Герману Титову. Тысячи людей выходили на улицы городов и селений, чтобы сказать слова привета дорогому гостю. На снимке вы видите президента Индонезии Сукарно и Германа Титова. ←

→ Воздушный лайнер «ИЛ-18» доставил в Конго группу советских врачей, которые прибыли по приглашению конголезского правительства для оказания помощи населению, пострадавшему в результате сильного наводнения. На снимке — встреча советских медиков на аэродроме в Леопольдвиле.



«СКОЛЬЗКИЙ ФЮРЕР»

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Сообщения из Америки в эти январские дни отражают глубокое беспокойство народа в связи с новой волной фашистского натиска. Люди спрашивают себя: неужели на улицах американских городов вспыхнут костры из книг? Что будет дальше?

Дикая травля маленькой, гордой партии американских коммунистов заставляет каждого честного гражданина Америки содрогнуться от невольного сравнения, которое приходит на ум: разве не так было в гитлеровской Германии, разве это не возврат к гитлеровским законам?

Не один год буржуазная пропаганда, озлобленная и испуганная распространением коммунистических идей, душила каждую попытку трезво осмыслить ход исторического процесса. С ожесточением она оболванивала американца, убеждая его, что если есть свобода личности, то она здесь, в цитадели «свободного мира». Что думает рядовой американец об этой «свободе» сейчас, когда Роберт Кеннеди требует, чтобы коммунисты обвинили себя в преступлениях, которых они никогда не совершали? Министерство юстиции объявило, что оно спасает Америку от коммунизма. Спасает... насилием!

Антинародные, антиконституционные законы Маккарэна и Смита породили в Америке не только уныние, страх и истерию, но и вскормили фашистские союзы и общества, вроде «общества Джона Бэрча», на черных знаменах которого написаны гитлеровские лозунги. Один из идеологов крайне правых элементов в политической жизни США, сенатор Голдуотер, недавно признал, что немало членов конгресса «пришло бы в замешательство», если бы был оглашен список членов «общества Джона Бэрча».

Америка об этой фашистской организации знает чрезвычайно мало. «Наша цель — не создавать много шума,— заявил «фюрер» этого общества Роберт Уэлч,— по мере возможности мы должны избегать широкой огласки».

Кто же такой этот Роберт Уэлч, и почему он боится огласки? Владелец нескольких кондитерских фабрик, миллионер, бывший вице-президент Национальной ассоциации промышленников. Журнал «Ньюсуик» называет Уэлча «скользким человеком», любящим хвастаться наигранным фанатизмом. Он был в немалой степени раздосадован, когда ему доложили, что нью-йоркская молодежь, которую он пытается заманить в свои банды, сочинила ироническую песенку:

Ах, парни, вступайте в общество
Джона Бэрча,—
Ему так много надо сделать..
Разве вы не слышали, что они
дают водку
На своих собраниях?..
Ах, парни, не вступайте в
общество Роберта Уэлча,
Если вы настоящие парни...

«В том случае, когда тебя «разматывают»,— говорит Уэлч на жаргоне гангстеров,— лучше не выкладывать свои карты и производить поменьше шума».

И все же ему пришлось в конце прошлого года изменить этому своему правилу. Уэлч выступил с речью на собрании членов «общества» в Гарден-Сити-отеле, на Лонг-Айленде, где находится одна из штаб-квартир этой фашистской организации. Его слушали 1 400 человек. О чем говорил «скользкий фюрер»? Полный текст его речи не решилась опубликовать ни одна из американских газет: до этого дело еще не дошло. В печати появилось лишь краткое изложение основных тезисов. Маккарти, оказывается, был мучеником, был гениальным человеком, так как не уставал бороться с «красными». Начиная с 1941 года «политика Вашингтона диктуется коммунистами», «президент Рузвельт втянул нас в войну против Гитлера», и так далее.

Каждое упоминание имени Маккарти встречалось аплодисментами, а при упоминании имени президента Рузвельта раздавались свистки и брань...

И вот еще одно откровение Уэлча: лучше не существовать вовсе, чем сосуществовать с Советским Союзом. Нужно выйти из ООН, а вслед за этим разорвать дипломатические отношения с СССР и другими коммунистическими странами.

Присмотримся же поближе к «фюреру», его «обществу», к тем, кто стоит за ними. В Нью-Йорке сейчас не делают секрета из того, что могущественная Национальная ассоциация промышленников считает «общество Джона Бэрча» своим любимым детищем. Майк Ньюберри, прогрессивный американский журналист, в только что вышедшей в издательстве «Нью сенчури паблишерс» книге «Фашизм поднимает голову» пишет о них: «отец и сын».

Действительно, самые рукастые воротилы Национальной ассоциации промышленников, три ее бывших президента — чикагский банкир К. Паркер, богатейший чело-



Демонстрация в Париже, в которой участвовало пятьдесят тысяч человек.



Фашисты взорвали бомбу в квартире французского писателя Ж.-П. Сартра.


Les bandits fascistes ont blessé grièvement ce militant ouvrier père de cinq enfants

«Фашистские бандиты тяжело ранили этого боевого рабочего, отца пятерых детей» — такой подписью сопроводила газета «Юманите» фотографию Р. Шапделена.

«ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ»

4 января у здания Центрального Комитета Французской Компартии раздалась очередь из автомата. Стреляли фашисты из ОАС («секретная вооруженная организация» французских «ультра»). Робер Шапделен, рабочий, участник движения Сопротивления, охранявший здание ЦК своей партии, был ранен пятью пулями.

Все наглее и развязнее действуют фашисты во Франции. Но все сильнее и решительнее выступают против фашизма прогрессивные силы страны. Пятьдесят тысяч французов вышли на улицы французской столицы, чтобы выразить возмущение действиями погромщиков, которых власти поощряют своим равнодушием.

«Фашисты не пройдут!» — заявляют трудящиеся Франции.



В семье Р. Шапделена.

И ЕГО ПОДРУЧНЫЕ

век штата Миссури Ф. Чанс и миллионер из Милуоки У. Грид — тайные вдохновители и финансисты «общества Джона Бэрча». Это они сделали из Роберта Уэлча «фюрера».

В другой книге, недавно появившейся в США и принадлежащей перу журналистов Р. Элсуорта и С. Гарриса, утверждается, что на деньги Национальной ассоциации промышленников и американской торговой палаты издается более 10 фашистских журналов и что их тираж растет. Все эти издания — рассадники фашистской идеологии, школа ненависти, расизма.

У «общества Джона Бэрча» есть свои «теоретики». Особым авторитетом среди них пользуется сенатор Голдуотер, призывающий к «принесению жертв» во имя спасения частного предпринимательства от «коммунистической угрозы». Какие именно жертвы? Голдуотер в одном из своих последних выступлений разъяснил, что́ он имеет в виду: «Чтобы спасти капитализм, надо принести в жертву мир, свободу и справедливость...»

«Маккарти умер, но дух его витает над Штатами»,— говорят люди Уэлча. И не без основания!

Книга Майка Ньюберри показывает, что за спиной «скользкого фюрера» стоит не только Национальная ассоциация промышленников, но и Центральное разведывательное управление. Многие генералы, адмиралы и старшие офицеры ЦРУ, выходя в отставку, занимают видное положение в «обществе Бэрча». Генерал У. Пейтон Кэмпбэлл возглавляет в фашистском союзе «программу образования», генерал Уильям Ли — шеф оперативной группы «по координации действий отрядов», полковник Джон Бити, бывший шеф военной разведки, полковник Виктор Фокс и многие другие, служившие у Аллена Даллеса, сегодня верховодят в «обществе Джона Бэрча».

«Фюрер» Уэлч сообщает, что в «обществе» около 100 тысяч членов. Отделения бэрчистов есть во всех штатах и даже за границей — в посольствах США и на военных базах...

В последнее время бэрчисты все более активно действуют в колледжах и школах, где им уже удалось создать около 150 клубов. Задача этих клубов — использовать молодежь для срыва митингов и собраний прогрессивных сил, для борьбы с рабочим движением и против тех, кто выступает за ликвидацию расовой ненависти.

Выйдя однажды из здания ООН, я увидел в скверике на углу 42-й улицы нескольких молодых людей, горланивших какие-то лозунги. Они ходили по кругу, подняв над головой плакаты. Подойдя поближе, я увидел слова: «Вон Америку из ООН!»...

Тогда я не знал, кто эти парни. Теперь не сомневаюсь — это люди «фюрера» Уэлча...

В журнале «Америкен меркури» иногда можно встретить ссылки на книгу «Письма Джона Франклина», которая недавно вышла в США и которую бэрчисты считают своей настольной книгой. Это своего рода манифест американских фашистов. Это книга о том, каким образом «либералы, марксисты, профсоюзные деятели, негры и пуэрториканцы предают Америку... бюрократам из ООН».

Книга всерьез утверждает, что «белые граждане будут вывозиться в рабство в Африку», и поэтому калечь, жги, бей негров! «Устраивайте тайные склады оружия, готовьтесь к тому моменту, когда пробьет наш час!» — призывает эта черносотенная книга.

«Вы захотите знать, как мы будем бороться? — говорится в одном из манифестов «общества Бэрча».— Прежде всего мы будем военной организацией. У нас будет огромное число обученных солдат, достаточное количество тайных складов оружия».

В одном из бюллетеней «общества Джона Бэрча» можно прочитать интервью с генералом Геленом — этим мастером провокаций. Он делится опытом использования «преданных людей» из числа бывших гитлеровцев. Роберт Уэлч дал команду быть особенно внимательным к тем нацистским агентам, которые в свое время в США были арестованы за антигосударственную деятельность, а теперь находятся на свободе. «Надо ли объяснять,— спрашивал Уэлч,— что «общество Бэрча» нуждается в таких людях?» Но нужны ли они Америке?

«Масштабы и формы фашистского движения,— пишет в своей книге Майк Ньюберри,— будут в громадной степени зависеть от степени и масштабов борьбы против него. Если народ ответит мощным и своевременным ударом, то движение правых, еще не вылившееся в четкую форму, может быть опрокинуто и выброшено на мусорную свалку истории, как это было с его предшественниками».

Все то здоровое, что есть у американской нации, не примет, не должно принять это отребье!

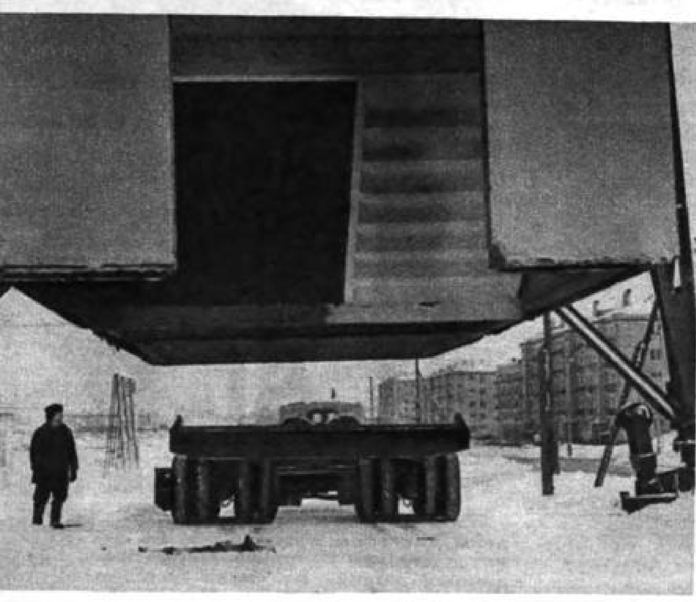
Американцы не считают порядочность, справедливость и честность устаревшими понятиями. В конце концов Америка сумеет оценить благородный подвиг коммунистической партии, у которой реакция не сможет выбить из рук знамя мира и прогресса.



Шофер домовоза Г. Д. Кашутский.



Квартира приехала на строительство.



На высоту с помощью крана.

Единственная на стройке бригада.



Продолжение. Начало см. на 2-й странице обложки.

Но здесь нет мусора, нет «отходов производства», нет подсобных сооружений. Кран снимает с автомашины и устанавливает на место комнаты, а монтажники сваривают металлические конструкции и заделывают швы. На всю эту операцию уходит минут сорок — пятьдесят. Пятиэтажный дом растет на глазах, хотя собирают его всего шесть человек.

На строительной площадке мы встречаем руководителя архитектурной мастерской № 3 Московского института типового и экспериментального проектирования Н. А. Остермана. В этой мастерской вместе с институтом НИИЖелезобетона был создан проект жилого дома из объемных элементов.

— Известно, что заводское строительство домов,— говорит архитектор,— самый верный путь к решению жилищной проблемы.

Мы слушаем рассказ о преимуществе одного из новых методов индустриального строительства домов. До последнего времени самым быстрым было сооружение жилищ из крупных панелей. Но при этом остаются длительные и трудоемкие отделочные работы, которые на строительной площадке практически не поддаются механизации.

Иное дело — сборка домов из объемных элементов. Тогда все делается на заводе. Работа механизируется, повышается ее качество, снижается себестоимость.

На доске, где проставлены номера квартир строящегося дома, висит несколько ключей. Это ключи уже от готовых квартир.

— Можно их посмотреть?

Поднимаемся. Квартиры есть и однокомнатные, есть и в две и три комнаты. Все удобны: нет проходных комнат, много подсобных помещений, стенные шкафы, полки для белья, для книг.

— Сколько же времени надо, чтобы построить такой пятиэтажный дом?

— Этот дом экспериментальный, по нему судить трудно, но подсчеты показывают просто головокружительные темпы. Через 6—7 дней после начала сборки дом можно заселять. Но пока мы прикидываем с запасом — 12—15 дней. Это уже огромное достижение. Понимаете, дома будут строиться не месяцами, а днями. У нас много заводов крупнопанельного домостроения. Если на этих заводах создать сборочные цехи, они смогут производить объемные элементы, как это сейчас делается на заводе железобетонных изделий № 6.

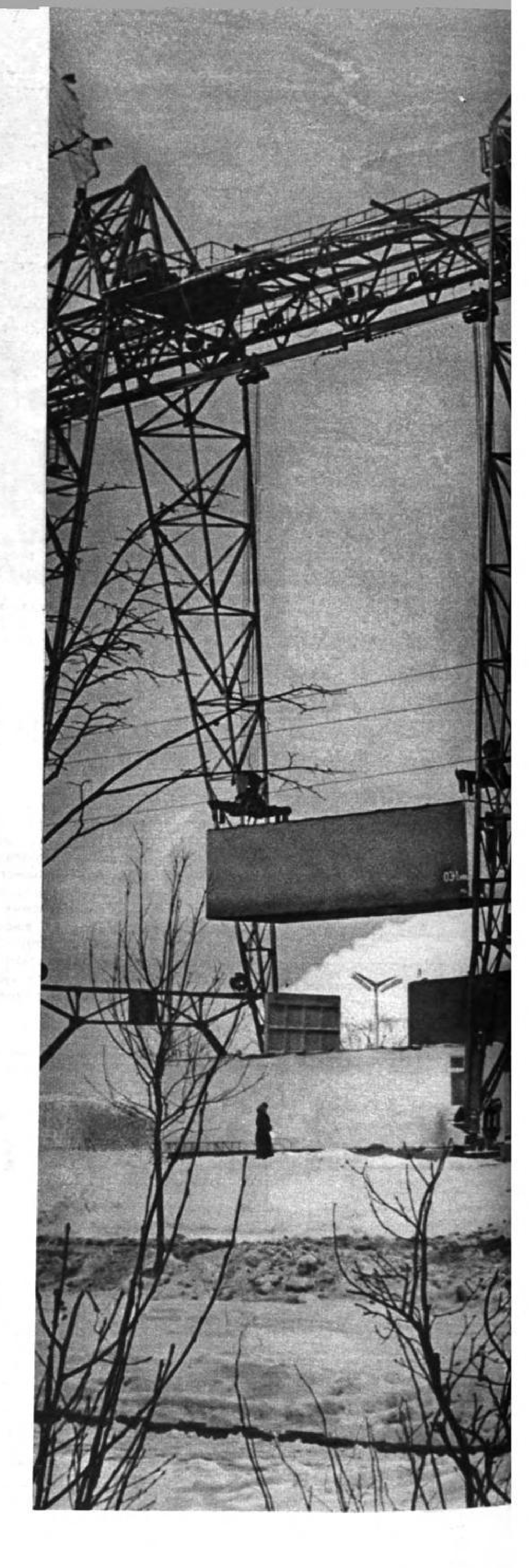
— Экономично ли это?

— Безусловно, да. В расходе материалов разницы нет, а поточное производство дешевле ручного труда. Особенно важно, что значительно уменьшается общее количество затрат труда — оно примерно в 1,5 раза меньше, чем при панельном строительстве. Снижаются и расходы на транспорт.

Кроме того, новый метод в корне изменит условия труда миллионов строителей. Так же, как промышленные рабочие, они будут трудиться в теплых цехах, на хорошо оборудованном рабочем месте. На строительной площадке останется очень немного рабочих.

Отпадут и такелажные работы по установке объемных элементов: специальная домостроительная машина, которая сейчас проектируется, сама будет сгружать с грузовика элемент и устанавливать его в заданное место. Таким образом, строительство жилищ встанет в один ряд с наиболее прогрессивным промышленным производством.

А. ГОЛИКОВ, А. БОЧИНИН



КВАРТИРА ЕДЕТ ПО



СТАВКА — СОВЕСТЬ

Николай БЫКОВ



А. Беккер.

Западный Алтай. Колхоз «Страна Советов». Это по соседству с Кулундой. Центральная усадьба залегла в глубокой балке и внешне, по сложившемуся представлению, напоминает шолоховский Гремячий Лог. Да и сегодняшние события здесь, если приглядеться пристальнее, не менее значительны. Биография у колхоза сложная: хутора, потом коммуны, потом артели... Несколько лет назад мелкокалиберные хозяйства объединились в одно. Нынче колхоз борется за звание коммунистического. Идет каждодневная ломка заскорузлого деревенского уклада жизни, в основе которого исстари упрочились хуторские нормы человеческих отношений. Грубые, застывшие на ветру руки старательно лелеют первые всходы на коммунистической ниве. Это руки механизаторов из бригады Александра Беккера, это руки его самого, прославленного бригадира, руки председателя колхоза Николая Николаевича Буханько и многих других хлеборобов.

Главный контроль

Снег выпал рано, старики говорят: «Много раньше покрова...» Вместо золотого бабьего лета с высоким молодящимся небом, с кокетливым ветерком, старающимся набросить на лицо каждого встречного вуаль паутины, вместо рыбалки на Чарыше — низкий неопрятный полог туч, холодные капли за воротом, под ногами месиво, а на душе острая боль за валки, оставшиеся в степи.

Мокрый и медленный, будто невыспавшийся, первый снег падал всю ночь и все утро. К полудню степь лежала белая, притихшая, казалось, печальная. И люди были не рады раннему снегу: мокрый, он частью к вечеру растаял, распустил дороги, превратил поля в топи. Свекла тогда еще оставалась в земле. И зябь не все бригады подняли. И не весь хлеб еще вывезли на элеваторы. Извечные нелады то ли с природой, то ли с богом...

Алтайцы сокрушались: ранний снег обернулся бедой. Когда я встретился с Беккером, то невольно поспешил посочувствовать ему:

— Подвела осень? Говорят, давно такой не было...

Александр Александрович не спешил с ответом. Он шумно втянул в себя острый, пахнущий снегом воздух, потом возразил:

— Осень неплохая. Сентябрь у нас всегда сухой. А сейчас самое время земле влагой запасаться. Это хорошо, что дождит, что вот снег такой... Пусть размочит как следует. Нам без влаги оставаться нельзя... Кто не успел убраться, конечно, клянет и небо, и начальство, и судьбу свою хлеборобскую... Это уж всегда так. А земля сейчас пьет...

Роста он выше среднего, сложения богатырского. Ему дают тридцать, а на самом деле Александру Александровичу уже под сорок. Лицо без единой морщинки, всегда гладко выбрито. Пострижен высоко, но в меру. Волосы с проседью, лежат плотно. И сам он плотный, большой. В суждениях гнет свое, стоит на своем. И свое, проверенное, отстаивает. Вот и сейчас: не огорчил его ранний снег...

И всегда, видно, был таким.

Теперь-то он бригадир прославленный, а работает все так же, как и в самый первый день своего бригадирства. И искренне уверен, что ничего особенного не произошло. Все так... Правда, урожаи растут, ну, а как же иначе? Иначе он просто не умеет... О его великолепно разделанных полях, о его неизменно богатых намолотах пишут все чаще, да только ведь агротехника — это не первопричина. А что же тогда?

Александр Александрович начал издалека:

— Обычно приезжие глубиной вспашки интересуются, нормой высева, экономией горючего... Все необычного ищут, требуют... А у нас внешности никакой, мы только начинаем строиться. Да и не с дворцов надо начинать. С людей...

Средний урожай зерновых в «Стране Советов» за пять последних лет составил двадцать центнеров с гектара, а в бригаде Беккера — двадцать три. И это в Сибири!

— Зябь пашем. Так разве ж в этом секрет?

— И другие вроде пашут,— стараюсь понять бригадира.

— В том-то и дело, что не пашут! — с досадой воскликнул он.— Говорят о зяби, а полностью не поднимают. Или до самых белых мух пашут. А с ней надо в сентябре кончать.

— Значит, не успевают. Либо машин, либо людей мало...

— И у нас не густо, а успеваем! — с той же досадой продолжал бригадир и вдруг подобрел:— Люди другие у меня — это верно, с этим всегда согласен.

Кажется, мы подошли к главному: оставили гектары, заговорили о ребятах. Бригадир не называл, как некоторые, одного-двух самых передовых, на всякий случай помеченных в промасленной записной книжке вместе с процентами. Говорил он о всей бригаде разом. Ведь это всей бригаде общеколхозное собрание присвоило звание коммунистической.

Выл ветер, где-то гремела кровля, по стеклу бежали крупные слезы. Бригадир сказал:

— Главное — в поле совесть не забывают...

Совесть, совестливый, по совести... Эти слова я слышал в колхозе «Страна Советов», пожалуй, чаще других. Не в этом ли слове отгадка? Человек остается наедине с полем. Практически контроля нет. Бригадир? Так он один на всех. И агроном один. А зерновых в бригаде тысяча двести гектаров да скота сотни голов. Вот и получается, что главный контроль—совесть пахаря, животновода. Где это понятие утрачено, там поздняя весна — помеха, засуха — бич, ранний снег — беда. У Беккера люди совестливые. И пошло это от самого бригадира.

Начало

Александр шоферил в МТС. Вдруг предложили: принимай бригаду механизаторов в Романовке. Там он родился, безвыездно жил. Людей знал, как своих родных. Давно видел неполадки — бригадиры менялись, как листва на старых ветлах. Нравы пьяниц обрели силу традиции: без поллитровки и огорода не вспашешь и трудодня не заработаешь.

...Весна. Самое начало. Дел невпроворот. Александр вернулся из конторы поздно. Ужинал. В сенях загремело: стучался поздний гость. Кто бы это?

Вошел тракторист. Называть его сейчас нет нужды.

— Скучно ужинаешь, бригадир,— широко улыбнулся парень и подмигнул.

— Садись. Веселее будет,— пригласил Беккер, а в душе насторожился.

Гость повесил кожух, размотал облезлый шарф. К столу подошел с бутылкой.

— Но баранку не бросал шофер...—пропел с хрипом парень.— А ты, друг, бросил ее... Да не жалей, и тут свое возьмешь!

Разлили по стаканам.

— За бригадирство!..

Александр расспрашивал про машины, про ремонт, про запчасти.

— Хозяина нет,— сокрушался тракторист.

— А ты? — коротко спросил Беккер.

— Я тракторист, человек маленький... Притом же мне заработать надо. Платят за гектары, а не за урожай. Пока до меня агроном дойдет, я всю степь проковыряю. Только успевай саженью махать! Ха-ха...

В тот вечер многое понял бригадир, все беды и все возможности тракторной бригады наяву увидел.

Утром, после наряда, когда люди разошлись по местам, Але-

ксандр заметил вчерашнего позднего гостя.

— А ты что не заводишь? Солнце вон уже где!

— Слушай, Сашко, мне сегодня позарез подкалымить надо.

— Заводи—и в поле,—отрезал бригадир, и пальцы его сами собой сложились в здоровенные кулачищи.

— Ты что? Да мы ж вчера... Забыл?

— Заводи!..

С того раза — вот уже лет восемь — никто больше с бутылкой к бригадиру не заходит. Кто и хотел бы — знает, что зряшное дело, деньгам перевод...

Это было начало. Теперь он гордится своими механизаторами. Среди них и тот, кто первым проверил нового бригадира «на бутылку». Ни брат, ни сват, ни сосед не пользуются в бригаде преимуществом. Все работники, все равны! Когда Александр Александрович вернулся с краевой партконференции — это уж сравнительно недавно, осенью,— дома его ждала неприятная весть. Двоюродный брат, тракторист, неделю не выходил на работу: загулял с осветителями из приезжавшей киногруппы. Такое с парнем случалось и раньше. Однажды его поднимали на клубную сцену за то, что безобразно вел себя с женой. Стоял тогда он перед всей деревней... Дети потом еще долго показывали на него пальцем. Такое обычно помогает, а этому, как видно, не очень.

Бригадир сразу же зашел к загулявшему родственнику домой, предупредил:

— Завтра трактор сдашь.

— Александр!

— Нет. Сдашь Роберту. Все...

— Брат!..

— Нет... А из бригады уходи. Ты бросил семью, теперь бросил товарищей...

— Гонишь? Своего? В город уйду, там...

— Там такие не нужны.

Человек подвел. И ему отказали в главном — в доверии. Такому нельзя доверить ни трактора, ни воспитания его собственных детей, ни обыкновенных вил. Таким, кто без совести, беккеровцы не прощают.

Через межу

Можно писать о каждом из бригады Беккера. И это будет рассказ о нем самом. А можно писать и вовсе не о людях, а, например, об овсюге, злостном сорняке, который заполонил многие поля в Сибири и который съедает у плохих хозяев треть, а то и больше урожая; так вот, если писать даже об овсюге, то и тогда это будет рассказ о Беккере.

В колхозе «Страна Советов» я слышал такой анекдот. Американский турист как-то попал на поле, где буйствовала неведомая ему культура. Он подивился столь могучему урожаю и поинтересовался, как культура называется и нельзя ли увезти с собой немного семян? Американцу ответили: «Это овсюг, а семян брать не советуем, у вас может не получиться. Лучше возьмите с собой нашего агронома. Гарантируем: все ваши поля будут заняты овсюгом!..»

Беспощадный анекдот, очень самокритичный. Только зря всю беду полей наших валят на агрономов. Агрономы знают, как навечно похоронить злостного врага сибирских полей. А вот люди на машинах, которым доверена и поручена обработка почвы вообще и пропашных в частности, нередко являются союзниками овсюга.

А приходит на поле Беккер, и овсюг в панике отступает. Это не ради красного словца, так в жизни.

...Не раз выходил Александр Александрович на межу, за которой начинались поля соседнего совхоза. Плохие поля. Малоурожайные, заовсюженные. Частенько встречался Александр Александрович на меже с соседом своим, бригадиром Куршиным.

— Одолел овсюг? — бывало, спросит Беккер.

— Куда уж больше,— только и махнет рукой в ответ Куршин.— Намолотили по десять центнеров пшеницы, вроде неплохо. А в ней оказалась треть овсюга. Он и в отчете за пшеницу сошел...

Встретились соседи на меже и минувшей весной. Тянул теплый ветер. Беккеровцы спешили забороновать поля, чтобы не упустить влагу. А соседи только приступали к весновспашке. Александр Александрович молча глядел на ржавую щетину стерни соседа. Поле через межу напоминало больного человека — цвет лица землистый, лицо заросшее, неухоженное.

— Нынче овсюга намолотишь побольше,— тихо сказал Беккер.— Что же о зяби не позаботился?.. Совести у тебя нет. Так землю испоганить...

— Тебе легко говорить! — сорвался вдруг сосед и осекся.

Перед ним стоял такой же, как и он, бригадир. И земли у них одинаковые и планы похожие. И люди такие же... Нет, в том-то и дело, что люди разные. Да и бригадиры, если по совести, разные.

Беккер что-то решил про себя и неожиданно предложил:

— Давай-ка по-соседски действовать. Хоть и поздновато, но я тебе дам машины, наши быстрее бегают.

— А посажу кого? У меня на свои тракторы сажать некого,—заартачился Куршин.

— Так я же агрегаты пригоню с экипажами!

Куршин не понимал.

— Чего молчишь? — Беккер улыбнулся.—Сколько здесь будет? Двести гектаров? Ну, так вот мы их тебе обработаем по-своему. Засеем и уберем! Идет? По рукам?..

Так беккеровцы шагнули через межу. Свершилось нечто будничное и в то же время высокое, завтрашнее!..

На поле соседей, которое отныне называют не иначе, как полем дружбы, они сначала сожгли стерню, потом слой жареного сорняка запахали. А когда горсти уцелевшего, спровоцированного пахарями овсюга взошли, поле неожиданно прокультивировали вдоль и поперек. Это был риск: весновспашка плюс двойная культивация не могли не иссушить землю. Но Беккер рискнул.

Лето выдалось сухое. И все же соседняя бригада, которую теперь возглавил Бучин, намолотила на поле дружбы пшеницы вдвое больше, чем в прошлом году. Овсюгу был нанесен жесточайший удар. Но это полдела. Осенью беккеровцы снова шагнули через межу: они подняли зябь соседям да еще подготовили им семена для посева на доброй тысяче гектаров!

Александр Александрович доволен.

— Теперь мои соседи пшеницу косят, а не овсюг. Добьюсь, чтобы урожай на их полях был не менее двадцати центнеров. А к тому времени они и сами научатся за землей ходить,— хитровато глянул Беккер.

Он интересный воспитатель. О своих трактористах говорит так:

— Груб парень, а ты с ним нежно, дипломатично. Доверяй ему, а из виду, конечно, не выпускай. И про техуход спроси и настроением поинтересуйся. И бытом. Мы, например, бригадой построили школу в Романовке, полевой стан для себя. Весной сад на стане посадим.

На Алтае во многих хозяйствах придерживаются отрядного принципа организации труда механизаторов. У Павла Печенкина, друга Беккера, в бригаде три отряда. В отряде — десять механизаторов, пять машин. Ребята в отрядах быстрее сдружились, лучше ухаживают за своей землей, своими машинами... А вот у Беккера отрядов нет. Эта своеобразная дань хуторским нравам, когда делается ставка на «свое», для Александра Александровича — пройденный этап. Беккеровцы сумели сдружиться, не дробясь! Они машину берегут не потому, что она «моя», отрядная, а «наша», бригадная.

Разбор полета

Я сидел в кабинете Николая Николаевича Буханько, председателя колхоза, прислушиваясь к разговорам. О чем толкуют нынешние «мужики»? Говорили о больнице— колхоз сам построил. Больница чудесная, оснащенная современным оборудованием, с зубным, рентгеновским и другими кабинетами. Говорили о поведении молодого инженера-строителя: на него делается ставка не только как на специалиста с высшим образованием, но и как на интеллигента, а он, извиняюсь, упивается до скотского состояния.

— Еще один подобный случай— и вы, молодой человек, будете стоять перед всеми на клубной сцене! — предупреждает Николай Николаевич.

В кабинет заходит один из бригадиров. В дождевике, мокрый, руки в земле, от сапог — следы. Вызвал председатель.

— Почему пахали не с теми боронами?

— Мы их уже заменили.

— Заменили, когда агроном увидел. Неужели к каждому трактористу агронома приставлять?

— Я сам сейчас заменил бороны,— показывает бригадир на руки в сыром черноземе.

— Иди, но в газете будешь,— кончает разговор председатель.

Большой, в мокром дождевике бригадир встает, но не уходит.

— Не надо в газету... Больше такого не будет!

— Ты бригадир, как же допустил такое? — укоряет Николай Николаевич.

— Был грех,— опускает глаза бригадир.

— Иди.

— Не надо в газету... Мы всегда по совести...

Бригадир уходит, смущенный, пристыженный.

А потом заходит девушка, тоже в брезентовом дождевике, тоже мокрая, озябшая.

— Привезла, Николай Николаевич! Саженцы привезла. С трудом достала, а привезла. Дорогу развезло, трактор нашу машину тащил... А все же привезла маленьких,— улыбается устало агроном-садовод.

— Садись, Катя! — Николай Николаевич рад, что она достала саженцы, что не засела машина.

— Теперь сажать, Николай Николаевич! — быстро заговорила садовод.— Уж вы дайте мне людей.

— Дам тебе людей. Но с садом погодим,—посерьезнев, говорит председатель. Садовод явно не понимает его.— Эти саженцы дадим колхозникам. Каждому возле дома посадим.

— Как же так? — быстро встала Катя.— Что вы говорите? Я с таким трудом... Нам же сад надо... Сейчас самое время, а вы...

Председатель мягко возражает:

— Надо, Катюша. Пусть все село садом цветет. Мы ведь коммунистическим колхозом хотим стать, а улицы голые...

— Погибнут саженцы, Николай Николаевич!

— А мы поможем их выходить. А тех, кто не захочет поливать, беречь деревца, заставим.

— Жалко мне их, маленьких. Не верю, что уберегут их,— совсем было сдалась девушка.

— Надо, Катюша... Мы с тобой должны и сад вырастить и людей! Людей труднее...

Николай Николаевич Буханько не первый год председательствует в колхозе «Страна Советов». Бывший летчик, ныне и агроном, и зоотехник, и строитель, член крайкома партии. Не оттого ли его беседы с людьми, вечерние разговоры в правлении напоминают разбор дневных полетов? Это сравнение кажется удачным еще и потому, что колхоз находится в большом красивом полете в завтра. С каждым днем степняки — и беккеровцы и все колхозники артели — набирают высоту.

За окнами снег и снег — значит, добрым будет урожай!..

* * *

Очерк был подготовлен к печати, сибирская зима легла окончательно и надолго, когда радио, а потом и газета донесли до алтайского колхоза Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Николаю Николаевичу Буханько и Александру Александровичу Беккеру звания Героя Социалистического Труда.

Несколько настойчивых телефонных звонков в далекое, затерянное в снежной степи село, и вот из-за тысяч километров доносится голос агронома Вячеслава Сбитнева:

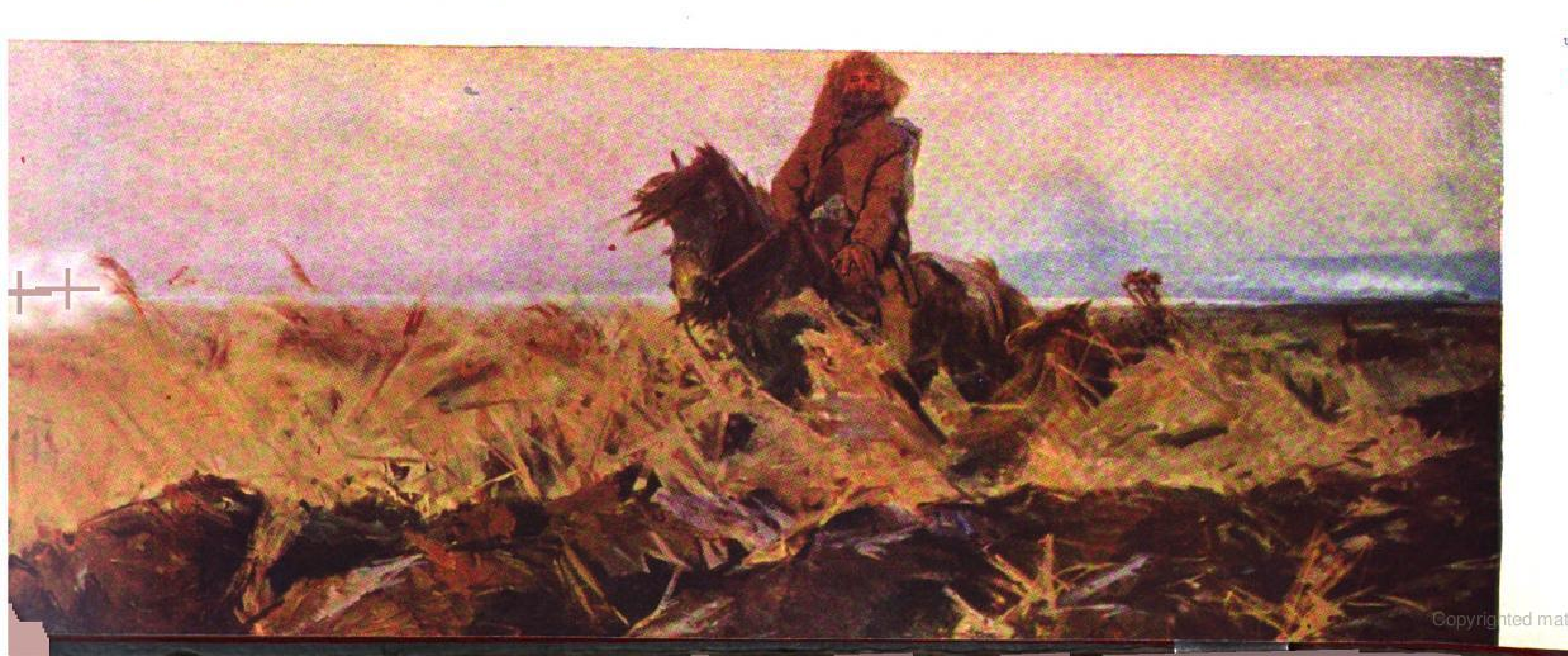
— Председателя нет. Да, в бригадах... Как всегда! Сейчас как раз у Беккера. До весны нам еще далеко, но ведь урожай делается во все времена года! Сегодняшние заботы — это заботы весенние... Разлука с травопольем была без печали — мы давно от него отказались. Нынче окончательно переходим на пропашную систему. Да, и под бобами площадь увеличили и кукурузе землицы добавили. Свекла хорошо у нас пошла, ей тоже прирезали дополнительные гектары... Ну, а про людей наших вы знаете. Ставка на совесть — такое не может подвести!.. И не подведет, нет. К коммунизму идем...

...Да, хлеборобская совесть в «Стране Советов» сегодня не только черта многих и многих характеров, а производственный фактор, который обрел силу замечательную! Отшумят метели, сбросит апрель снежный полог с полей, и начнут новый сев сеятели коммунистической нови!..

Т. Салахов (Баку). НА КАСПИИ.

И. Виеру (Кишинев). ВЕСНА.

К. Тельжанов (Алма-Ата). НА ЗЕМЛЕ ДЕДОВ.



Песни Аграфены Глинкиной

...Началось это ровно десять лет назад. После трудового дня, когда на деревню опустились прозрачные сумерки, Аграфена Ивановна и ее муж, Яков Ефремович, занимаясь домашними делами, слушали радио: «Передаем старинные народные песни!» Аграфена Ивановна перестала греметь посудой.

Один напев сменялся другим. По комнате лились знакомые, милые сердцу мелодии. И вспомнилось родное село, где прошла молодость. Да, там, в Деденках на Смоленщине, в большой семье Глинкиных любили и умели петь.

Но почему многие такие хорошие песни не услышишь по радио, не встретишь на пластинках, не прочтешь в книжках? Может, там, в столице, о них и не знают?

— Послушай, Ефремыч! — обратилась она к мужу.— А что, если записать несколько нашенских старинных, да и послать в Москву? Может, понравятся. Ведь молодежь многие из них ни разу и не слыхала. А я их ведь вон сколько помню.

— Отыскался «композитор»,— с явной иронией пробасил Яков Ефремович.— Не береди ты попусту свою старую голову. Где надо, там все знают, и никому твои писания не нужны. Лучше уж ложись да спи. Тебе чуть свет на ферму идти.

На этом разговор и кончился.

Но Аграфена Ивановна свое намерение все-таки осуществила. В свободные минуты, тайком от людей карандашом вывела восемь старинных песен. Запечатала листки в конверт, отнесла на почту.

Вскоре пришел из Москвы ответ. Аграфену Ивановну на несколько дней приглашали в кабинет народного творчества государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Научные сотрудники высоко оценили песни, присланные Глинкиной, и попросили ее напеть на магнитофон еще несколько песен, что остались в памяти пожилой колхозницы. 48 песен записали на пленку. Мягкий, хороший голос Аграфены Ивановны, исключительная музыкальная память помогли специалистам открыть новые народные творения, уточнить слова и мелодии. А. И. Глинкину поблагодарили:

— Вспоминайте, собирайте старые песни, пишите и шлите нам.

И колхозница из тогдашней сельхозартели «Новый быт», Можайского района, днем трудилась на полях, а вечерами вспоминала и записывала песни. Черновики составляла карандашом, а затем аккуратно все переписывала чернилами. Легко ли ей давалось! Ведь давно, полвека назад, она девчонкой всего одну зиму бегала в школу, а теперь вот надо писать, много писать. После первой поездки в Москву Аграфена Ивановна отправила в кабинет народного творчества еще 227 песен — свадебные и хороводные, лирические и плясовые, шуточные и драматические. Огромное богатство!

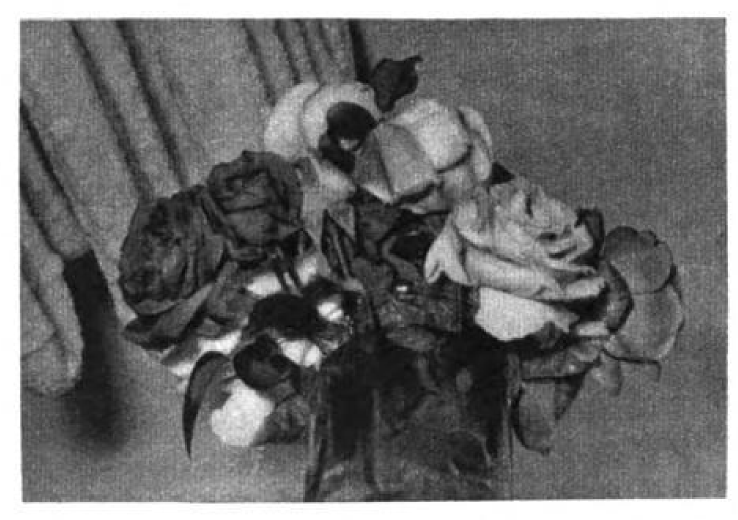
Записывает она и произведения, ею сочиненные: песни, частушки.

А сейчас, по решению Художественного совета консерватории, издается большой сборник, в который вошло 150 лучших и редких песен, представленных Аграфеной Ивановной.

А. РЯПИН



А. И. Глинкина. Фото Г. Шарипова.



Розы в холодильной камере. Фото Г. Санько.

ВОКРУГ НАС

ХОЛОД СЛУЖИТ ЧЕЛОВЕКУ

Зима. Сотрудница Института холодильной промышленности А. А. Холопова поздравляла сослуживцев с праздником. В руках у нее был букет свежих ароматных роз. Как будто добрая волшебница приказала розам цвести посреди зимы. Но розы эти распустились, как им и положено, летом. Их срезали, одели в полиэтиленовые мешочки и спрятали в специальную холодильную камеру, где при нуле градусов они и пролежали до зимы.

Конечно, хранение цветов — вопрос пока не столь уж важный. Но эти опыты доказали, во-первых, что цветы при низкой температуре могут сохранять свою окраску, свежесть и запах в продолжение многих месяцев, а во-вторых, что помещенные в холодильную камеру бутоны как бы погружаются в своеобразный сон и за время хранения накапливают огромную энергию. Когда цветы извлекают из камеры, они распускаются всего лишь за несколько часов и потом могут простоять в воде намного дольше свежесрезанных. А здесь уже найдется, над чем призадуматься биологам!

Интересными и важными проблемами занимается Институт холодильной промышленности.

Лаборатория торгового холодильного оборудования и кондиционирования воздуха. Руководитель ее А. А. Гоголин показывает нам новые, недавно утвержденные образцы «холодных» открытых витрин, больших холодильных камер для хранения продуктов, охлажденных прилавков для магазинов самообслуживания — все то, без чего невозможно сейчас вести нормальную торговлю. Но в лаборатории думают не только о работниках прилавка. Сегодня стала очень значимой и проблема кондиционирования воздуха.

Лаборатория разрабатывает и испытывает конструкции автономных кондиционеров — агрегатов с вмонтированной холодильной установкой. По мнению А. А. Гоголина, именно эти небольшие установки, способные охлаждать воздух в помещениях площадью до 300 квадратных метров, будут широко использоваться. Производство таких кондиционеров для комнат уже освоено заводами Азербайджанского совнархоза.

Особенно интересны работы над конструкциями, в которых охлажденный воздух образуется за счет... отработанного тепла. Если такой кондиционер установить, например, в автобусе, то он будет работать, потребляя тепло выхлопных газов, и в жаркий день в машине будет прохладно.

Сейчас вряд ли кто-нибудь удивится, увидев картонную коробочку со свежезамороженными ягодами или овощами. Но и тут, однако, есть свои новинки. И, пожалуй, самая интересная и необычная из них — быстрое замораживание кулинарных изделий в специальных скороморозильных аппаратах. Опыты показали, что любую кулинарию, начиная от салатов и супов и кончая пирожками и сдобными булочками, можно быстро замораживать, и при этом они не теряют вкусовых и питательных качеств. Пройдет совсем немного времени, и повсюду — на улицах, в метро, в кинотеатрах — выстроятся в ряд автоматы по продаже свежезамороженной кулинарии.

Человек захотел пообедать. Он опускает в автомат деньги и тотчас же получает тарелку замороженного супа, замороженное второе блюдо с гарниром, стакан замороженного компота. Все упаковано в пластмассовую пленку. Остается только нажать кнопку, и специальное электронное устройство, находящееся в автомате, за минуту разогреет обед.

— Я убежден, что замороженные готовые блюда прочно войдут в наш быт,— говорит руководитель лаборатории В. И. Шелапутин.— Даже трудно вообразить, как много заманчивого сулит это новое, увлекательное дело. У меня нет сомнений, что именно широкая продажа замороженных кулинарных изделий поможет освободить наших женщин от тяжелого и неблагодарного труда на кухне.

Л. КАФАНОВА

Без цемента

На 70 метров ввысь рванулось здание копра новой шахты «Магнетитовая-бис». Из больших плит, вплотную прилегающих друг к другу, образовались стены. У этих гигантских панелей любопытная особенность: в них нет ни грамма цемента...

Цемент называют «хлебом строительной индустрии». Как же могут стройки обойтись без своего «хлеба»? Оказывается, могут, особенно здесь, на Урале, богатом доменными шлаками, отходами черной металлургии. Они-то и заменяют строительный «хлеб».



Стены копра шахты «Магнетитовая-бис» делаются из панелей газошлакозолобетона. Фото В. Демидова.

И стены копра на шахте «Магнетитовая» и наружные стены домов в Нижне-Тагильских Черемушках, на Красном Камне сделаны из нового ячеистого материала, который назван длинно и мудрено: «газошлакозолобетон». Цемент в нем заменен молотым гранулированным шлаком. Активизатором служит небольшое количество извести, а вместо молотого кварцевого песка используются золы ТЭЦ.

Панели из газошлакозолобетона не только не уступают в прочности ячеистым бетонам, созданным на дорогом и дефицитном портландцементе, но и значительно превосходят их. Газошлакозолобетон лучше сохраняет тепло, не трескается.

Все шире сейчас применяют в Нижнем Тагиле и бесцементные кладочные растворы.

Шлак — материал бросовый, поэтому использование его сильно удешевляет строительство.

...Когда едешь по городам Урала, то и дело натыкаешься на огромные отвалы металлургических шлаков. Их тысячи и тысячи тонн. Сколько же драгоценного цемента могут заменить эти склады дешевого сырья, если его пустить в дело!

И только ли на Урале?

А. ГРИГОРЬЕВ



Сурен Кочарян.

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР ПРЕКРАСНОГО

Мне захотелось написать эту заметку после того, как я несколько часов провел наедине с книгой выдающегося советского артиста Сурена Кочаряна «В поисках живого слова».

Сурен Кочарян. В поисках живого слова. Издание Всероссийского театрального общества. Москва, 541 стр.

Это умная и какая-то удивительно откровенная книга. Мне кажется, что после такой книги автор ее, отдав из своего сердца все самое дорогое, накопленное за многие годы, должен чувствовать себя словно добровольно ограбленным. Ведь те богатства души, ума и памяти, что он носил в себе десятилетия, стали достоянием многих людей.

Впрочем, может быть, я ошибаюсь и в голове художника таится еще несколько таких томов. Однако если я хоть немного прав и автор действительно стал чувствовать себя беднее, то пусть он узнает, что мы-то с его книгой сделались духовно богаче. А поскольку Сурен Кочарян жизнь посвятил тому, чтобы нести свет высокого искусства народу, то это признание должно его утешить.

Книга «В поисках живого слова» состоит из трех частей. Первая — «Страницы творческой биографии». Затем приводятся наиболее выдающиеся композиции чтеца: «Витязь в тигровой шкуре», «Давид Сасунский», «Владимир Ильич Ленин», «Крейцерова соната», «Молодая гвардия», «Одиссея»...

В третьей части книги помещены отзывы видных деятелей науки и культуры о композициях Сурена Кочаряна и его исполнительском искусстве.

Особенно интересна, конечно, первая часть — «Страницы творческой биографии». Автор рассказывает о своей жизни и невольно уводит нас в мир сложных раздумий и чувств.

Книга утверждает работу чтеца как самостоятельный вид искусства, который нельзя отождествлять с актерским. Автор доказывает, что задачи и средства этих двух родственных искусств отличны друг от друга.

И еще одно качество книги нельзя не подметить: она написана сочным, удивительно легким и певучим языком. А сцены из жизни старого Тбилиси или страницы, которые автор посвящает своей бабушке Софье Тимофеевне, а также встрече с народным сказителем Туром, исполнены с блеском беллетриста.

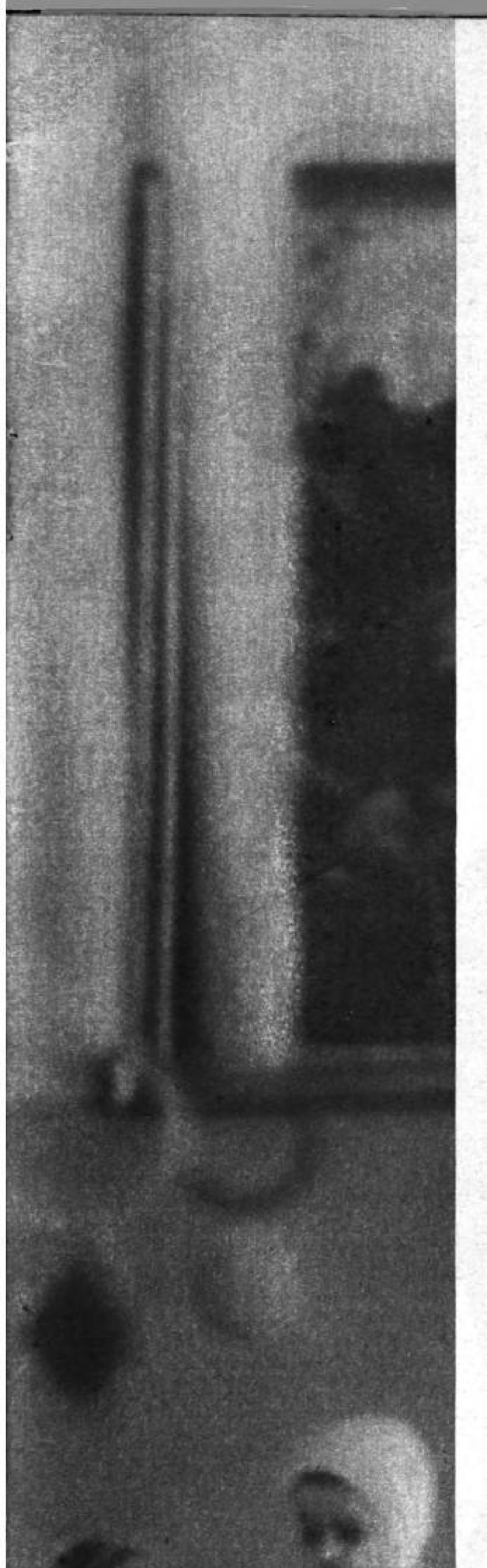
На этом короткую заметку можно было бы и кончить, если бы я по профессиональной привычке не заглянул в выходные данные книги, где значится, что труд этот выпущен тиражом в пять тысяч экземпляров. Думается, что это не по-хозяйски. Книга С. А. Кочаряна обращена к широкому читателю, а не только к товарищам по профессии. Уже сейчас приобрести ее почти невозможно. И не стоит ли подумать о переиздании книги, очень важной в культурном обиходе народа?

Вас. КУЛЕМИН



В каждых яслях есть такая «общая мама», как Лидия Михайловна Молоканова.

ДРУГ, ИДУЩИЙ РЯДОМ





Николай Родионович Астахов:
— Как жил, спрашиваете?..

У Николая Родионовича Астахова, восьмидесятилетнего курского жителя, в Курске родившегося и никогда отсюда не уезжавшего, в пору детства и юности не было ни одной новогодней елки, ибо мать и отец его жили в бедности, да, собственно, и детства-то не было. У стариков за праздничным столом, в разгар веселья, нет-нет да и шевельнется зависть к нынешнему молодому поколению. Это понятно, но Николай Родионович не из таких. Однако не будем забегать вперед, о нем речь дальше...

Никто не сосчитает, сколько на прошедших новогодних торжествах поднималось тостов «За Новый год!». Наверное, многие миллионы. И столько же «За счастье!». И столько же «За друзей!». И еще один, совсем новый тост могли мы все поднять в этот раз: «С наступающим коммунизмом!». Право на этот тост дал нам минувший 1961-й, год XXII съезда партии.

На съезде много раз звучали два слова: «общественные фонды». Без них в коммунизм нам не войти. Чем бо́льшую роль в жизни советского человека будут играть общественные фонды потребления, тем скорее мы подойдем к заветной цели.

Вот мы и решили героем нашего фоторассказа сделать близкого и дорогого друга-помощника — общественные фонды. Где живет наш друг? На всей территории необъятной Страны Советов. Мы отправились в Курск, обычный и во многих отношениях типичный советский город, у которого в новом году свои радости и заботы, свои успехи и огорчения и, конечно, надежды...

Мы познакомились с людьми всех возрастов. Самому молодому нашему знакомому — вернее, знакомой — от роду две минуты, самому старому — восемьдесят лет. Самый старый и есть Николай Родионович Астахов.

Николай Родионович — металлист, сейчас на пенсии. Он беспартийный, но всегда точно знал, что есть только одна партия, которая работает ради народа. Он сознавал себя сыном рабочего класса, и, может быть, именно поэтому товарищи избрали его однажды — в 1928 году — членом Центрально-Черноземного областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Сначала мы включили Николая Родионовича в наш фоторассказ просто как пенсионера, как одного из тех, кому общественные фонды дают щедрой рукой,— достаточно сказать, что в 1960 году пенсионерам города было выплачено 7 335 700 рублей, а за первые восемь месяцев 1961 года — 5 197 710 рублей.

Но, поговорив с Астаховым, мы подумали: а ведь его короткий рассказ очень хорошо оттенит то, что показано на фотографиях, сделает их язык более ярким и доходчивым.

Прежде чем передать его слова, нужно сказать, каков Николай Родионович. Он малого роста, крепкий и кряжистый, ногу на землю ставит твердо — такого шапкой не собьешь. Ничего стариковского, даже усы, с рыжеватой подпушкой от вечной трубки-носогрейки, и то какие-то моложавые. Забываешь, что ему уже восемьдесят. И голос не старческий и говорит с усмешкой, лукаво.

Вот что услышали мы от старика:

— Как жил, спрашиваете? А так. Родился на печке, не на постели, крестился в церкви, в купели. Принимала меня бабка-повитуха,— настоящая-то акушерка двадцать пять рублей стоила. Отец мостовые мостил, мать прачкой по дворам ходила, они вдвоем за месяц еле-еле сороковку зарабатывали. Учился ли? А как же! Сильно ученый был, три класса кончил — по-нашему, по-курски, говорилось: у дьячка на завалинке. Лет тринадцати от роду пошел работать на чугунолитейный заводишко хозяина Степанова — был такой... Как водится, учеником — у мастера на побегушках. Первые полгода пять копеек в день получал, а после — гривенник. Богат был, куда там! Много я опорков стаскал, пока до рубля в день дошел. А когда уж так забогател, что сподобился яловые сапоги справить, то и женился. И пошли дети — восьмерых мы с женой на свет произвели. Первые трое померли в малолетстве — от простуды, от скарлатины. Доктора не вызовешь, ему платить надо.— Николай Родионович вдруг рассердился, махнул рукой.— А по чести говоря, ну его к бесу, старое поминать!

Мы спросили, есть ли у Николая Родионовича внуки.

— И внуки и правнуки — все есть!

Родословную семьи, основанной Николаем Родионовичем Астаховым, стоит здесь привести.

В Курске живут трое его детей: сын Павел, токарь по металлу городского треста жилищно-коммунального строительства, дочь Ольга, врач-эвакуатор «Скорой помощи», и дочь Валентина, работница кожевенного завода. У Павла пятеро детей: Александр — токарь табачной фабрики, Николай — работник швейной фабрики, молодой папаша трехмесячного сына Вовы, Виктор — токарь, работает вместе с отцом, Нила — двадцатилетняя мама, полгода назад родившая сына Сережу, и Зоя — ученица 8-го класса. У Ольги есть сын Феликс, он служит сейчас в армии. У Валентины трое: дочь Алла — студентка 4-го курса торгового техникума, сын Геннадий — ученик 8-го класса, и дочка Галя — ей всего четыре года.

Вот какие ветви пошли от старого дуба! Девять внуков, два правнука, и правнуки, надо думать, первые, но не последние...

— Мы для них потрудились, а им дальше идти,— сказал напоследок Николай Родионович.— Все в нашей жизни для них...

Общественные фонды... Вот ро-

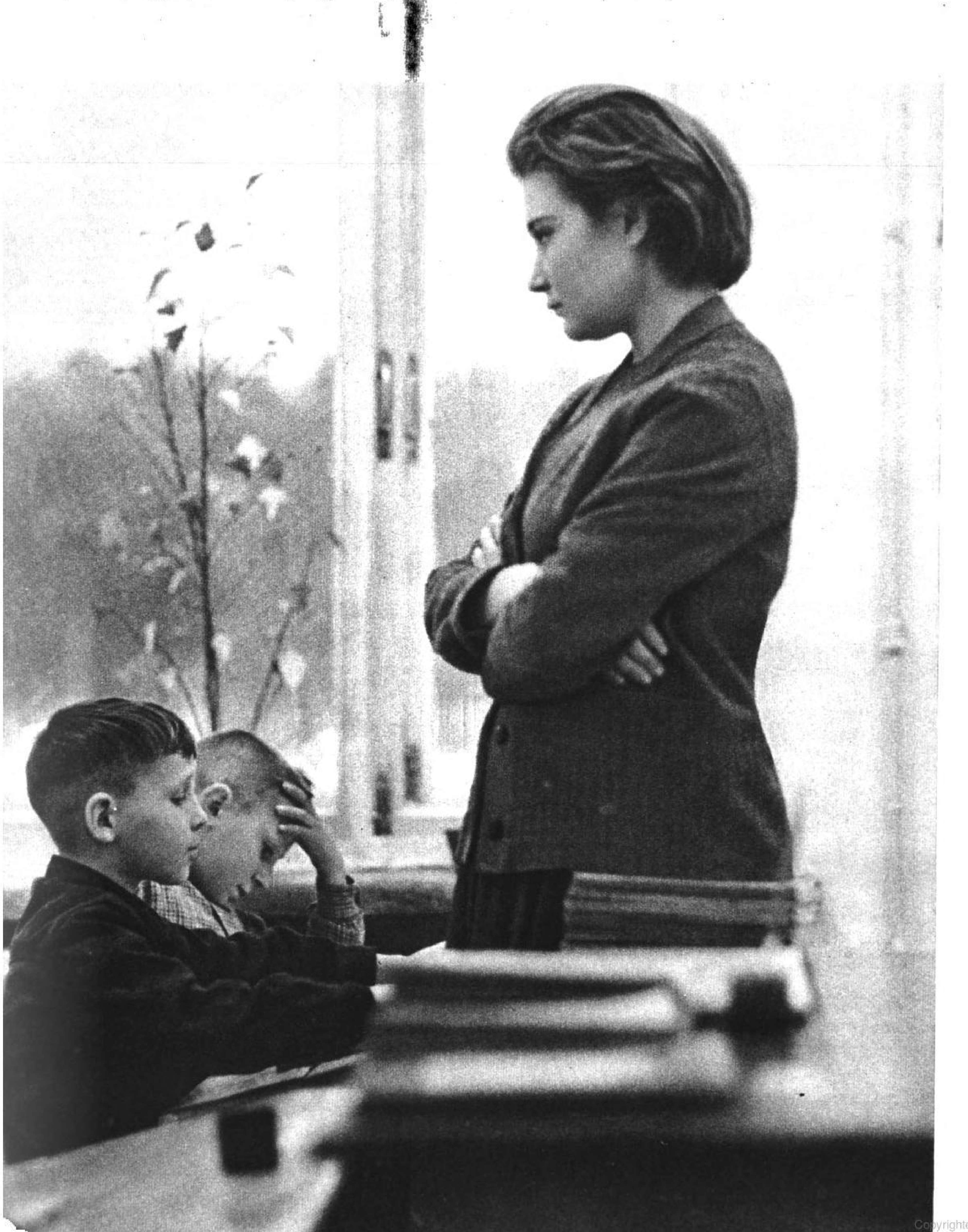
О. КУПРИН, О. ШМЕЛЕВ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.



Звонок звенит! Еще мгновение — и двор школы-интерната будет пуст.









дился человек, и они берут его под свое постоянное покровительство. Каждый день в Курске рождается в среднем 20 детишек. Для них — родильные дома, а там чистота, порядок, внимательные врачи, заботливые акушерки. Есть ли, собственно говоря, разница: родился человек в Курске или, предположим, в Чикаго? Оказывается, есть. В Чикаго за рождение человека нужно заплатить больнице 600 долларов, а в Курске — ни копейки. Здесь все расходы покрываются общественными фондами. Правда, в Чикаго, если повезет, можно ограничиться 25 долларами. Но для этого нужно, чтобы роды начались на улице и чтобы при сем непременно присутствовал полицейский. Закон есть закон...

Забот у общественных фондов много, хозяйство их велико и с каждым днем все расширяется. Детские ясли и сады (между прочим, в Курске на содержание одного ребенка в яслях за год тратится 454 рубля), школы и институты (в школах-интернатах, например, на одного ученика расходуется в год без малого 1 тысяча рублей), санатории и дома отдыха (в 1961 году 12 402 жителя Курска и области отдохнули в них по бесплатным или частично оплачиваемым путевкам), родильные дома и дома для престарелых. Словом, вся жизнь человеческая проходит под опекой общественных фондов.

...Работает на курском электроаппаратном заводе Дмитрий Меньшов. Знаете, как ему помогли в жизни общественные фонды? Всего и не упомнишь и не перечислишь. Например, такое: дали ему образование. Дмитрий Васильевич бесплатно учился в школе рабочей молодежи, а сейчас заочник электромеханического техникума, рядовой громадной, состоящей из 7 780 человек армии заочников, обучающихся в курских институтах и техникумах. По знаниям и работа: стал он мастером в инструментальном цехе.

Нам думается, что и Дмитрий Меньшов, и Николай Родионович Астахов, и все их земляки и соотечественники могут поздравить друг друга: «С наступающим коммунизмом!».

НА СНИМКАХ:

Они на первой ступеньке — в первом классе. Их поведет дальше учительница Любовь Вениаминовна Иванова...

Сегодня студенты проложат еще одну лыжню.

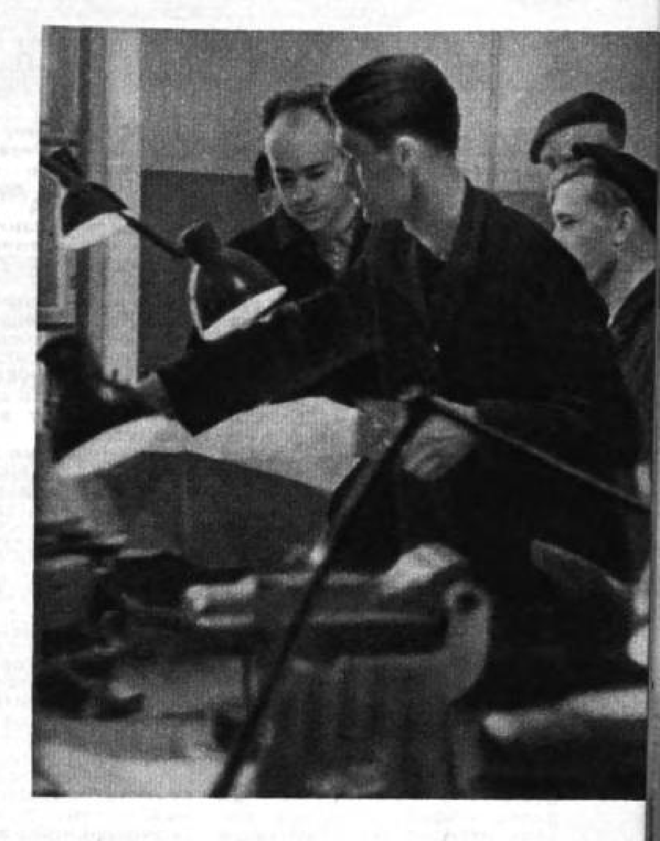
Е. Г. Антимонов работает инженером-технологом депо, но он хочет учиться и потому проводит вечера в учебно-консультационном пункте Всесоюзного заочного политехнического института.

Есть такое местечко под Курском — называется санаторий «Моква»...

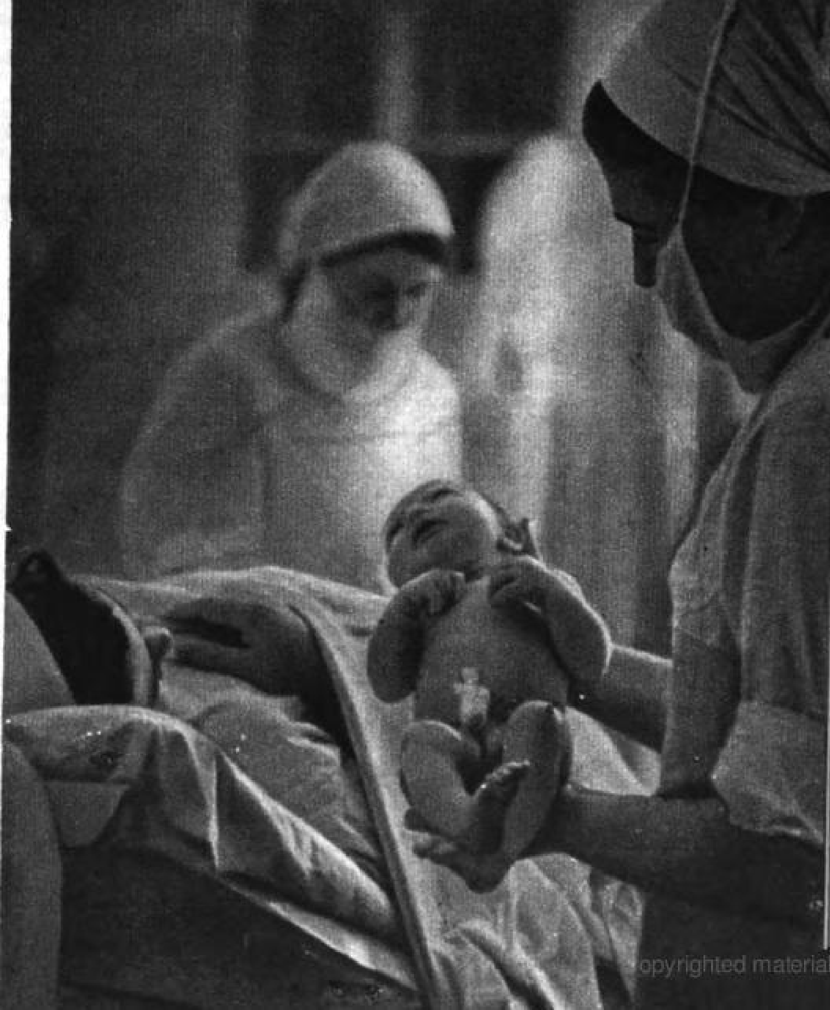
Д. В. Меньшов — мастер цеха (второй слева).

Театральный разъезд у рабочего клуба.

— С новорожденной вас! — поздравляет молодую мать акушерка.









ТОРМОЗЯТ ЭЛЕКТРОНЫ

Эти оригинальные устройства начали действовать совсем недавно на путях подгорочного парка станции Ленинград сортировочный Московский.

Что же они собой представляют?

...В центре станции, у подножия горки, стоит высокий пост централизации. Здесь находится электронный мозг, управляющий сортировочной работой. На высоких стойках бесчисленное множество реле, сопротивлений, маленьких цветных лампочек.

— Три вагона — четвертый! — разносится через репродукторы по всему маневровому району очередная команда дежурного по горке. Это значит, что на четвертый путь подгорочного парка с горки идет отцеп — три сцепленных вагона.

На пути отцепа перед верхними и нижними горочными замедлителями стоят небольшие металлические ящики с электронными скоростемерами. Невидимые электронные лучи, протянувшиеся через жалюзи этих ящиков в сторону горки, все время начеку: они-то, заменяя оператора, который раньше управлял замедлителями, не дадут вагонам развить скорость больше положенной.

На все операции электронным приборам требуются лишь сотые доли секунды! И вот, грохотнув и чуть приподнявшись, стальные шины на мгновение стискивают бандажи колес, и вагоны катятся дальше, но уже медленнее.

Тут вступают в дело подгорочные замедлители, которые теперь заменят тяжелый труд людей-«башмачников». Электронные приборы подсчитывают также степень занятости пути вагонами.

— Такие замедлители вскоре появятся на всех остальных путях этого парка, — говорит мне В. Д. Ратников, конструктор новых устройств, сотрудник ленинградского института «Гипротранссигналсвязь». — Таким образом, сортировка вагонов будет проходить гораздо скорее и четче, а тяжелый труд людей будет облегчен. Что же касается «башмачников», то для них тут же, на станции, найдется более интересная работа.

А. ИВАНОВ

ИСКУССТВЕННАЯ ПОЧКА

29-летний мужчина по ошибке вместо воды выпил полстакана жидкости для выведения пятен. У него началась страшная рвота, и вскоре он потерял сознание.

Больному грозила гибель. У него были сильно поражены печень и почки, и все современные способы лечения почечной недостаточности оказались недейственными.

Тогда заболевшего срочно переправили в клинико-экспериментальную лабораторию «Искусственная почка» Военно-медицинской ордена Ленина академии имени С. М. Кирова.

В тот же день хирурги Семен Вавилович Рыжков и Евгений Сергеевич Колосов приступили к сложнейшей операции с подключением искусственной почки для очищения организма больного от отравления. Пациента положили на специальный операционный стол-весы: ведь надо непрерывно следить за его весом, чтобы регулировать водный баланс. В вены вставили полихлорвиниловые трубочки, по которым кровь с помощью насоса попадает в диализатор для очистки.

На несколько часов врачи как бы превратили организм человека и аппарат в единое целое, создав круговорот крови, и непрерывную ее очистку.

«Искусственная почка» не только очищала кровь от ядовитых веществ и убирала из организма пострадавшего лишние соли и жидкость, появившиеся в результате отравления, но и добавляла те соли, которых не хватало. Так больной был спасен.

Отечественный аппарат «искусственная почка», созданный под руководством инженера-конструктора Юрия Михайловича Козлова, является одной из лучших моделей такого прибора во всем мире.

В. САВЕЛЬЕВА

Тепло издалека

Вы сидите в своей комнате. На улице хозяйничает мороз, а в комнате тепло и уютно. Притроньтесь рукой к радиатору водяного отопления. Он горячий.

Где нагревается вода для отопления квартир? Не так давно любой городской житель ответил бы: в котле, в подвале дома, где истопник, орудуя лопатой, подбрасывает уголь в топку. Но теперь советские города привыкли к другому, более экономичному решению — теплофикации.

Но и у этого способа есть свои недостатки: горячая вода отдает лишь часть своего тепла, ее нужно прогонять по трубам в больших количествах, и допустимые расстояния для транспорта тепла невелики. Приходится сооружать в городе не одну, а ряд сравнительно небольших теплоэлектроцентралей, что в городе не желательно.

Недавно на кафедре тепловых установок Всесоюзного заочного энергетического института разработан интересный проект, позволяющий в значительной мере решить вопрос теплофикации городов.

Воду предварительно нагревают до высокой температуры на мощных теплоэлектроцентралях и направляют в трубу, идущую в город без возврата охлажденной воды обратно на станцию, как это делается обычно. Вместо этого охлажденная в радиаторах отопления вода используется для ванн, кухонь и прочих нужд населения.

Что это дает?

Каждый километр транспорта воды по новой схеме обойдется в 4—5 раз дешевле, чем по старой. Население в любое время суток сможет прямо из крана получить горячую воду, притом воду умягченную, то есть именно такую, которая нужна для стирки, мойки и прочих нужд. Сама электростанция может быть укрупнена, а следовательно, будет дешевле. При таком дальнем транспорте тепла станет возможным отдавать горячую воду не только городам, но и небольшим поселкам, совхозам и колхозам, находящимся сравнительно далеко от теплоэлектростанции.

А. КИЧАТОВ

Тысячу метров под водой

На последней международной конференции по подводным исследованиям бельгийский ученый Жак Пиккар и швейцарский профессор Ганс Келлер сделали интересное заявление.

Пиккар рассказывал о своем спуске на батискафе «Триест» возле Марианских островов на глубину 11 тысяч метров. Но самым лучшим уровнем для ведения научных наблюдений за морской жизнью он считает глубину в одну тысячу метров, так как там встречаются формы жизни, заслуживающие особого внимания ученых. В ближайшее время Пиккар полагает спуститься на эту глубину на новом, более мощном и усовершенствованном батискафе. Мало того, ученый предполагает выпустить там человека. Опыт этот рискованный, так как, хотя человек и будет снабжен специальным дыхательным аппаратом, известно, что на такой глубине человеческие органы испытывают колоссальное давление, которое может оказаться для них роковым.

Профессор Ганс Келлер, который проводил подводные исследования на озере Лаго-Маджоре, заявил на конференции: «Тысяча метров — это для человека большая глубина, и для того, чтоб он мог там находиться длительное время вне батискафа, математика дает простой и убедительный ответ: достаточно, чтоб внутреннее давление в скафандре было равно внешнему. Единственно, что может проявиться на такой глубине,— уменьшение роста человека на несколько миллиметров. Известно, что любой человек в лежачем покойном положении имеет один рост, а в стоячем положении после трудового дня его рост уменьшается на несколько миллиметров при сохранении прежнего объема».

Швейцарский ученый не раскрыл секрета, каким образом он сможет добиться равновесия давления. Известно только, что он подготовил особую смесь, которая, кроме гарантии дыхания на такой глубине, создает также необходимое контрдавление, видоизменяющееся с изменением внешних условий. Состав смеси можно варьировать в зависимости от глубины спуска.

И. РОБИН

С «ПРАВДОЙ» НА ГРУДИ

Это произошло на третий месяц войны, в августе 1941 года. Я служил тогда в 10-м железнодорожном батальоне. Положение на фронте было тяжелейшее, и батальон наш, отложив в сторону строительный инструмент и технику, действовал часто как обычная войсковая часть, принимая на себя удары наступающего врага.

Мы с боями отходили к Днепру. В одной из деревень — не помню названия, много их было на нашем невеселом пути отступления — к батальону прибился пожилой штатский мужчина, высокий, плечистый, с большой русой бородой. Он оказался отцом нашего ефрейтора Ивана Потапенко — адъютанта командира батальона Николая Васильевича Капранова.

Весь батальон вскоре уже знал трагическую историю старого Потапенко. Он примкнул к нам после того, как в родном селе, похоронив зверски убитую фашистами жену, сжег в своем доме, превращенном в казарму, комендантский взвод гитлеровцев. Тех, кто пытался спастись из огня, Потапенко расстреливал из автомата, который он добыл, задушив выставленного у хаты часового.

А еще до этого, в крепости Ломжа, куда Потапенко ездил навестить другого своего сына, младшего лейтенанта пограничных войск, он вместе с гарнизоном крепости до последнего патрона отражал атаки гитлеровцев. Сын погиб у него на глазах...

Дни и ночи были наполнены свинцом, грохотом разрывов, огнем и дымом пожарищ. Мы медленно отходили, упорно цепляясь за каждую удобную для обороны складку местности, за каждый водный рубеж. Днепр, казавшийся нам тогда последней чертой, за которой для нас нет земли для отступления, был уже не так далеко.

Однажды утром мы окопались на холмах, чтобы дать бой преследовавшей нас танковой части противника. Старый Потапенко был в цепи рядом со своим сыном Иваном.

Не стану описывать этот бой. Скажу только одно: он был жестоким. За фашистскими танками шла пехота. Батальон отражал одну атаку за другой и сам ходил в контратаки. В рукопашной стычке, действуя бок о бок с сыном, старый Василь Потапенко не знал страха. В самый разгар схватки, поспешив на выручку к сыну, он получил пулю в лицо. Иван с товарищем вынесли его из этой страшной каши, но далеко уйти не успели — старый Потапенко умирал.

Лежа на спине в сухой высокой траве, куда опустили его солдаты, Василь открыл на минуту залитые кровью глаза, позвал сына и сказал тихо:

— Умираю, Иван... Вот тут...— Он положил руку на грудь.— Возьми. Газета... Что немец в Ломже мне вернул... Я тебе говорил...

Когда бой кончился и солдаты подошли к стоявшему над погибшим отцом Ивану Потапенко, они увидели в руке у него старый обрывок газеты «Правда», пожелтевший от времени, весь в бурых пятнах. На полях была написанная от руки по-немецки, выцветшая надпись: «Дар русского солдата Василия Потапенко...»

Позже Иван рассказал бойцам историю этого обрывка.

В 1918 году в деревне, где жил Василий Потапенко, остановился немецкий полк, входивший в оккупационную армию фельдмаршала Эйхгорна. Василий сдружился с одним солдатом-немцем, тоже крестьянином. Немецкому солдату по сердцу была русская революция, и два человека разных национальностей быстро нашли общий язык.

При расставании Василий подарил на память другу номер «Правды» с ленинским Декретом о земле.

Как же эта газета снова очутилась у Потапенко?

В первый день войны, 22 июня 1941 года, в крепость Ломжу явился немец в военной форме, перебежчик. Он сказал, что по своей доброй воле сдается в плен и имеет сообщить нечто важное. Данные, принесенные им, действительно оказались очень серьезными. А при обыске у немца нашли во внутреннем кармане кителя сложенный вчетверо газетный лист. Газету, конечно, вернули владельцу, спросив, между прочим, откуда «Правда» попала к нему. Немец показал на надпись, сделанную им собственноручно на полях, и объяснил, при каких обстоятельствах и кто именно подарил ему газету.

Немца допрашивал сын Василия Потапенко, младший лейтенант. Увидев свою фамилию на газетном листе, он тут же вспомнил обо всем, что рассказывал по этому поводу его отец: история с «Правдой» была в их семейной хронике одним из самых памятных эпизодов.

Само собой разумеется, что младший лейтенант вызвал приехавшего в гости отца, и старые друзья узнали друг друга.

Потом, когда гитлеровцы пошли приступом на крепость, этот немец вместе с Василием Потапенко взял оружие и был в рядах обороняющихся. Его смертельно ранило: пуля попала в грудь, пробив газету и обагрив ее кровью. Умирая, Гельмут — так звали немца — просил Василия Потапенко взять «Правду» на память...

Сын Василия ефрейтор Иван Потапенко долго хранил этот обрывок и тоже носил на груди. Погиб он в мае 1942 года, при эвакуации с Керченского полуострова.

Многое из пережитого постепенно стирается в памяти. Но эта история останется в сердце до конца дней.

А. СОБОЛЕВ

Почему плакала Памела

Уэйн Фарбер, лейтенант запаса бронетанковых частей американской армии, прощался с семьей. Всем маленьким тельцем прижалась к нему трехлетняя Памела, обхватила его ручонками и зарыдала горько-горько...

Происходило это недавно в Ридсбурге, городке штата Висконсин. Совсем невелик этот городок: в нем есть девять таверн, одна библиотека, девять церквей, текстильная фабрика, литейный завод и 4 371 человек жителей. В дни, когда Соединенные Штаты захлестнула очередная волна военной лихорадки и президент США отдал приказ о призыве резервистов в американскую армию, ста жителям Ридсбурга было приказано явиться на призывные пункты и надеть военную форму.

Журнал «Лайф», опубликовавший в одном из декабрьских номеров репортаж о призыве резервистов, пишет, что в Ридсбурге не обошлось без «личных трагедий».

Старый Мелколм Миттлстед объявил, что он продает с молотка свою ферму. На ней теперь не осталось рабочих рук. И сына его Джона и внука Тома забрали в армию. Элтону Скотту, водителю грузовика, пришлось подыскивать своей семье — жене и четырем детям — жилье поменьше и подешевле: на 200 долларов в месяц стали меньше доходы в семье Скоттов с тех пор, как Элтону нацепили сержантские погоны. Расселу Мортимеру, всего лишь год назад вернувшемуся из армии, пришлось снова облачаться в форму. Еле успел он обвенчаться со своей невестой. А Патрик Кондон, мобилизованный по приказу президента, оставил дома инвалидов-родителей. Когда он прощался с матерью, ему не давала покоя мысль: «Кто теперь будет водить больную мать к доктору?»

Под звуки городского оркестра и под воинственный аккомпанемент американской печати уходили из родного города, из мирной жизни сто жителей Ридсбурга. А сколько по всем Соединенным Штатам? Тысячи жен комкали в ладонях мокрые платочки; тысячи матерей обнимали дрожащими руками сыновей; тысячи детей, таких, как Памела, плакали в три ручья, не понимая, что происходит...

И в самом деле, что происходит в США? Ведь Соединенные Штаты не находятся в состоянии войны. Ведь то, что произошло в Ридсбурге и в других больших и маленьких городах Америки, произошло в мирное время. Так почему же большие дяди из Пентагона заставили плакать маленькую Памелу?

Военная лихорадка трясет Соединенные Штаты. Как эпидемия, расползается она по всей стране. Во времена эпидемий богатеют гробовщики. Во времена военной лихорадки богатеют монополии.

В том самом номере «Лайфа», где напечатан репортаж из Ридсбурга, через несколько страниц опубликован список крупнейших монополий Соединенных Штатов. Журнал свидетельствует, что владельцам их живется совсем неплохо. Пятьсот ведущих американских промышленных корпораций, сообщается в журнале, в 1960 году получили 11 миллиардов 600 миллионов долларов прибыли. Почти половина из этих компаний получила больше прибылей, чем в предыдущем году.

Где источник этих прибылей? Может быть, американские монополисты зарабатывают миллионы на продаже зубных щеток или купальных костюмов «бикини»? Если просмотреть список ста крупнейших американских монополий, опубликованный «Лайфом», то не останется места ни для каких сомнений: миллионы делаются на гонке вооружений. В этом списке «знакомые все лица»: Дюпоны и Рокфеллеры, Морганы и Меллоны.

Из другого американского журнала, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», мы взяли рекламы некоторых из тех корпораций, которые значатся в списке «Лайфа». Взгляните, что рекламируют эти корпорации.

«Алюминиум компани оф Америка» производит сырье для военных нужд. На ее рекламе изображена высадка десанта. Вот что говорится в тексте рекламы:

«Среди металлов только алюминий обладает уникальными свойствами, которые делают возможным:

доставлять бронированный танк по воздуху,

сбрасывать гаубицы на парашюте,

дать солдату противовоздушное оружие, которое можно нести в руке,

увеличить скорость торпеды».

Компания «Эллайд кемикл» рекламирует свое участие в строительстве атомных подводных лодок.

Не унимается «Локхид». Шесть типов самолетов его производства взяты на вооружение военно-морского флота. «Мы горды тем, что мы взяты на борт!» — кричит реклама компании.

«Боинг эйркрафт» изобразил на своей рекламе ракету, которая находится на вооружении военно-воздушных сил США и размещена на американских базах не только в самой Америке, но и за ее пределами; рекламирует свое участие в ракетостроении «Бендикс»; сообщает о том, что она не последняя в гонке вооружений, корпорация «Монсанто», производящая электронное оборудование; об этом заявляет и «Интернейшнл телефон энд телеграф компани». Что ни реклама, то либо самолет, либо ракета, либо подводная лодка...

Монополисты рвут на части жирный пирог военных заказов, растаскивают по сейфам миллионы долларов, вытянутых у налогоплательщиков, и весело улыбаются, глядя, как все гуще становится атмосфера военного психоза в стране, как плачет маленькая Памела, провожая отца в армию.

А. СЕРБИН



Плачет маленькая Памела...



На своей ферме старый Мелколм Миттлстед вывесил объявление об аукционе. Ферма пойдет с молотка...



«Трагедия для родителей» — такую подпись дал под этим снимком семьи Патрика Кондона журнал «Лайф».

Рекламы американских военно-промышленных монополий.



АТОМ КРУШИТ ЛЬДЫ

Г. КОПОСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

«Наш атомный ледокол «Ленин» будет ломать не только льды океанов, но и льды «холодной войны». Он будет прокладывать путь к умам и сердцам народов, призывая их совершить поворот от соревнования государств в гонке вооружений к соревнованию в использовании атомной энергии на благо человека... на создание всего необходимого, в чем нуждаются люди».

Н. С. ХРУЩЕВ

Я увидел его сильным, коренастым, с тупым стальным носом и легкими светлыми надстройками. Прикрывшись от ветра корпусом атомохода, наш катеришко подошел к его левому борту.

Через несколько часов могучий бас гудка сообщил всем, что поход атомного ледокола «Ленин» начался...

Идем чистой водой. Скорость — 18 узлов. Все больше и больше кораблей остается у нас за кормой. Обогнали нескольких «иностранцев».

Но вдруг наш атомоход сбавляет ход, и мы несколько минут идем бок о бок с «Коммунаром». Что случилось! Оказывается, капитан с буксира радировал нам: «Прошу сбавить скорость, чтобы хоть немного пройти рядом с вами».

Какие же задачи стоят перед людьми в этом рабочем ледовом походе атомохода «Ленин»!

Об этом мне рассказывает начальник высокоширотной экспедиции, организованной Арктическим и Антарктическим институтом, Дмитрий Дмитриевич Максутов.

— Сначала мы закончим проводку судов в осенне-зимнее время на наиболее трудном участке Северного морского пути, в проливе Вилькицкого, — сказал он.— Затем пойдем на восток и в пятистах милях от полюса высадим с ледокола новую дрейфующую станцию, «СП-10»...

Как будто все просто и ясно. Но даже я, человек неискушенный, знал, что обычно все станции создаются весной. Ведь в марте — апреле в Арктике стоят ясные и солнечные дни. И самолеты относительно спокойно перевозят оборудование и людей. Так организовывались все предыдущие девять станций.

«Десятка» же высаживается с ледокола зимой, в полярную ночь, в холодную, неприветливую погоду. Все это связано с большими трудностями и даже с риском...

— Чтобы перевезти авиацией груз, который взят нашим ледоколом, пришлось бы сделать более пятисот рейсов,— продолжает рассказывать Дмитрий Дмитриевич.— Для станции заготовлено довольно много оборудования и стройматериалов, так что полярники смогут устроиться с большим, чем обычно, комфортом. Домики зимовщиков будут собраны прямо на палубе судна, а команда электриков в свободное время сделает электропроводку и установит приборы и арматуру. С первой же минуты зимовки в домиках загорится свет.

А на обратном пути по кромке паковых льдов Врангелевского, Айонского, Новосибирского и Таймырского массивов мы расставим 15 автоматических радиометеостанций и радиовех. Весь будущий год автоматически, без участия человека они будут сообщать на материк скорость и направление дрейфа льда, данные о температуре воздуха, давлении, скорости и направлении ветра. Все это необходимо ученым для ледовых прогнозов к предстоящей навигации.

Как видите сами, программа работ очень ответственная, серьезная и необходимая для многих научных исследований.

Часть нашего маршрута будет проходить непосредственно в пределах Центрального арктического бассейна. История полярных исследований еще не знает случаев свободного плавания судов на таких широтах и в столь позднее время, — закончил Дмитрий Дмитриевич Максутов...

...За восемь недель похода у меня накопилось очень много впечатлений. Было немало новых знакомств с известными полярниками и с теми, кто впервые в Арктике.

Некоторые из них мне запомнились особенно...

Борис Макарович Соколов

Это капитан атомохода «Ленин». Ему 34 года. Возраст сравнительно молодой, но опыт работы во льдах у него уже немалый. Самым могучим ледовым кораблем на земном шаре управляет самый молодой ледокольный капитан!

Вот, если можно так сказать, его послужной список.

Одиннадцать лет назад Борис Макарович окончил Высшее инженерное морское училище имени адмирала Макарова. В первое плавание курсант-практикант Соколов ходил на ледоколе «Адмирал Макаров» под командованием Павла Акимовича Пономарева. Позднее он несколько раз участвовал в ледокольных навигациях в Арктике, плавал на «Оби» к берегам Антарктиды. Во время строительства антарктической полярной станции «Лазарев» старший штурман дизель-электрохода «Обь» Соколов спас 16 моряков.

Было это так. На ледяной припай люди выгружали оборудование станции. Неожиданно начался сток—ветер с ледяного купола материка, достигающий ураганной силы. Снег белой маской залеплял лица.

Пока спасали трактор и вертолет, скорость ветра достигла 65 метров в секунду. А подозрительный ледяной треск говорил о том, что льдину разламывало на куски.

Надо было как можно скорее вывести людей к судну. Но как? Ведь на расстоянии шага уже не было ничего видно, а ледяной ветер сбивал с ног.

Борис Макарович повел свою группу, ориентируясь только по направлению ветра. Расчет оказался верным. Когда моряки поднимались на борт корабля, льдина раскололась на куски. Штурман Соколов поднялся по штормтрапу последним...

Петр Львович Бонин

Для хирурга Петра Львовича Бонина этот рейс на атомоходе был первым. До корабля он работал в клинике госпитальной хирургии профессора Ф. Г. Углова и за два года успел сделать более 400 операций. Пожалуй, хирург Бонин был на судне единственным, кто скучал по работе. Ведь на корабле все здоровы. «Так можно и позабыть свою профессию»,— в шутку жаловался мне Петр Львович.

И тут, как бывает в сказках, «злой волшебник услышал его слова». У мастера контрольно-измерительных приборов Петра Внукова начался тяжелый приступ аппендицита. Главный врач корабля Николай Степанович Лисицын и хирург Петр Бонин решили немедленно оперировать больного. Иного выхода не было.

Но операции мешало движение судна.

Была отдана команда остановиться. Прекратили работу главные двигатели, судно встало.

Полтора часа в Северном Ледовитом океане неподвижно стоял атомоход. Он двинулся лишь тогда, когда капитану позвонили из лазарета: операция прошла успешно, можно идти дальше.

Саша Зюганов

В рейсе он сдал экзамены на право самостоятельного управления реактором. Саша Зюганов — молодой инженер-оператор поста энергетики.

Все в экипаже любят и уважают Сашу. Не случайно комсомольцы судна выбрали его своим вожаком. «Вездесущий», — шутят друзья. Действительно, где только не встретишься с этим крепким, всегда жизнерадостным парнем! Спортивные соревнования — Саша первый, самодеятельность — опять он «первая скрипка», признанный ударник эстрадного оркестра. А если аврал — Зюганов отличный бригадир! Посмотришь, с каким «аппетитом» он работает, и усталость как рукой сняло.

Но главное, в 24 года он стал настоящим мастером своего дела. На пульте управления реактора перед ним десятки стрелок, приборов и сигнальных лампочек.

Как опытный врач, он следит за пульсом атомного котла, замечая малейшие отклонения в работе и поправляя их. Здесь ошибаться нельзя...

Поход атомохода в Северный Ледовитый океан был для Саши первым серьезным испытанием в жизни.

Владимир Мороз

Океанолог, работает в Арктическом и Антарктическом институте в Ленинграде. Но с такой полярной фамилией — Мороз — он не может усидеть подолгу в городе. Чаще его можно встретить в Арктике. В двенадцати экспедициях Мороз устанавливал радиовехи и автоматические радиометеостанции. Вот и теперь он вместе с инженерами института Е. Н. Юрьевым, С. И. Кабановым и А. Н. Листовым собирает приборы в ангаре. Долго их проверяет и настраивает. Ведь этим вехам скоро придется трудно: в сильные морозы, ветры и снегопады они будут нести арктическую вахту.

Сейчас же трудно Морозу. Судовое радио иногда по нескольку раз в сутки вызывает его группу для работы на льду. Отдыхать некогда. Снова он спускается с корабля по скользкому, обледенелому трапу в темную бездну полярной ночи. Снова вместе со всеми несет тяжелые приборы и арматуру по глубокому снегу и ледяным торосам к месту установки нового автомата.

Голыми руками на морозе готовит он к работе нежный и ответственный прибор — метеорометр. Наконец автоматическая радиометеостанция собрана. Владимир смотрит на часы. Через несколько минут в эфире появится еще один «голос льдов». Владимир Мороз знает, что теперь немного легче станет вести суда по Северному морскому пути, а ученые смогут узнать Арктику чуть лучше...

Капитан атомохода Борис Макарович Соколов.

В глубину атомного сердца корабля уходят стержни, осуществляя регулировку и защиту реакторов.

С ледокола идет выгрузка бочек с горючим для станции «СП-10».

Грузы для станции «СП-10» круглосуточно возят на санях тракторами.



В полярную ночь и метель при свете прожект
мира Мороза устанавливала автома

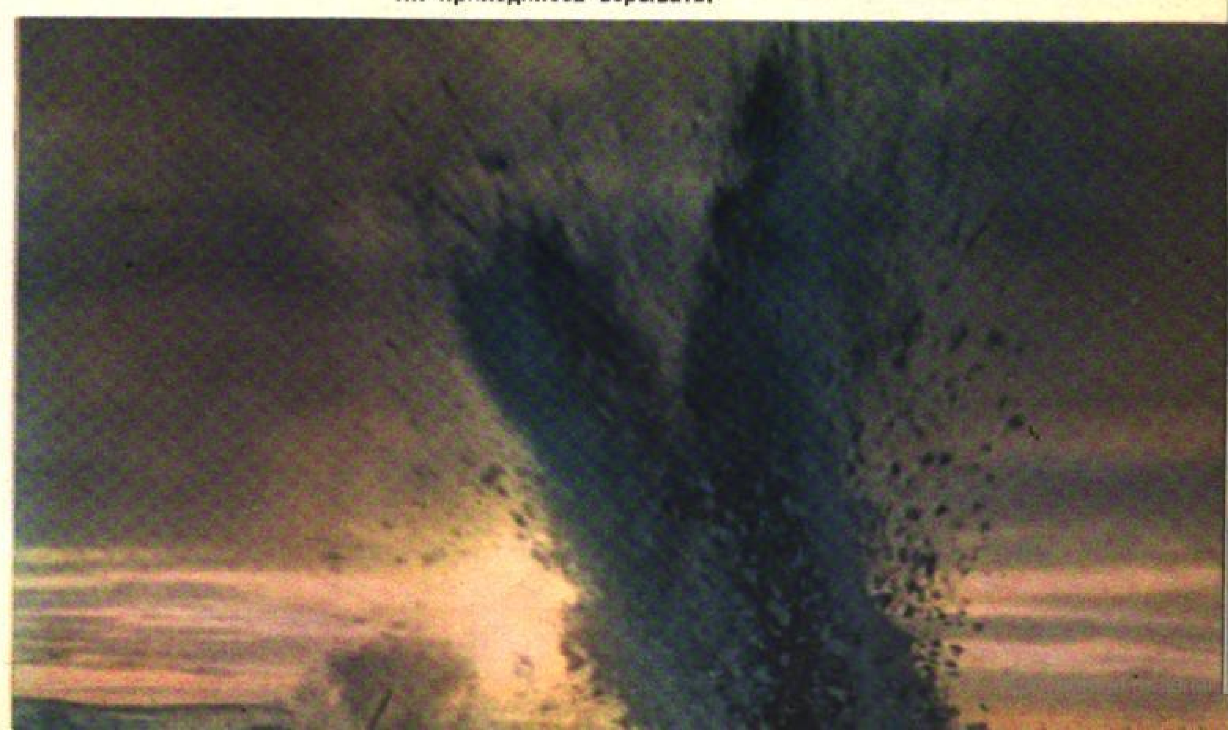


ра атомохода группа океанолога Влади-
тические радиометеостанции.



Иногда на пути строителей научного городка попадались мощные ледяные торосы. Их приходилось взрывать.





Евгений ВОРОБЬЕВ

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Повесть

5

Больше всего на свете я боялся при тогдашней моей забывчивости запамятовать имя машиниста насоса, горизонт, где его следует искать, и пароль, пароль, без которого к тому машинисту бессмысленно обращаться.

Пойми, дырявая башка, мне сейчас ничего нельзя выронить из памяти.

Позывные жизни!

Ну, а если бы я забыл пароль? Бросился бы, черт меня побери, вниз головой в старую штольню. В ту самую штольню свергнулся рассеянный «капо». Впрочем, если говорить правду, мы не слишком уповали на рассеянность «капо», и Беспрозванных пришлось его легонечко подтолкнуть...

— Стась, Стась, Стась, Стась!!! — исступленно шептал я про себя, маршируя, как под команду.— Двести шестьдесят второй горизонт... Проше бардзо едну понюшку! Стась, Стась! Проше бардзо едну понюшку! Мне указала сюда дорогу святая Барбара. Сама святая Барбара!..— повторял я бессчетное число раз, топча слякоть.

Каждый день дальнейшего пребывания в лагере был теперь мучительнее прежнего.

И вот еще почему я стал вдвойне тяготиться пленом: товарищи мои, соседи по нарам, те, с кем я толкал одну вагонетку, тот же Беспрозванных, Цветаев или Степа Остроушко, они ведь не знали обстоятельств, из-за которых мой побег был невозможен! Еще подумают, что я просто-напросто струсил! Не использовать такой счастливой возможности — это же надо быть боязливой сволочью! Нет, я не смел осудить товарищей, если бы они про себя или вслух обвинили меня в трусости.

Поделиться же планом побега я мог лишь после того, как повидаюсь со Стасем. А если план рухнет? Если машинист насоса Стась не назовет доброй мою дорогу к нему? Не даст понюхать табачку, когда я попрошу у него понюшку? Зачем же вселять в товарищей обманчивую надежду?

К счастью, вскоре мне удалось разыскать на двести шестьдесят втором горизонте машиниста насоса Стася.

Я шепотом сообщил ему пароль.

Стась долго и сердито молчал, как бы пораженный наглостью какого-то оборванца, который клянчит у него табачок. При этом он насквозь буравил меня взглядом острых глаз.

Может, все-таки я что-то запамятовал и неверно произнес пароль?

С бьющимся сердцем ждал я отзыва.

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

Известный полярный исследователь Василий Гаврилович Канаки внимательно вглядывается в экран радиолокатора. До льдины, на которой решено организовать «СП-10», осталось несколько миль.

Это экран корабельного радиолокатора. На нем видно радиолокационное изображение ледовой обстановки вокруг атомохода.

Да, дорога, которую указала мне святая Барбара, верная. Но я совершенно напрасно рассчитываю разжиться у него табачком. Дело в том, что табак вообще запрещено брать с собой под землю, а то еще какой-нибудь самоубийца вздумает в шахте закурить. Впрочем, несколько крошек, самую малую малость он, может быть, наскребет...

Я готов был броситься на шею этому Стасю, с губ едва не сорвалось имя Тересы, но меня остановило его пасмурное лицо.

Стась неторопливо полез в карман, добыл в его недрах понюшку выкрошенного нюхательного табаку и протянул мне. Но сделал это так неприязненно, будто его принуждают против воли отдать последнюю щепотку, которую он берег про запас: на, мол, только отвяжись от меня поскорее.

В тот же вечер я поделился планом побега с соседями по нарам. Мы решили спрятаться в шахте вчетвером. Но излишне доверчивый Степа Остроушко проговорился об этом в присутствии Шаблыгина, вернее сказать, тот каким-то образом подслушал разговор. Пришлось и Шаблыгина принять в компанию, уже сверх комплекта.

Местные патриоты, владельцы потайного приемника, перехватили немецкую радиопередачу, из которой было ясно, что войска Первого Украинского фронта готовят большое наступление на Силезию. Можно было ждать прихода наших еще до дня святой Барбары, недели за три до рождества. Понятно, почему эсэсовцы так нервничали. Ходили слухи о срочной эвакуации концлагеря в глубь Германии. В больничном бараке пристреливали больных, вконец изможденных.

Конвойные пересчитывали пленных, когда колонна входила во двор шахты и когда выходила оттуда. Значит, лучше всего инсценировать побег со двора. Тогда у эсэсовцев не возникнет подозрения, что кто-то спрятался под землей.

Назавтра, когда нас гнали в шахту, я снова увидел Тересу у края тротуара. Я сделал такой жест, словно скручиваю воображаемую цигарку, а затем поднес ее ко рту и как бы склеил языком. Несколько раз я прикладывал пальцы к губам, тут же отнимал их, и делал вид, что выпускаю табачный дым.

Конвойный покосился на меня. Но что он мог понять? Решил, что клянчу папиросу. А Тереса торопливо закивала, и я понял, что она уже осведомлена о моем разговоре со Стасем...

Значит, меня гонят сегодня по этой мостовой в последний раз. Обратно уже не прошагаю, не увижу Тересу.

Еще долго видел я голубой платок, когда оборачивался на ходу. А едва приостановился — получил тычок прикладом в спину...

В поздние ненастные сумерки пленные после работы строились на аппель во дворе шахты. Раздалась команда «Мютцен аб!», все стояли без шапок.

В этот момент шахтер, подговоренный подпольщиками, взял на себя роль доносчика: он сообщил обершарфюреру, что со двора убежало несколько пленных.

Тотчас нашлись свидетели, тоже подставные; они видели беглецов, когда те перелезали через забор, обнесенный колючей проволокой.

За беглецами снарядили погоню, переполох поднялся немалый. Долго в темноте не затихала стрельба.

Но мы тех выстрелов не слышали, так как остались под землей. Обо всем, что произошло на шахтном дворе, нам позже рассказал Стась.

6

Польские горняки долго водили нас по старым выработкам. Эти же горняки выкрали для нас пять свежезаправленных карбидок, потому что наши уже светили из последних сил. Мы послушно следовали за провожатыми, подолгу шли, согнувшись в три погибели, или ползли на четвереньках. Для Беспрозванных при его габаритах это путешествие было особенно мучительным.

Ветхая кровля зловеще поскрипывала над головами. Наши взгляды невольно обращались кверху, и при свете карбидок видно было — иные бревна-стропила согнуты, надломаны, как прутья, древесина в изломе расщеплена на волокна. Безопаснее пройти дальше и не видеть такой кровли, не слышать ее скрипа...

Товарищи мои вряд ли об этом догадывались, но опытный шахтер понял бы, что мы достигли глубокого и давным-давно выработанного горизонта. Наконец мы добрались до старого забоя, где крепь над головой не внушала опасений и куда каким-то образом проникал воздух.

В углу забоя валялись старинный обушок и еще более старинная тачка с большим колесом. Как знать, может быть, сто, двести лет назад здесь в последний раз ступал человек?

Нога по щиколотку погружалась в пухлый слой пыли; этой угольной пыли, измельченной временем, суждено было стать нашей периной.

Провожатые посоветовали предосторожности ради убрать лестницу, по которой мы спустились в забой.

Продуктов должно хватить дней на шесть. Нас будут навещать каждую неделю. Если наступление Червоной Армии задержится и придется пробыть в шахте недели три, даже четыре, мы не должны отчаиваться.

Нам оставили корзиночку с провизией, наскоро попрощались и ушли...

Вначале карбидным лампочкам было под силу раздвигать темноту, обступившую нас. Животворный, спасительный огонек!

Сколько длится жизнь карбидной лампы? Девять, самое большее десять—десять с половиной часов! Если бы мы имели возможность погасить наши карбидки с тем, чтобы горела одна, а четыре держали свой свет про запас... А еще лучше — зажигать лампу лишь по мере надобности. Но шахтеру не дано самому зажигать и тушить огонек за толстым стеклом.

Язычок пламени у моей карбидки стал желтым, затем темно-красным, совсем-совсем слабеньким, тщедушным...

Все труднее различали мы лица друг друга, а также продукты, когда их делили.

И черное безмолвие поглотило нас...

Мы страдали от мрака, а еще больше от духоты. Оживить бы измученные легкие несколькими глотками свежего воздуха! Знаете ли вы, что такое дуновение ветерка? Боюсь, не

цените его в полной мере. Для этого следует долго прожить в душном мраке, в почти безвоздушной темноте.

Существовало еще одно мучительное условие нашей жизни во мраке: мы должны были лежать неподвижно. Стоило пройтись из угла в угол забоя, как поднималась невидимая, злая пыль. Она набивалась в рот, в нос, дышать и вовсе становилось невмоготу. А у Цветаева угольная пудра каждый раз вызывала страшный приступ кашля. Он вставал, потому что кашлять, лежа на перине из пыли, значило довести себя до удушья; каждый резкий вдох приводил в движение частицы угля.

Через несколько дней — по крайней мере нам казалось, что прошло несколько дней,— мы услышали шаги наверху. Замелькали огоньки в черном провале кровли.

Нам принесли еду. Что же касается новостей, то они весьма неутешительны: никаких сведений о наступлении русских.

Положение сильно осложнялось. После нашего исчезновения эсэсовцы усилили охрану. Проникнуть на шахту незамеченным, тем более с запасом продуктов, очень трудно. Поймают шахтера с пустыми руками — риск небольшой, можно выкрутиться, придумать что-нибудь безобидное и правдоподобное. А кому шахтер несет корзину с продуктами и баклагу с водой?

Доставать для нас продукты становилось все труднее. Пять едоков! Пятеро сделают по одному глотку — вот и вся бутылка с желудевым кофе.

И все же польские патриоты не бросили нас в беде. Время от времени — я уже разучился определять эти промежутки — мерцание высвечивало лаз в черном своде и где-то над головами слышались шаги, шорохи, голоса.

Беспрозванных вставал и, осторожно ступая ножищами по угольной пыли, один, без чьей-либо помощи, устанавливал тяжелую лестницу — мостик, соединяющий нас с жизнью!

Добрые гости спускались в забой. Шаткие отсветы карбидных лампочек начинали причудливо плясать по стенам, по кровле. Мы щурились, закрывали глаза ладонями, отворачивались, но слабенький язычок пламени ослеплял, как солнце в зените, как расплавленный металл.

Разве эти лампы светят сильнее, чем когда-то светили наши?

Миновала «Барбурка», день святой Барбары, покровительницы шахтеров; праздник приходится на 4 декабря. А линия фронта по-прежнему без движения — «ниц новѐго».

Затишье перед бурей? Дотянем ли мы до того дня, когда разразится буря?..

Много раз вспоминался мне прощальный разговор с Тересой. Она сидела, склонясь над шитьем; свет лампы подмешал золота в ее волосы, а руки покрыл загаром.

В темноте я снова ощупывал на шинели невидимые пуговицы, пришитые руками Тересы, и снова размышлял над ее словами о том, что вера в судьбу, слепое подчинение ей очень удобны для безвольных, малодушных людей.

Шаблыгин очень быстро утратил выдержку и обвинял всех подряд: его хотят заживо похоронить в угольной могиле! Он обрушивал несправедливые упреки на головы тех, кто нас проведывал, кормил.

— Сколько мне еще терпеть?! — кричал Шаблыгин в истерике.

Шаблыгин помнил только о себе — «я», «мне»... Будто четыре товарища, лежащие рядом с ним в угольной пыли, находились в лучшем положении.

И надо было видеть, а точнее сказать, слышать, чувствовать, как держался в этой черной тюрьме Степа Остроушко. Он рассказывал боевые эпизоды из жизни десантников, причем героями всегда оказывались другие, а сам рассказчик оставался в глубокой тени. Степа Остроушко находил в себе силы шутить. Он пел родные песни, а я иногда ему подпевал.

С неожиданной силой прозвучала в забое старинная шахтерская припевка:

> Шахтер в шахту опустился,
> С белым светом распростился.
> Ты, судьба, мне дай ответ:
> Я вернуся или нет?..

Ну, а Шаблыгин совсем развинтился — галдел, капризничал, такой строптивый! Он вдруг вскакивал со своего ложа, шаркал и шлепал ногами по нашему угольному ковру, подымая облако летучей пыли и не обращая внимания на то, что Цветаев прямо-таки заходится от кашля.

Через неделю нас снова подкормили и снова огорчили. Вчера удалось поймать по радио сводку Совинформбюро — «ниц новѐго». Об активных действиях на этом участке фронта не упоминается.

Нестерпимо стало смотреть на свет: казалось, он проникал даже в кости. Острый блеск антрацита так резал глаза, словно их запорошило осколками, крошками угля.

С каждым посещением шахтеров увеличивалась сила света в их лампах. Слабый язычок пламени приобрел для наших глаз мощность прожектора.

Мы узнали, что концлагерь перевели из городка куда-то на запад. Было горько за товарищей по неволе и в то же время радостно: горит под ногами фашистов силезская земля!

Шаблыгин уже не раз грозился уйти из забоя, заново сдаться в плен. Или начинал заговариваться — утверждал, что слышит чужие речи у себя в голове, что у него в горле торчит кусок антрацита и тому подобное.

Подошло рождество, о чем нам сообщили шахтеры. Наши зрачки уже не реагировали на свет карбидной лампы, поднесенной вплотную. Зрение нам отказывало.

Принесли подарок — флягу с «бимбером», то есть самогоном. Каждый делал умеренный глоток, передавал флягу соседу, и тот брал ее ощупью. Цветаев боялся обжечь горло и со вздохом отказался от своей доли. А Шаблыгин заглотнул столько, что поперхнулся и потом долго не мог откашляться.

Я лежал в черной духоте и размышлял.

Без сомнения, Тереса сильно встревожена тем, что мы оказались в западне. Собирает провизию, и винит во всем себя, и не находит покоя. Как Тереса провела рождество? Сумела ли выкрутиться из этой истории с гусем или пришлось сделать подношение? Вот если лагерь эвакуировался до рождества, все обошлось само собой.

Только бы тот, толстомордый, не усмотрел связи между моим тогдашним отпуском на день и бегством пяти арестантов. Сомневаюсь, что начальник конвоя помнил мой лагерный номер. Внешность тоже вряд ли привлекла его внимание: все мы были в угольно-грязных шинелях или ватниках, чернокожие, заросшие бородами, изможденные. Навряд ли он заметил, что исчез именно тот арестант, который был отпущен нарубить дров для жены силезского поляка, воюющего за фюрера.



Никаких особых, бросающихся в глаза примет в моей внешности, к счастью, не было. Когда-то среди девах шахтерского поселка «Ветка-Восточная» я слыл ладным парнем. Но смешно было бы вспомнить об этом в лагере. Ростом я не обижен, сто восемьдесят сантиметров с чем-то, если только госпиталь, лагерь и забой не пригнули меня к земле. Но если бы тогда, в лагере, сказали, что у меня такая же квелая грудь, как у обершарфюрера, я не удивился бы и не стал спорить...

Пожалуй, я бы решился расспросить про Тересу у машиниста Стася, но тот в забое больше не появлялся. Позволительно ли, тем более в присутствии Шаблыгина, называть имя Тересы и расспрашивать о ней у горняков, которые к нам наведываются?..

Я уже успел позабыть имя синеглазой Тересиной дочки. Да разве удержишь что-нибудь в памяти, когда котелок совсем не варит?

Но вот что я запомнил на всю жизнь: 12 января войска Первого Украинского фронта начали наступление из района западнее Сандомира.

Поляки сообщили нам, что шахта прекращает работу. Степа Остроушко шумно обрадовался. Но я уловил в сообщении нотку тревоги и понял, чем тревога вызвана. Значит, остановятся компрессоры, насосы, вентиляторы, и прекратится подача воздуха. Как знать, может, сквозняк, который гулял где-то на других горизонтах и доходил неощутимым веянием в забой, спасал нас от удушья?

Собирать и доставлять нам передачи становилось все труднее. Каждый кус хлеба, каждый кулек вареной картошки кто-то отрывал от себя. Ведь сами шахтеры жили впроголодь!

К тому времени мы, обессилевшие, ослепшие, изголодавшиеся по свежему воздуху, потеряли счет дням. И только позже узнали день своего спасения — 28 января.

Польские друзья явились в забой с врачом и санитарами. Это был наш военврач, наши санитары!

7

Всем завязали глаза: из них давно ушел свет. Повели под руки, а Цветаева понесли, потащили на носилках. Шаблыгин требовал, чтобы его подняли на-гора первым. Вот в ту минуту Беспрозванных впервые потерял самообладание, он даже замахнулся на Шаблыгина и обозвал его нахальной личностью.

И никто, никто больше не боялся звука шагов! Никто не шептал, не боялся говорить во весь голос!

Клеть не работала. Путешествие наверх, к жизни, куда-то в медсанбат, было не из легких.

Наше положение оказалось более серьезным, чем думали. Мы прожили под землей без малого три месяца, и всем нам очень повредило, что смотрели на свет ламп, когда нас навещали. Уже тогда следовало завязывать глаза.

Живет в Донбассе слепой поэт Николай Рыбалко, бывший шахтер. У него есть такие стихи:

Белый свет со мной играет в жмурки,
Мне не светят звезды с высоты!..

«А если эта игра в жмурки никогда не окончится?» — спрашивал я себя и боялся ответа.

Никогда не увидеть белый свет, родных, Тересу? Не увидеть своих товарищей по забою и по госпитальной палате, столь же черной, как забой? Не увидеть врачей, сестер, санитарок, которых я уже различаю по голосам?..

Значит, не увидеть и своих освободителей?! Рассказывали, наши бойцы и офицеры носят теперь погоны. В армии много нового оружия.

Как все слепые, я разучился быстро ходить. И жесты у меня стали мелкие, неточные, будто все время хотел что-то взять на ощупь.

Ночами и днями, которые не отличались от ночей, Тереса жила в моем воображении.

Ну, а если зрение потеряно без возврата? Вернусь к себе в Кузбасс, на «Ветку-Восточную»...

Слепым от рождения, наверно, легче, чем нам, утратившим зрение недавно. Жениться? Гм, но как это возможно — связать свою судьбу с незнакомой прежде женщиной, чьего лица ты не сможешь себе представить никогда, даже в такие минуты, когда во всем мире остаются только двое — ты и она? Слепые от рождения, те мало интересуются внешностью. А я был полон зрительных воспоминаний... Смеет ли вообще слепой жениться на зрячей? Навязать другому человеку мучительную ношу, которую должен нести сам!

Но если говорить всю правду, мое несчастье стало бы наполовину меньше, если бы Тереса оказалась рядом, согласилась разделить со мной беду...

Я лежал и постоянно к чему-то прислушивался. Бесконечная ночь полнилась шумами, шорохами, скрипами. Прежде я всех этих звуков не улавливал.

Кто-то зашуршал бумагой. Хриплое, учащенное дыхание Цветаева. Щелкнул выключатель в коридоре. Скрипнула дверь. Шаги...

Легкая повязка на глазах, а какой она становится невыносимо тяжелой, когда ты не смеешь ее снять, когда неизвестно, что таится за повязкой: просветление или бесконечная темнота.

Вскоре я научился отличать мужские шаги от женских, а среди женских безошибочно узнавал шаги санитарки Дуси.

Вот бы представить себе, как эта самая Дуся выглядит. Но не станешь же ее расспрашивать: «Какой у вас, Дуся, цвет волос? Какие глаза? Длинные ли ресницы? Рост? Носите ли вы косынку, низко надвинув ее на лоб, или так, что уши остаются открытыми?»

Я воображал себе Дусю похожей на Тересу, и это вымышленное сходство все крепло. Напоследок под именем санитарки Дуси в моих незрячих, завязанных глазах жила Тереса.

Уже по тому, как, входя, Дуся бережно прикрывала за собой скрипучую дверь, я догадывался о ее появлении. Она проходила по палате какой-то внушительной походкой, взметнув за собой легкий ветерок. И халат у Дуси шуршал явственней, чем у других.

— Какая сегодня погода? — спрашивал я.

— Совсем тепло.

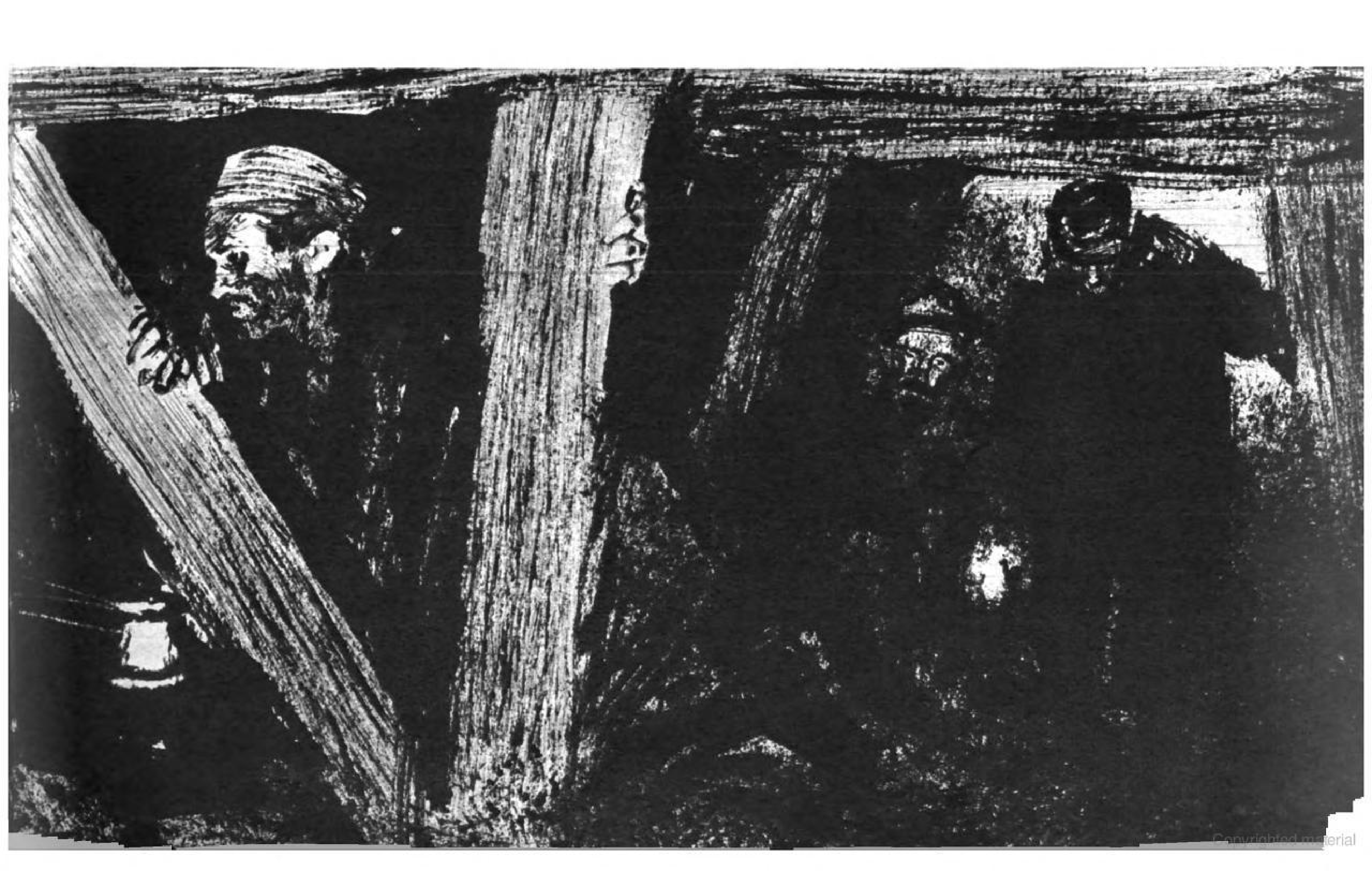
— Это я, Дусенька, сам знаю. А небо, небо сегодня какое?

— Голубое-голубое. Только одна тучка на небе заблудилась...

Вот лежишь и пытаешься представить себе одну-единственную тучку: большая или невеличка? И какие у нее очертания?

Линии и краски, все богатство мира продолжало жить в зрительной памяти — вот так до нас, до зрячих, доходит свет давно потухших звезд.

А я все пытался удержать в памяти черты лица Тересы, улыбку, прическу, всю ее фигуру и огорчался, что не мог вспомнить линии





смуглых, при свете лампы, рук, не мог представить себе ее походку.

Соседи мои тоже лежали с завязанными глазами, тоже жаждали света и тоже не были уверены, что вновь его увидят.

Жаль, я прежде пристально не вглядывался в лицо смешливого непоседы Степы Остроушко. Лишь хорошо помнил, что рыжеватые Степины волосы всегда были особенно заметны на угольно-черной коже и казались крашеными.

Поправился ли хриплоголосый Цветаев, который никак не может откашляться?

Неисправимого паникера и ругателя Шаблыгина, которого за его замашки прозвали «единоличником», я представлял себе отчетливо.

А как сейчас выглядит четвертый товарищ — могучий увалень и тугодум, покладистый и безответный Беспрозванных? Это под ним так натужно скрипит койка, когда он повертывается с боку на бок. Сперва Беспрозванных воевал в минометном расчете и таскал плиту миномета — самая тяжелая ноша. А потом Беспрозванных приставили к противотанковому ружью. И опять один управлялся! Словно это обыкновенная трехлинейная винтовка, а не громоздкое пэтээр...

Полагаю, Степа Остроушко пережил больше всех нас. Он прыгал с парашютом в тыл противника. Степа Остроушко на всю жизнь запомнил, что парашютисту подаются одна за другой три команды: «Приготовиться!», «Вылезай!» и напоследок «Пошел!»

— А куда идти-то? — спросил меня Степа с веселым недоумением.— Идти-то некуда! Можно только вывалиться из люка...

Штурман самолета промахнулся эдак километров на сорок и сбросил Остроушко на прифронтовой лес. Парашют зацепился за верхушку рослой ели, и Остроушко долго висел, прежде чем изловчился и перерезал кинжалом стропы парашюта. Он грохнулся вниз головой, потерял сознание и был схвачен немцами. Его пытали и два раза расстреливали. Как поется, «похоронен был дважды заживо...». А вот все-таки не сломали фашисты человека — жизнестойкий! Столько перенес — и не озлобился на жизнь, остался добродушным парнем, страсть как любил посмеяться, было бы только над чем или над кем!

В забое Шаблыгин был самый нетерпеливый. По простоте душевной я полагал, что так же он будет вести себя в госпитале — срывать с глаз повязку, рваться с койки. Ан нет! Самый послушный, дисциплинированный больной в палате. Врач не раз ставил его в пример Остроушко. Если Шаблыгин чем-нибудь и возмущался, то очень смирно и всегда в отсутствие начальства, если придирался к кому-нибудь из персонала, то вежливо. Он неукоснительно выполнял все предписания медицины и совсем-совсем не торопился снимать повязку с глаз, а тем более выписываться из госпиталя. Война еще не кончилась, и неровен час снова придется подыматься с земли под пулями, изображать из себя мишень...

Лежал, стонал, вздыхал, скулил, канючил Шаблыгин, потом принимался рассуждать, какую работу он сможет выполнять у себя в деревне, когда вернется туда после войны. Хорошо, что сын его еще не дорос до школы, вот и будет ему поводырем. Не беда, если сын и от школы отстанет, отца жалеючи. Доить свою буренку или крутить ручку веялки Шаблыгин сможет, безусловно. А запрячь лошадь, если случится?

Шаблыгин заговорил о том, как будет на ощупь запрягать лошадь, а мне вспомнился слепой мерин Валет, которого на старости лет подняли из шахты. Я был тогда мальчишкой, у нас на шахте «Ветка-Восточная» еще не изобрели водопровода, и Валет возил бочку с водой. Мерин ступал медленно, неуверенно, нащупывая копытами дорогу, словно она была замощена раскаленным булыжником. Может, и меня ждет судьба шахтного Валета?

Как все слепые, я незаметно для себя стал называть здоровых людей «зрячими». Я уже стыдился, если не узнавал по голосу человека, который со мной заговаривал. Хорошо помнил, что наша лестница насчитывает двадцать две ступеньки. Все реже залезал рукавом в тарелку с кашей. Уже не надевал наизнанку рубаху или халат: нужно провести рукой по шву, прежде чем надеть на себя что-нибудь.

У запасливого Шаблыгина уцелели трофейные часы. Он выдавил стеклышко и осторожно нащупывал стрелки на циферблате, так что мы хоть приблизительно всегда могли узнать, который час. А какая, в сущности говоря, разница — три часа дня или половина шестого? Все равно день стал ночью! Разве что знать, как скоро принесут послеобеденный чай. Теперь, когда мы не видели, какого цвета чай, острее ощущался его аромат и вкус.

В палате собрались заядлые курильщики. Курили все, кроме Цветаева, тому и без махорки кашля хватало. Чтобы не досаждать Цветаеву, было введено железное правило — курили только при открытой форточке. Беспрозванных лежал у окна, а потому открывал-закрывал форточку. Он строго покрикивал на Шаблыгина, когда тот нарушал порядок и закуривал без предупреждения.

Каждая цигарка причиняла множество хлопот. Надо же втемную скрутить ее. То зажигалка лизнет цигарку сбоку, то не угадаешь поднести огонек... Пока приспособился, все руки пожег.

В день двадцать седьмой годовщины Красной Армии нам впервые выдали по пачке папирос и по сто наркомовских граммов. Решили чокнуться между собой и с персоналом. Только Шаблыгину недосуг было ждать, он

единолично проглотил свою порцию. Очень, оказывается, сложно чокнуться вслепую, да так, чтобы не пролить драгоценной влаги!

Но не думайте, что мы чувствовали себя героями, чьего выздоровления нетерпеливо ждет чуть ли не сам Верховный главнокомандующий.

Из армии нас давно списали как пропавших без вести, и каждому еще предстояло оправдаться перед армией: куда ты, милый друг, девал свое оружие, как, миленок, попал в плен и как, любезнейший, коротал время у фашистов.

Допрос нас ждал строгий и пристрастный. А легко ли оправдаться, если свидетелей у тебя нет и не предвидится? Кто поверит на слово, что не по доброй воле ты оказался в бараке, набитом такими же горемыками, за колючей проволокой?!

Что сильно затрудняло мое положение: я попал в плен после тяжелой контузии. Меня тогда под Нальчиком и не ранило вовсе, даже ерундовского шрама не было. Ни единого осколочка не нашел бы рентген в моем организме. Пленный танкист рассказал потом, когда нас гнали по этапу, в каком виде привезли меня в лагерь. Провалялся без сознания чуть ли не двое суток. Очнулся в засохшей луже — кровь шла из носу, изо рта, из ушей. И слышать и говорить учился заново.

Правда, обстоятельства, при которых нас освободили, давали надежду если не на оправдание, то хотя бы на снисхождение. Совершенно очевидно, что мы не хотели добывать уголь для фашистов и убежали из плена.

Не ручаюсь за Шаблыгина, но все остальные мечтали прозреть еще и для того, чтобы сызнова взять оружие, которого так давно не держали в руках.

Каждая сводка Совинформбюро приближала День Победы. Она была долгожданной, Победа, и в то же время вселяла тревогу. Неужели те из нас, к кому вернется зрение, не успеют, хотя бы в штрафном звании, кровью смыть с себя пятно плена?

— Меня обязательно засудят,— уныло твердил Шаблыгин.— Разве поверят честному человеку?

— Пусть не поверят! — спорил Цветаев; слова его то и дело прерывались кашлем.— Ты самому себе самый что ни на есть верховный судья. И уже какой ты себе приговор вынесешь, он обжалованию не подлежит. Окончательный! Апеллировать не к кому... Кроме, как к своей совести...

— Для этого ее надо иметь на вооружении! — хохотнул Степа Остроушко.— А если кто свою совесть еще в детстве потерял? А искать лень было. Или вовсе не заметил потери...

Шаблыгин обрушился с разухабистой бранью на Остроушко: сам себя выдал, во всеуслышание принял намек на свой счет...

Только Шаблыгин боялся трибунала. А я почему-то был уверен, что в отношении его даже строгое наказание будет справедливым.

8

Мы одновременно окунулись во тьму, впятером жили в забое, как кроты, в одинаковой мере навредили себе, глядя на режущий глаза свет шахтерских ламп, так что лечили нас по одному графику и повязки сняли тоже одновременно.

Вскоре из-под марли забрезжил свет, повязки на глазах стали тоньше. Из палаты с каждым днем убывала тьма, которая давила на глаза огромной тяжестью.

И наступил наконец день, незабываемый на всю жизнь день,— мир заново предстал передо мною в таком сиянии, в таком богатстве красок, которое ошеломило, так как было позабыто зрением и сохранялось лишь в памяти.

Наконец-то мы увидели вновь друг друга. Сколько удивительных открытий!

Когда со Степы Остроушко смыли грязь и угольную пыль, он оказался совсем рыжеволосым; и брови и ресницы у него рыжие.

Платок, который Цветаев частенько подносит ко рту, чтобы унять кашель, окрашен кровью.

Шаблыгин оказался внешне более привлекательным, чем я себе воображал и чем мне хотелось его увидеть. Ишь, какой гладкий! И рот полон белых зубов, и волосы аккуратненько расчесаны на пробор. По сравнению со всеми остальными он выглядел даже упитанным, будто не харчился с нами заодно, а получал в шахте и в госпитале какой-то неведомый дополнительный паек.

А Беспрозванных такой крупнокалиберный, что ему некуда девать ножищи — высунулись между прутьями железной койки...

Наконец-то мы увидели тех, кто ухаживал за нами все дни, а точнее сказать, одну сплошную ночь.

Осторожно прикрыв за собой дверь и шурша халатом, в палату вошла Дуся. Я увидел ее впервые.

Здравствуй, добрая Дуся! Вот ты, оказывается, какая, наша сестра милосердия, которую я благословлял за все, что она сделала для меня и соседей по темной палате.

Я увидел невысокого роста, хрупкую, миловидную девушку, веселоглазую, всю в веснушках. Она несла кувшин с водой, прижимая его к груди тонкой рукой. Значит, эти вот пальцы умели быть легкими, как дуновение ветерка, нежными, чуткими, когда Дуся меняла повязку или стирала с моего лица пот!

Теперь я понял, почему Дусин халат, в заплатах, со следами йода и еще в каких-то пятнах, которые не выводятся, шуршал чуть явственней, чем у других. Для Дуси халат чересчур широк и длинен, полы его мешают при ходьбе.

Для меня Дуся сделала больше, чем для соседей, потому что, сама того не ведая, помогала мне пережить разлуку с Тересой. В моем воображении всю бесконечную ночь за мной ухаживала Тереса!

Дуся подошла к моей койке, достала из кармана зеркальце и протянула мне.

И не вспомнить, когда я видел себя в последний раз, если не считать, конечно, отражения в лужах.

На меня уставился из зеркальца совершенно чужой и в то же время смутно знакомый человек. Будто и не ты вовсе! Коротко острижен. Бескровные губы. Глубоко запали какие-то нездешние глаза. Скулы туго обтянуты тонкой-тонкой кожей. Вглядывался я в лицо этого знакомого незнакомца и мучительно вспоминал: а как же он выглядел когда-то, до контузии, до плена, до этого госпиталя?

И если я все-таки узнал себя, то прежде всего по въевшейся в веки угольной пыли; у нас, у шахтеров, глаза как подведенные. А еще я узнал себя по синим щербинкам и отметинкам на лице. И на руках у меня такие же метки. И ведь каждый шрам — давняя царапина, порез, ранка, которую присыпало угольной пылью.

Как знать, может, и Тереса признала во мне старого шахтера и потому обратила на меня внимание, потому захотела помочь.

Глядясь в зеркало и заново с собой знакомясь, я подумал: «Таким видела меня Тереса».

Зеркальце переходило из рук в руки, восклицаниям не было конца. Дуся дружелюбно всем улыбалась, и улыбка делала ее еще более привлекательной. А Беспрозванных, тот смотрел на Дусю с обожанием: влюбился — и все тут!

Каждый из нас, прозревших, упивался светом. Солнечный зайчик на стене привел в восторг — кого бы вы думали? — Беспрозванных!

Оказалось, мы лежали в большой, светлой комнате о четырех окнах — класс школы. Все заторопились к окнам — скорей, скорей поздороваться с небом и землей!

То была не русская, а польская земля, и мы были полны благодарности к земле, которая спрятала нас в своих недрах и по которой мы, пройдет еще несколько дней, будем ступать. И, черт побери, ведь если наступит ясная ночь, нам сегодня снова будут светить звезды!

Безотрывно глядел я в окно. Хотите знать, какой вид открылся из окна госпиталя? Было послеполуденное время, и тень от телеграфного столба, стоящего на противоположной стороне улицы, удлинилась настолько, что перечеркнула всю мостовую, как раз до нашего тротуара.

С тех пор, как нас подняли из шахты и увезли в медсанбат, а оттуда переправили в госпиталь, всякая связь с польскими патриотами прервалась. Теперь можно было без опаски назвать вслух имя Тересы, расспросить про нее,— но у кого?

Я бы, пожалуй, набрался смелости и попросил Дусю сходить к Тересе, отнести ей записочку. Дуся не отказалась бы сделать это. Но у меня нет адреса! Не знаю даже, как называется улица, не помню номера дома. Дырявая, контуженная башка подвела еще раз! Ведь я тоже видел номер дома, когда в него впился выпученными глазами тот, мордастый, перед тем, как оставил меня на тротуаре без конвоя. Деревянный дом в три окна, с каменным крыльцом, на левой стороне улицы, если по ней подыматься в гору — какой же это, к черту, адрес?! На деревню дедушке...

Возможно, Тересе все же пришлось скрыться, если были основания думать, что начальник конвоя заметил мое исчезновение.

А если Тереса в городке, она наверняка знает, в каком плачевном виде вывели нас из шахты. Однако Тереса может и не знать, что я лежу в госпитале, где-то на другом конце этого самого городка. Иначе Тереса меня бы, наверное, проведала — уж очень хотелось так думать.

Смотрел, смотрел я на небо, на заснеженную мостовую, на сосны, растущие против школы. Хорошо помню, в тот мартовский полдень светило солнце и снег на соснах стаял без остатка. Когда на фоне вымытого неба я видел лишь верхушки сосен, они выглядели совсем по-летнему. А к вечеру пошел снег, сосны побелели, и, глядя на их верхушки, можно было подумать, что на дворе глубокая зима.

Снег пытался перебороть оттепель, но не в силах был этого сделать. Вот они, темные отпечатки подошв на снегу, вот копытные следы, колея, наезженная машинами, рубчатые дорожки — тяжелая поступь танка. Конечно, так могла выглядеть улица не только в марте, но и в ноябре, когда зима еще не устоялась. Но форточка в палате была открыта, и к нам доносились запахи, которых не знает предзимье.

Продолжение следует.





На большой лыжне.

Фото Б. Светланова.

Три? Нет, четыре!..

В. ВИКТОРОВ

— Что снег грядущий нам готовит? — спросили мы государственного тренера по лыжному спорту Виктора Баранова. И в ответ тут же услышали близкое каждому гонщику слово — «Свердловск». Уральская столица, вернее, ее окрестности являются как бы снежной колыбелью лыжного спорта. Здесь росло и крепло мастерство наших спортсменов, здесь они учились вести борьбу не на ровной лыжне, а на крутых горных склонах, здесь и по сей день проходят крупнейшие состязания. Вот почему прошедшей зимой Свердловск был избран для зимней Спартакиады народов РСФСР, а нынешней зимой на Уктусских горах будет проложена лыжня еще более массовых состязаний — Спартакиады народов СССР.

В начале марта в Свердловск съедутся лыжники со всех концов страны: из Сибири и с Дальнего Востока, из лыжных архангельских мест, и лесистой Карелии, из Москвы и Ленинграда... С каждым годом лыжные соревнования приобретают все больший размах и интерес, но этой зимой лыжные гонки будут особенно увлекательны: ведь те, кто покажет лучшие результаты на районных, областных, республиканских спартакиадах, получат право взять старт на зимней Спартакиаде народов СССР.

Да, лыжный спорт в СССР стал подлинно массовым. Исподволь, от одной зимы к другой, зрела наша сила и наконец вырвалась на большую международную лыжню. Вот уже восемь лет, как идет спор на этой большой лыжне, и вопрос, как дальше развернутся снежные «дебаты», волнует многих болельщиков — тех, для кого каждая новая зима — новая глава увлекательной повести с продолжением.

Новая глава этой спортивной повести, в которой действуют спортсмены северных стран, скоро будет обнародована на белоснежных просторах кавголовских и подмосковных холмов, на пространствах Прибалтики, Скандинавии и Польши. А пока, как это и полагается в повести с продолжением, ей следует предпослать краткое содержание предыдущих глав.

Итак, начало этой повести было положено зимой 1954 года, сперва в окрестностях Свердловска, а затем и шведского городка Фалуна. На Урале после многолетнего перерыва советские лыжники встретились с неоспоримыми лыжными лидерами — финнами, среди которых выделялся олимпийский чемпион Вейко Хакулинен. Эта встреча не испугала дебютантов, они добились убедительной победы, что и открыло им путь на мировой чемпионат.

Но кто мог предполагать, чем закончится поездка советских гонщиков в Швецию?

За всю историю мировых первенств, которая восходит к середине двадцатых годов, ни одному лыжнику не удавалось пробиться к трибуне почета сквозь строй гонщиков Финляндии, Швеции и Норвегии. Только лыжники этих трех северных стран распределяли между собой все призовые медали! К 1954 году исход борьбы на тринадцати чемпионатах мира, где разыгрывались две дистанции — 18 и 50 километров,— был таков: финны завоевали 12 золотых медалей, шведы — 9, норвежцы — 5 медалей. А кроме того, финские лыжники еще шесть раз побеждали в эстафете, уступив лишь по одной медали шведам и норвежцам. И вдруг вопреки всем традициям героем чемпионата мира в Фалуне становится советский лыжник Владимир Кузин. Дважды молодой архангелец поднимается на пьедестал почета, чтобы получить золотые медали.

Это была неслыханная сенсация, но не меньшая ожидала лыжный мир следующей зимой: тот же Кузин победил лучших скандинавских гонщиков на предолимпийской прикидке в Кортина д'Ампеццо. Успешно выступали советские спортсмены и на международных состязаниях под Москвой. А затем вопреки всем попыткам скандинавской прессы убедить своих читателей, что лыжный триумвират не расширился, не кто иной, как гонщики СССР, оказались главными и весьма опасными соперниками гонщиков трех скандинавских стран на зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо. Наряду с традиционными победителями лыжных соревнований они также получили там золотые медали — за победу в эстафетном беге.

Успехи гонщиков СССР не были случайностью. Теперь это стало ясно всем, и зимой 1957 года снова прозвучало имя советского спортсмена на крупнейших международных соревнованиях в окрестностях финского города Лахти. Там ярославец Павел Колчин обыграл всех именитых лыжников скандинавских стран и занял первое место на дистанции 15 километров. И тот же Павел Колчин стал главным «оппонентом» финских лыжников на мировом чемпионате в Лахти следующей зимой. Колчин, хоть и должен был довольствоваться на сей раз серебряными медалями, был единогласно признан лыжником такого же класса, как чемпионы мира финн Вейко Хакулинен и швед Сикстен Ернберг.

Зимой 1959 года Павел Колчин стал одним из победителей предолимпийских соревнований в Скво

Вэлли. Увы, сами олимпийские гонки оказались неудачными для наших спортсменов. Злой калифорнийский грипп вывел из строя и Павла Колчина и Владимира Кузина, а третий лидер советской команды, Николай Аникин, смог отбить у скандинавских корифеев лишь одну бронзовую медаль...

Нам пришлось быть свидетелями и этих и других крупных соревнований последних лет. И мы видели ликование скандинавских гонщиков в Скво Вэлли, где шведы, норвежцы и финны чуть ли не со слезами на глазах поздравляли друг друга. Тогда им казалось, что они навели порядок на лыжне. А тут еще пришел неизбежный час смены поколений. Завершало свой славный путь старшее поколение советских лыжников, и на смену им выходила молодежь, сильная, волевая, но еще не до конца раскрывшая все тончайшие нюансы лыжного мастерства.

Мастерство лыжного гонщика требует исключительно большой шлифовки. Ведь малейшую шероховатость в технике лыжного хода надо множить на тридцать или даже пятьдесят километров. Какими же это грозит излишними затратами сил! Гонщик для того, чтобы добиваться успеха, должен с исключительной целесообразностью использовать различные лыжные ходы в зависимости от рельефа местности и структуры снега. Он должен владеть тактическим искусством, в котором безошибочно учитываются все тонкости раздельного старта. Ведь в лыжном спорте одновременный старт дается лишь в эстафетном беге, на всех же остальных дистанциях старт применяется раздельный, с интервалом в полминуты-минуту, что накладывает свой специфический отпечаток на весь ход борьбы.

Еще два вопроса оказались непреодолимыми для наших тренеров и спортсменов, даже самых опытных: способность готовить к соревнованиям и лыжи и лыжников.

Доводка лыж связана с умением использовать различные лыжные мази, и пока этот секрет в совершенстве освоили лишь гонщики скандинавских стран. Доводка лыжников требует еще более тонкого расчета. Спортсмену необходимо так распределить тренировки, чтобы оказаться в расцвете своих сил в самый решающий момент сезона. До сих пор гонщики трех скандинавских стран уступают нашим спортсменам в начале зимы, но оказываются лучше подготовленными к ее середине, когда обычно проходят крупнейшие международные состязания.

Не сразу мы поняли, почему Павел Колчин так легко склонился перед гриппом в Скво Вэлли. Объяснялось это тем, что даже его железный организм был к тому времени сильно ослаблен нерасчетливой тренировкой. Да и не один Колчин допустил этот просчет, готовясь к зимним Олимпийским играм в Калифорнии. В США так же не рассчитал своих возможностей Анатолий Шелюхин, и ему мы обязаны потерей золотых медалей в эстафете.

Уроки Скво Вэлли заставили призадуматься и тренеров и гонщиков. Казалось, что послеолимпийский сезон должен быть переломным, но первые же международные гонки, проведенные в конце января 1961 года под Ленинградом, показали, что просчеты Скво Вэлли еще дают знать о себе. В условиях оттепели скандинавские лыжники получили столь большое преимущество, отлично смазав свои лыжи, что никакая воля и физическая подготовка советских спортсменов не помогли им наверстать упущенное. На своем снегу советские гонщики не выиграли ни одной дистанции. А их выступления в Финляндии и Норвегии также принесли не много радостей. Только соревнования в Закопане завершились для советских спортсменов благополучно, но туда не приехали лучшие гонщики скандинавских стран.

Этот горный польский курорт уже в третий раз становится ареной борьбы за золотые медали чемпионов мира. Еще в 1929 году там был разыгран чемпионат мира, и победителями его стали два финских лыжника — Кнутила и Сааринен. Второй раз сильнейшие лыжники мира встретились в Закопане ровно через десять лет, и снова спортсмены Финляндии оказались героями, завоевав золотые медали в гонке на 18 километров и в эстафете и уступив норвежцу Бергендалю лишь одну золотую медаль на дистанции 50 километров. Теперь в Закопане снова будет проведено первенство мира, но чем бы ни завершилась третья встреча в Закопане, она будет существенно отличаться от предыдущих двух: теперь спор будет идти на равных между лыжниками не трех, а четырех стран.

Однако кто же из наших лыжников имеет шансы на успех этой зимой? Конечно, в начале сезона прежде всего приходится учитывать успехи спортсменов по прошлой зиме. Поэтому-то, отвечая на вопрос о грядущем снеге, Виктор Баранов вспомнил о прошлогодней лыжне.

Вот четверка чемпионов страны 1961 года: А. Кузнецов (15 километров), В. Кудрин (30 километров), И. Утробин (50 километров) и, наконец, П. Колчин (70 километров).

Итак, спор между ветеранами (А. Кузнецов и П. Колчин) и молодежью (В. Кудрин и И. Утробин) завершился вничью, причем вопреки всем законам формальной логики представитель молодого поколения стал победителем лыжного марафона, а один из старейших наших лыжников завоевал первенство в спринтерской гонке на 15 километров. Знаменательна также победа Павла Колчина на сверхмарафонской трассе, впервые разыгранной после длительного перерыва. Эта победа говорит о том, что неизменный лидер советских лыжников вступает в тот зрелый возраст, когда уже не на коротких дистанциях следует ему искать успеха.

В нашей чемпионской когорте опыт отлично уживается с молодым задором. Земляку Владимира Кузина архангельцу Вениамину Кудрину 25 лет, и он уже два сезона успешно выступает на большой лыжне. Исключительной физической подготовкой, высокими волевыми качествами отличается сибиряк Иван Утробин.

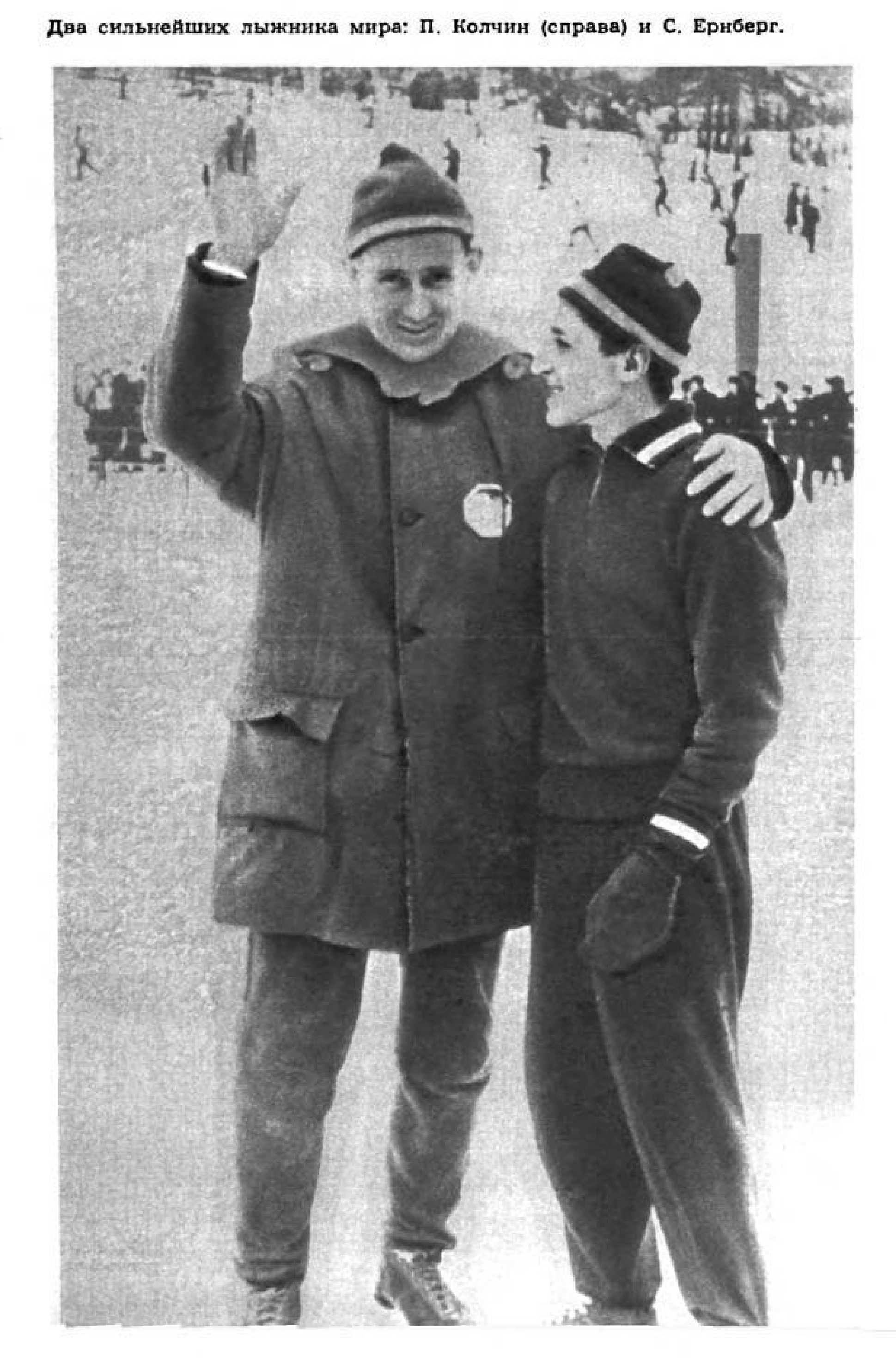
Молодежь пришла на смену прославленным мастерам. В нынешнем сезоне мы многих ветеранов недосчитаемся в составе сборной команды СССР. Нет там больше Анатолия Шелюхина, Владимира Кузина, Сергея Кондакова, Федора Терентьева. Зато пополнились ряды наших тренеров.

С кем же встретятся на международных состязаниях наши гонщики? Сейчас на гребне успеха могут оказаться норвежцы. Они очень удачно выступали почти на всех соревнованиях, а Харальд Грённинген выиграл пятнадцатикилометровую гонку в Лахти, что всегда является показателем отличной формы, ведь финны не часто уступают иностранным гостям победу на своем снегу. Норвежец и его товарищ по команде С. Стенсхейм завоевали также первые места и в Холменколлене.

По-прежнему в хорошей форме находится такой выдающийся шведский гонщик, как Сикстен Ернберг, напряженно готовятся к сезону и финны Калеви Хямяляйнен и Арто Тиайнен. Среди финских лыжников, собравшихся для тренировок в конце декабря в северном местечке Каяни, мы не встретили многократного олимпийского чемпиона и чемпиона мира, большого друга советских гонщиков Вейко Хакулинена. В конце прошлой зимы он заявил о том, что тридцать шесть лет — это предел для большой лыжни и что он уступает дорогу молодежи. Однако тренер финских гонщиков Вели Сааринен (вспомните, что именно он завоевал первенство мира в Закопане в 1929 году) дал понять, что Хакулинен продолжает тренировки и, быть может, мы с ним еще встретимся на старте в Закопане.

Сейчас главные претенденты на мировое первенство — лыжники Финляндии, СССР, Швеции и Норвегии — продвигаются вперед к двум точкам во времени и пространстве, обозначенным как «18 февраля» и «Закопане».


Два сильнейших лыжника мира: П. Колчин (справа) и С. Ернберг.



Память

Лев СМИРНОВ

* * *

Я вышел в сонные луга
Дорожною обочиной.
В реку́ забросила луна
Свой невод позолоченный.

Я шел в крапиве и в репье,
Не в силах слова вымолвить.
Я видел, как луна в реке
Все звезды хочет выловить.

Я забывал, я забывал,
В траве свой путь прокладывал.
Былую горечь запивал
Полночною прохладою.

Но трудно, трудно было мне
Тебя из сердца вытравить,
Как трудно неводом луне
Все звезды в речке выловить.

ДЕД

Жил мой дед оседло,
Не мечтал о неге...
Он ловил осе́тра
В голубой Онеге.

Не жалел о доле —
Хороша, плоха ли.
По утрам ладони
Полоскал в лохани.

Проклинал погоду,
На лежанке лежа.
Пропадал по году
У Китова Ложа.

А болел — за боли
Был в большом ответе:
Гнили на заборе
Дедушкины сети.

Был он зол, не в духе —
Костерил соседей.
Выл он с голодухи
Мартовским медведем.

Был мой дед карелом,
Мрачным и сутулым.
Десять раз горел он,
Двадцать раз тонул он.

Под холодным небом,
Под осенней тучей
Никогда он не был
Хитрым и везучим.

В волосах годами
Он копил седины,
А под волосами
Он копил былины.

Был он лесу предан,
Спал в холодной пуне...
И погиб мой предок
От японской пули.

Расплескалась кружка
С кровью деда пенной...
Где его избушка
На краю вселенной?

Киев.

Первый снег

Рассказ

Олег СМИРНОВ

Возница попался словоохотливый. И это нравилось Грошеву, хотя по натуре он был человек молчаливый, замкнутый. Что ни говори, когда тебя мочит дождем, или слепит пылью, или печет зноем, или, как сейчас, стегает снегом, — приятно слышать рядом живой голос. А ему, Грошеву, при его непоседливой специальности землеустроителя, довольно-таки часто приходится бывать с глазу на глаз с возницами. И, право же, мало приятного, если возница окажется такой же молчун, как ты сам.

Пегая низкорослая лошадь, помахивая завязанным в узел хвостом, тяжело тащила телегу. Полевая дорога раскисла, из-под копыт и колес вылетали, чмокая, ошметки грязи, телега на ухабах переваливалась с боку на бок, скрипела, будто охала. Дул косой ветер, нес хлопья крупного мокрого снега.

Это был первый в нынешнюю осень снег. Стоял только октябрь, еще много желтых и багряных листьев держалось на ветках, а уже заснегопадило. Морозец не успел прихватить землю, снег падал на пашню, на орешину, на колею, на лошадиный круп, таял, и Грошеву все казалось, что пахнет чем-то медвяным и полузабытым.

Чтобы хлопья не забивались в уши, за шею, Грошев поднял капюшон дождевика, надетого на пальто, повернулся спиной к ветру. Да этак и слушать Илью Захарыча лучше.

На разъезде возница сразу же представился: «Илья Захарыч». Маленький, юркий, с седой щетиной на щеках, он подхватил чемоданчик, кнутовищем показал, где стоит телега. На ходу, шагая по дощатой щелястой платформе, договорились о цене: Илья Захарыч за подвоз запросил ни много, ни мало, а, как он сам определил, нормально. Взяв из рук Грошева десятку, Илья Захарыч аккуратно свернул ее вчетверо и спрятал во внутренний карман.

И они поехали. Проселок тянулся оголенным полем, огибал пологие холмики. Низко нависало темное небо, тучи сталкивались, налезали одна на другую. Одинокие березы и осины под ветром поводили ветвями, словно поеживались. Сдуваемые с телеграфных столбов, угрюмо каркали взъерошенные вороны. Этот пейзаж был бы неуютным и мрачным, если б вдалеке, у горизонта, не полз, бог знает куда и зачем, гусеничный трактор. Неутомимый, он двигался вперед и вперед, и его дизель наполнял округу еле доносящимся, но веселым рокотом.

— Обратите, Алексей Дмитрич, вниманиё,— возница так и произнес: вниманиё.— Не иначе, прет в Конькове. Ему что? Ему плевать на все: сила...

Заморосил дождь, тотчас же перешедший в снег, и Илья Захарыч сказал:

— Обратите вниманиё. Теплынь, а снег. Ему что? Знай падай, никаких забот-хлопот...

Говоря, Илья Захарыч поворачивался к Грошеву, и тогда землеустроитель видел его худое, в щетине, лицо с тонким аккуратным носом и широким щербатым ртом. Возница сидел как-то неудобно, подогнув под себя ноги в кирзовых сапогах, тоже в брезентовом плаще, ссутулившийся, шевелил вожжами и говорил про то, что попадалось на глаза: про трактор, снег, ворон, озимые. Начинал он вежливым: «Обратите, Алексей Дмитрич, вниманиё» — и кончал, как представлялось Грошеву, добродушно-философским: «Ему что?» или «Ей что?».

Возница вел разговор так, что от Грошева не требовалось ответа, и это тоже было ему по душе. Он любил слушать, но не говорить. Он смотрел на Илью Захарыча, кутался в дождевик и думал о том, почему снег пахнет как будто медвяно и почему это будит давние, детские воспоминания, и о предстоящей в Конькове работе, и о сыне, который уехал недавно учиться в Москву.

А снег шел все гуще, хлопья неслись, весомые и стремительные. И уже забелело окрест, и уже в белесой пелене не видно горизонта, не видно трактора, но звуки его не умирали: тук-тук-тук...

Задумавшись, Грошев не вдруг заметил, что Илья Захарыч умолк и только почмокивает, погоняя лошадь. Грошев завозился, встретился с ним взглядом, и возница опять заговорил, но совсем поиному, чем прежде:

— Желаете, Алексей Дмитрич, историю обскажу? Из всамделишной жизни. Ежли рассудить, полезная история. Желаете?

Грошев кивнул, зачем-то откашлялся, словно рассказывать предстояло ему, а не Илье Захарычу.

— Так вот, история полезная, я считаю. В каком-таком смысле полезная? А в таком, что вроде как бы учит, как жить-то надо. А это и молодому и старому не помешает. Ну, слушайте... Жил-поживал в нашем селе мужик, кличут Батурин. Избенка его с краю, возле колодца, от меня наискось через дорогу. Помню Батурина сызмальства, одногодки с ним. И сколько помню, всегда он впереди. Комсомолил — писал в газету про кулаков, откапывал хлеб, стрелили в него из обреза, чуток избу не пожгли. Партийным заделался — в колхоз агитировал, сам записался наипервый, председателем выбрали. Говорить умел: глаза блестят, картуз сдерет с головы, зажмет в руку и тычет перед собой, как Ленин на картинке. Начальство его уважало, депутатом был в районе и еще кем-то. Но, по правде, работящий он мужик, себя не жалел да и в крестьянстве толк понимал. Артель при нем шибко в гору пошла... Ну а в тридцать седьмом Батурина взяли. Увезли ночью на машине, потом объявили: враг народа.

Подводу на яме сильно тряхнуло; Грошев судорожным движением ухватился за край телеги, Илья Захарыч спокойно продолжал:

— Ухабов-то, их и в жизни ой-е-ей сколь. Еще какие глубокие. И с Батуриным так. Посадили его, семья осталась: жена, парень, мать. Ну, старушка с горя померла без промедления, а женка-то и сын — ничего. Парень, по правде, сгинул потом на войне, матери орден переслали. А сам Батурин, обратите, Алексей Дмитрич, вниманиё, не сгинул. Через сколько-то годов приехал. Освободили его, как говорится, реабилитировали. Ну, изменился, конечное дело, шибко: постарел, седой, ногу волочит. А в общем-то прежний. Хоть и рядовой колхозник, повадки те же: глаза блестят, речи говорит, картуз в кулаке мнет, агитирует на разные хорошие дела. А работает — аж кости трещат. Черт его знает! Глядишь на него и удивляешься...

Илья Захарыч перестал рассказывать и повернулся к Грошеву. Широкий рот сжат, щетинистые щеки мокры от снега, как от слез. И Грошев против обыкновения вступил в разговор:

— А что именно вас удивляет, Илья Захарыч?

Возница втянул воздух своим тонким, аккуратным носом, потер седую щетину на подбородке и сказал, словно выдавливая слова:

— А Батурин-то, Афанасий Лукич... Люди ему в благодарность всю судьбу переломали, а он сызнова к ним ластится, ровно теля к матке. Сызнова готов в лепешку расшибиться. И что самое главное, обратите вниманиё,— таких, как Батурин, встречаю не впервой. Порода, что ль, есть такая, батуринская...

Грошев отозвался не сразу:

— В том, что случилось с Батуриным, люди не виноваты.

— Знаю, знаю.— Возница взмахнул руками, словно крыльями, и стал на мгновение похож на большую старую птицу.— Слыхал я уже про это самое. Виноватить кого? Не людей — подлецов. А подлецы откуда берутся? Может, с Марсу? Вот и получается: как жил Батурин? Обождите, обождите, знаю, что вы и тут скажете. Скажете: боролся за народ, за коммунизм и дальше будет бороться... И таки далее... Так же? Ну вот... А меня, между прочим, бог сподобил свидетелем, как соседушка возвертался домой. Из дальних краев-то. Помню, повечерял я, вышел на крылечко. Благодать: солнышко садится, птахи в моем саду чик-чирик, цветочный дух, в хлеву корова голос подает. В голове нормальный градус, поскольку заради воскресенья водочки хлебнул; в животе — сытость: старуха моя — чистый артист, сварганит яичню с колбасой — пальчики оближешь! Будете в селе, заверните — попотчует. Да...

Ну, сел я на приступок, гляжу на природу. Вижу: на улице мужик — худющий, в подержанном пальтеце, ногу волочит, за плечьми котомка. Спервоначалу-то я не разобрал, а после ахнул: «Батюшки, да это Батурин, Афанасий Лу-





В. Петров-Маслаков (Ленинград). В КРАЮ ТАЕЖНОМ.

Ю. Кугач (Москва). ПЕРЕД ТАНЦАМИ.

Н. Гюликевхян (Ереван). ПЕСНЯ.



кич!» От удивления не могу сдвинуться, а Батурин подходит к своим воротам, медленно так подходит, снимает картуз, а волос-то весь сивый. И тут из избы выбегает его женка: узрела, значит. Ну, со слезьми ему на грудь. Он, конечное дело, обнял ее, наклонился, плечи вздрагивают: тоже, видать, плачет. Да... А кругом них что? Ворота покосились, вот-вот лягут костьми, ограды нету вовсе, изба чернющая, опять же перекосела. Запустение на усадьбе, неуютствие...

У Грошева трудно, с перебоями забилось сердце. Он хотел спросить о чем-то и промолчал. Илья Захарыч опять взмахнул руками, подгоняя лошадь.

— И понимаете, Алексей Дмитрич, в тот данный момент жалко мне стало Батурина. А что же? Взять его и меня. У него, можно сказать, позор и разор, а у меня нормально: избу срубил новую, скотины разной пять голов, птица, деляна с яблонями и прочей фруктой, дом — полная чаша. Телевизор намедни купил! Сыт, обут, одет, и нос в табаке. Каждому дай бог такой жизни. Вот только в последнее время чего-то живот беспокоит: изжога, отрыжка. Не язва ли? На рентген поеду, просвещаться. А так благодать. И обратите внимание: нажил честно, не марался воровством и так и далее. Ну, конечное дело, старуха молочко продает в райцентре, яйца или что другое. Но чтобы противозаконное — нету! Я вот вас везу, а что, думаете, не по закону? На станцию отвозил колхозный груз, ящики и бочки, а обратно порожняком. Почему не подсобить приезжему и себе не заработать? О себе забывать не полагается, вот к чему клоню.

А Батурин-то, Афанасий Лукич? Я ж говорю вам: сызнова речи, горенье — разве что дым не валит из ушей. Мобилизует на разные там воскресники да субботники, опыты какие-то ставит в поле, газетки вслух читает... А свое, кровное? Ну, подчинил он кое-что на усадьбе, приоделся, подправились они с женкой, правильно. Но мог бы жить лучше, куда лучше! К примеру, как я. Мне не требуется гореть, а он лезет наперед, не может без этого... И, понимаете, может, нехорошо, но перестал я его жалеть. Даже наоборот. А чего его жалеть, умного да грамотного? Подсказал бы ему, да разве послушает? Гордый! Да и не хочу я никого учить, так иной раз с проезжим поболтаешь. Пускай живут, как умеют...

Грошев завозился и странным, с хрипотцой голосом сказал:

— А Батурин правильно живет.

— Чего правильно-то?

— А все. От начала до конца.

Илья Захарыч покосился на него, почмокал губами, будто на лошадь, и грубовато, без прежнего уважения спросил:

— Тоже в тюрьме, что ль, сидел?

— Нет, не сидел. Просто я из батуринской, вероятно, породы. Есть подобная порода?

— Ишь ты!

— Вот ты хулил Батурина.— Грошев также говорил грубо и неуважительно.— А я думаю: поиному жить — значит жить не полюдски.

— Ого! Выходит, я не человек? — без всякой обиды спросил Илья Захарыч и засмеялся. Смех был мелкий, рассыпчатый, сытый. Грошеву подумалось: сейчас возница отрыгнет. Он посмотрел на возницу, и тот на его глазах будто раздулся: уже не маленький и тщедушный, а большой и толстый, заплывший жиром.

«Ах ты, жирная вошь!» — с неожиданно поднявшимся, как тошнота, отвращением подумал Грошев.

Подводу подбросило. Илья Захарыч ткнулся спиной в плечо Грошева. Спина была, наверное, острой, костлявой, но Грошеву показалось, что до него дотронулись мягким, податливым. «Жирная вошь»,— снова подумал он и вдруг крикнул:

— Стой!

— Чего? — Илья Захарыч обернулся, оторопело заморгал короткими, вроде бы подпаленными ресницами.

— Стой! Слезать хочу.

— По нужде, что ль? — спросил возница, но по его тону чувствовалось, что он понимает: здесь что-то другое.

— Совсем слезаю.

Илья Захарыч растерянно улыбнулся.

— Совсем? По какой-такой причине?

— Слезаю — и все.

— Бог с тобой, Алексей Дмитрич. Как же ты по грязи, в непогодь? Простудишься, чего доброго... Баловство это, мальчишество. Не нравится, что я болтал? Так я могу замолчать. Поедем, что ль?

— Слушайте, вы! — сказал Грошев, сдерживаясь, чтобы не выругаться.— Деньги назад я не попрошу.

— Об деньгах какой разговор? — прежним голосом, размеренным и покойным, сказал Илья Захарыч.— Десятка за мной по закону. По своей воле слезаешь. Ежли такое собеседование — пожалуйста. Тпр-у-у! — Откинувшись, он натянул вожжи, лошадь остановилась, помахивая подвязанным хвостом.

Грошев нащупал ручку чемодана, выдернул его из сена. Стараясь не кряхтеть, сполз с телеги и тотчас ощутил, как в галоши и ботинки потекло холодное, машинально подумал: «Сапоги-то нужно было взять из ремонта». Возница проговорил: «До свиданьичка. Заходи в гости, старуха яичней угостит». Привстав, огрел лошадь кнутом. Подвода резко, словно ее толкнули, двинулась с места, ошметки грязи и снега брызнули Грошеву в лицо. Вытираясь рукавом, он наблюдал, как удалялась поглощаемая мглой телега, как крупные снежные хлопья покрывали черные следы колес,— и вот уже их нет. Все белело вокруг, куда ни глянь.

Стегал снег, промозглый ветер забирался под дождевик, но Грошеву было жарко. Он думал о том, как быстро и нелепо все получилось, однако не раскаивался в сделанном; возможно, надо было поступить как-то по-иному, но и так правильно. Вспоминал, как он, старый интеллигент, хотел выругаться, и жалел, что не выругался. И было какое-то удивительное, необыкновенно острое желание снова встретиться с возницей и выложить ему все-все — желательно на людях.

Он стоял по щиколотку в грязи и снежной каше, держал в руке чемоданчик и прикидывал, каким образом добраться теперь до Конькова. Он был совершенно один, лишь где-то на горизонте, невидимый, еле слышный, стучал дизель, стучал железно и весело.

В АДРЕС МОСКВА, ОГОНЕК

ДОЧЬ СПАСЕНА

Дорогая редакция!

Хочу рассказать вам о том, какая беда была в нашей семье и как хорошие люди помогли нам. У нас трое детей: две дочери и сын. Наша семья дружная, счастливая. Только у младшей, десятилетней дочери Нади врожденный порок сердца. Это очень беспокоило всех нас. Врач Клавдия Дмитриевна Быстрова посоветовала сделать Наде операцию, иначе жизнь девочки была в большой опасности.

Мы связались с Московским институтом сердечно-сосудистой хирургии и получили вызов. И вот Надя в этом институте. Тщательное и длительное обследование показало, что у нее одна из очень тяжелых форм врожденного порока сердца.

После трехмесячной подготовки к операции Надю оперировал кандидат медицинских наук доцент Владимир Иванович Бураковский. Операция была сложной и опасной. Надя шесть часов находилась на операционном столе. Однако все прошло хорошо. Теперь наши опасения позади. Надя уже ходит по палате. Скоро она выпишется, и мы полетим домой, в родной Якутск.

Большое, сердечное материнское спасибо хирургу Владимиру Ивановичу Бураковскому, лечащему врачу Светлане Яновне и многим другим сотрудникам института, чей благородный труд буквально вырывает у смерти обреченных детей.

За эти недели я особенно почувствовала искреннее участие, товарищескую поддержку и дружескую заботу многих людей. Когда в Москву приехали по делам из Якутии врач Татьяна Парфеньевна Дмитриева и педагог Александра Федоровна Охлопкова, они проведали свою больную землячку Надю; коллектив Якутской областной советско-партийной школы, где я работаю преподавателем, прислал нам теплое поздравление в связи с успешной операцией.

К. ТАЮРСКАЯ

г. Якутск.

Мои книги для всех

В этой квартире всегда многолюдно. Что же приводит сюда разных людей?

Книги, различные коллекции. Они принадлежат вильнюсскому инженеру И. Шапиро, но хозяин предоставил их в пользование всем. Индивидуальная библиотека стала общественной. За четверть века любитель книг собрал богатую библиотеку, насчитывающую шесть тысяч томов. Здесь книги на литовском, немецком, русском, польском, украинском, латышском, эстонском, белорусском и французском языках. Есть сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса на немецком языке.

Кроме книг, инженер Шапиро собрал богатую коллекцию старинных монет Ватикана, Китая, Польши, Монголии, Португалии. Многие монеты относятся ко II—III векам нашей эры.

Достопримечательность этого своеобразного музея — собрание почтовых марок царской России и Советского Союза. Занимает ряд полок коллекция почтовых открыток почти всех стран мира. Их около 16 тысяч. Еще есть коллекция этикеток спичечных коробок, собрание экслибрисов — книжных знаков — из Москвы, Ленинграда, Эстонии, Латвии, Польши.

Любители кино найдут здесь портреты артистов всего мира. По этим фотографиям можно проследить творческий путь крупнейших артистов всех континентов.

Сотни жителей большого, многоэтажного дома, в котором живет И. Шапиро, пользуются всеми книгами и коллекциями инженера.

Б. ДУХНЕВИЧ

г. Вильнюс.

Дело № 7-Г

«Дело № 7-г»,—написал работник милиции на папке и задумался. Задумался над единственным листком, что был подшит в деле: Анатолий Груббе просит найти мать.

Легко сказать «найти», когда неизвестно, кто родители парня, нет ни слова о них в документах Анатолия, воспитывавшегося в нескольких детских домах. Да и живы ли они?

Идут запросы в детские дома. Ответы неутешительные: сведений о родителях нет.

Но вот письмо из Архангельска: «Имеются сведения, что матерью Анатолия является Груббе-Качалина Федора Федоровна».

Снова запросы. Федору Федоровну разыскивали в Няндоме, Каргополе и других местах. Много исписано было бумаги, со многими людьми побеседовали работники милиции. Архангельским товарищам удалось выяснить, что Груббе-Кагальняк, а не Качалина, как сообщали, действительно проживала в годы войны в Архангельской области и давно выбыла в неизвестном направлении. В дополнение работники милиции Архангельской области сообщили, что место рождения Груббе-Кагальняк — Винницкая область.

Пришло письмо из Тростянецкого районного отделения милиции. «В селе Капустяны,— писал капитан милиции Карлашов,— проживают сестры разыскиваемой — Очеретнюк Лидия Федоровна и Горобец Александра Федоровна. Очеретнюк рассказала нам, что свою сестру Федору она в последний раз видела в 1949 году. Приезжала Федора на родину из Днепропетровска. Где сейчас находится Груббе, сестры не знают».

Девятнадцать лет Анатолий считал себя одиноким. И вдруг нашлись родные!

Вот и последний лист дела. Он датирован 13 октября 1961 года: «Кагальняк Ф. Ф. проживает в Днепропетровске, улица Канатная, дом № 124, работает на кирпичном заводе. Она просит сообщить сыну ее адрес и приглашает его приехать. Начальник паспортного отдела управления милиции Днепропетровска полковник Талерко».

Елена Лукиничена Наседкина, которая занималась этим делом, сразу же сообщила эту радостную весть Анатолию.

Анатолию 21 год, он завальщик литейного цеха. Десятки людей согревали его в детские годы вместо матери. На всю жизнь запомнил он тетю Наташу из Кадниковского детского дома. Любила она детей, и они к ней льнули, как к матери. Запомнил Сергея Семеновича Исаченко, мастера профтехшколы. Это он первый научил Анатолия работать. Многим обязан парень и сверловщику Ивану Абанину и разливщику Гурию Павловичу Тепленичеву, у которых перенимал мастерство.

Недолги были сборы в дорогу. И вот Анатолий в Днепропетровске в объятиях родной матери.

А. ФИЛАТОВ

г. Череповец.



Никита Муравьев — творец конституции декабристов.



«Невинная жена,— гласило предписание правительства Николая I.— следуя за мужем-преступником в Сибирь, должна оставаться там до смерти».

П О Д В И Г Б

Ираклий **АНДРОНИКОВ**

«Во глубине сибирских руд», новая кинокартина, созданная на Московской студии научно-популярных фильмов, как можно судить уже по названию, посвящена замечательным людям нашей истории — декабристам. Но есть история и у самой картины. С нее и следует начать наш рассказ.

Когда известный советский литературовед и доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн осенью 1944 года ехал в дачном вагоне на одну из подмосковных станций, он даже и представить себе не мог, что его ожидает. Знал только, что у человека, не имеющего прямого отношения к искусству, хранятся старинные, писанные акварелью, портреты.

Развязали папку с рисунками... Исследователь остолбенел. Перед ним лежали — он сразу же понял это — подлинные изображения чуть ли не всех сосланных в Сибирь декабристов — целая коллекция портретов, выполненных одним из участников восстания, Николаем Бестужевым.

О существовании этой коллекции было известно: последним ею владел книгоиздатель К. Т. Солдатенков. Когда он умер — это было в 1901 году,— рисунков в его архиве не оказалось. Много раз предпринимались их розыски, но все усилия так ни к чему и не привели. Когда-то, еще в 20-х годах, юношей в этих розысках участвовал И. С. Зильберштейн. И вот теперь один за другим ложились перед ним портреты героев 14 декабря.

В папках оказалось 76 акварелей, из них 68 — портреты участников восстания на Сенатской площади и восстания Черниговского полка. Под каждым портретом сохранилась подпись изображенного. Тем самым каждый, признавая сходство портрета, превращал его в документ истории.

До этой находки подлинных работ Николая Бестужева исследователи знали очень немного и не могли даже составить по ним представления о нем как о художнике. Здесь открылось, что Бестужев «писал характеры».

В восстании 14 декабря участвовали четверо братьев Бестужевых: Николай, Александр — знаменитый писатель, печатавшийся под псевдонимом «Марлинский», Петр и Михаил. Николай был одной из самых значительных и радикальных фигур в декабристском движении. Капитан-лейтенант флота, он привел с собою на Сенатскую площадь тысячу сто моряков. Разносторонне одаренный — писатель, переводчик и критик, художник, историк русского флота, человек кипучей энергии, исключительной решимости и отваги, которые проявились в нем в дни подготовки к восстанию,— он навлек на себя особую ненависть нового императора. Подписывая приговор Николаю Бестужеву, Николай I зачеркнул цифру «20 лет» каторги и приписал «навечно».

По прибытии в Читинский острог Бестужев принялся за осуществление грандиозного плана: он решил оставить потомству галерею портретов участников первой революции в России. Вначале с кандалами на руках, потом в полутьме каземата выполнял он эту удивительную работу, постепенно увеличивая свою коллекцию. Но товарищи по несчастью просили его повторить чуть ли не каждый портрет, иные в двух, трех, четырех экземплярах, для отсылки в Россию матерям, сестрам, братьям... Бестужев создал не одну сотню акварельных портретов, успевая при этом запечатлеть и быт декабристов и самые места ссылки — Читинский острог, Петровский завод, их окрестности.

И. С. Зильберштейн принялся разыскивать неизвестные акварели художника в Москве, в Ленинграде, в Париже, Иркутске, Кяхте. Поднял архивы. Более десяти лет ушло на эту работу. Наконец вслед за двумя превосходными сборниками «Литературного наследства», посвященными декабристам-литераторам, вышел том, посвященный живописному наследию Николая Бестужева. Обстоятельнейшее исследование И. С. Зильберштейна (450 страниц) читается как увлекательный исторический роман, в котором воссозданы эпоха, события, благородные характеры и благородные отношения этих людей, выяснены новые обстоятельства их жизни на каторге и на поселении. И особенно поражает замечательная фигура Николая Бестужева, его высокий творческий подвиг. Сколько препятствий преодолел он в этой работе, сколько раз угрожала гибель бесценной коллекции! Исследователь не просто опубликовал удивительную находку — он открыл замечательного художника. Недаром покойный академик И. Э. Грабарь назвал появление книги И. С. Зильберштейна событием.

И вот результаты ученого становятся сюжетом научно-популярного фильма. Сценарий написал сам исследователь. Задача нелегкая: прежде чем показывать портреты и дать представление о работе Бестужева, надо рассказать о подвиге декабристов, о жестокой расправе над ними, об отдельных судьбах и об их общей судьбе — тех, к кому Пушкин обратился с призывом хранить веру в свободу. С этого и начинается фильм, талантливо осуществленный режиссером А. Гендельштейном. С первых же кадров он строится динамично и темпераментно. Под свист и завывание метели мчится возок, унося-

Александра Григорьевна Муравьева, та, которая доставила в Сибирь пушкинское послание и ящик с акварельными красками для Бестужева.



Его руки.





Камилла Ле Дантю поехала в Сибирь за декабристом Ивашевым и вышла за него замуж.



Ворота Читинского острога.

ЕСТУЖЕВА

щий в Сибирь первую из великих женщин, которых Некрасов назвал «декабристками», — двадцатилетнюю Муравьеву. Она везет с собою пушкинское послание в Сибирь и повторяет про себя его строки... Наплывают события декабрьских дней. Потом следственные дела. Общие планы чередуются с деталями. Неподвижное, лакированное лицо императора Николая, свирепые, оловянные глаза — это портрет. Рука перелистывает страницы допросов. Другое лицо — глаза, полные ума и спокойствия,— автопортрет Николая Бестужева. Другая рука — в кандалах, тянущаяся к ящику с акварельными красками. И вот перед нами словно испепеленный внутренним пламенем, со шрамом на лбу от раны, полученной в кавказских сражениях, декабрист Якубович. Другой лист: вдохновенный поэт, ответивший Пушкину пророческим обещанием «из искры возгорится пламя»,— могучий и нежный красавец Александр Одоевский, с лазурным взглядом из-под темных ресниц. Полное ума и решимости лицо Никиты Муравьева. Скептический Лунин. Артамон Муравьев. Сергей Волконский. Михаил Бестужев. Пущин. Давыдов... Трудно передать, как волнуют перенесенные на экран эти замечательные портреты, передающие дух людей, которых Герцен назвал «богатырями, кованными из чистой стали». Как смотрят с экрана эти глаза, полные мысли и благородства!

Но самое сильное впечатление производят портреты жен декабристов. Портрет Муравьевой. Двадцатисемилетняя женщина, полная самоотречения и огромной духовной силы, она надломлена смертью рожденных в тюрьме детей, тоской о других, оставленных навсегда в России. Вот склеп над ее ранней могилой, построенный по проекту Николая Бестужева... Мария Волконская. Александра Давыдова. Елизавета Нарышкина. Француженки Полина Гебль и Камилла Ле Дантю, которые добились разрешения поехать в Сибирь, чтобы выйти замуж за «государственных преступников». У Камиллы было одно объяснение, почему она последовала в Сибирь за Василием Ивашевым: «Я люблю его почти с детства». Великолепно работает цвет в этом фильме, выразительны ракурсы: памятник Николаю I в Петербурге снят снизу — копыто вздыбленного коня и ботфорт императора в стремени как бы вознесены над эпохой.

За кадром звучат попеременно два голоса. Первый рассказывает о незабываемом событии русской истории. Другой произносит вслух мысли Николая Бестужева о тех, кого он рисует. Здесь средства художественного кинематографа вступают в дело очень решительно. Пожалуй, иному покажется, что это уже не наука, если создатели фильма думают за Бестужева. Спору нет, это прием художественный. Но так ли уж важно зрителю, на какой студии снималась картина, было бы исторически достоверно и хорошо. Вот почему в данном случае было бы лучше, если б слова, которые произносятся «от Бестужева», воспроизводили бы стиль той эпохи и даже точнее — стиль самого Бестужева. Его рассказы, статьи, воспоминания, письма к родным писаны совсем иным слогом, чем тот, который предлагает нам от его лица автор дикторского текста Галина Шергова. Патетический, сжатый, заключающий удачные образно-поэтические находки и поэтому емкий текст Шерговой очень хорош, когда о событиях далекого прошлого говорит наше время, когда мы слышим, что николаевский Петербург «надел цепи на руки России, на умы России, на сердце России», что «за минутами свободы наступила вечность забвения» (хотя такие слова, как «императорский Питер», «березы Подмосковья» и «коронованный солдафон», нарушают местами достоинства этого текста). Но «внутренний монолог Бестужева» сразу же вызывает ощущение неточности. Мы не чувствуем разницы в стиле эпох: декабрист говорит «буквально спасла», «принесла свое жизнелюбие в каземат», «обезоруживающий аргумент», «уничтожила сословную пропасть между ней и мужем-дворянином». Между тем нужные для развития сюжета тирады можно было найти в письмах Бестужева.

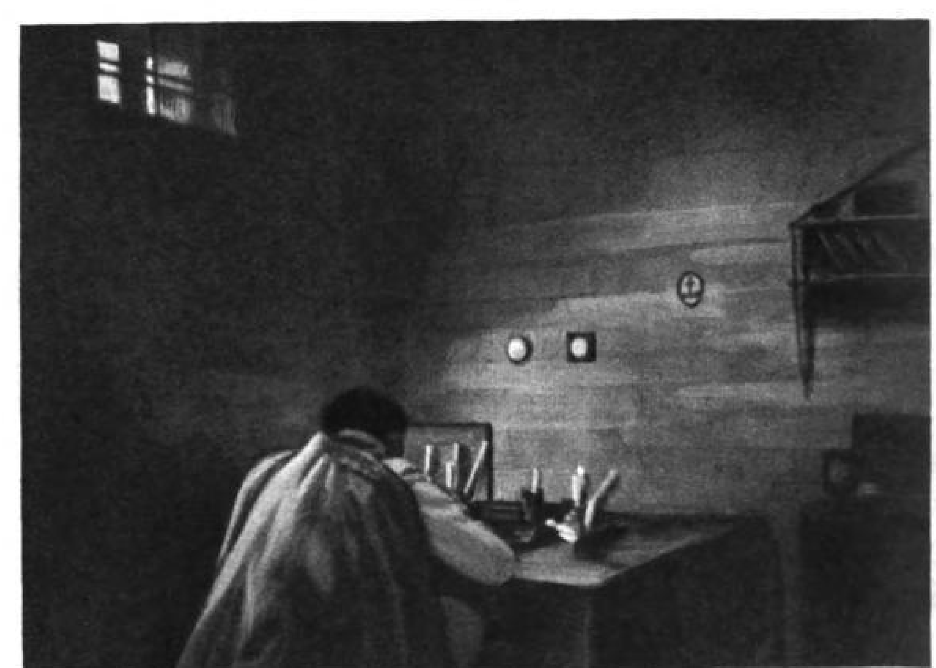
Жаль, не упомянуто в фильме, что акварели Бестужева впервые опубликованы только сейчас — почти через сто лет после смерти их автора. Тем самым с материала сценария снят блеск новизны, не мотивирован поворот темы.

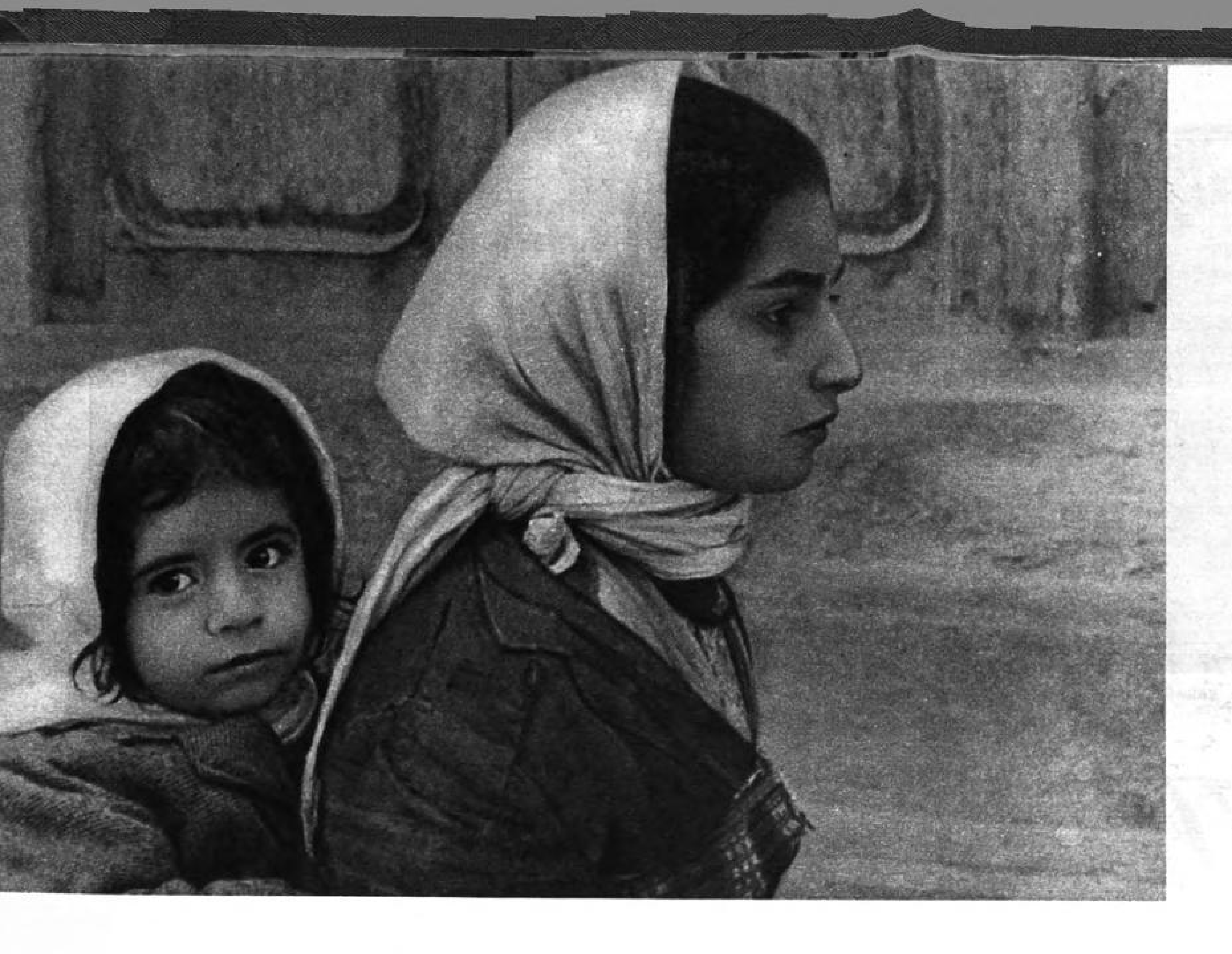
Недочеты эти неспособны изменить общее впечатление, и фильм тронет каждое сердце, которому дорога память о великих поборниках русской свободы. Но когда его увидят на других континентах — те, кто не знает русской истории и даже не слышал о декабристах? Поймут ли они эту картину, будут ли тронуты ею? Будут! Потому что тема ее шире фактов истории. Это рассказ о том, как кисть художника спасла от забвения черты героев и помогала перенести несчастье. Потому что это рассказ о подвиге, это пример, как надо выполнять долг перед эпохой и грядущими поколениями. Он все поймет, зритель другой страны, потому что на помощь истории здесь дважды пришло искусство — искусство портрета и искусство показывать искусство в кино.

Артамон Муравьев, изображенный Бестужевым возле окна каземата.

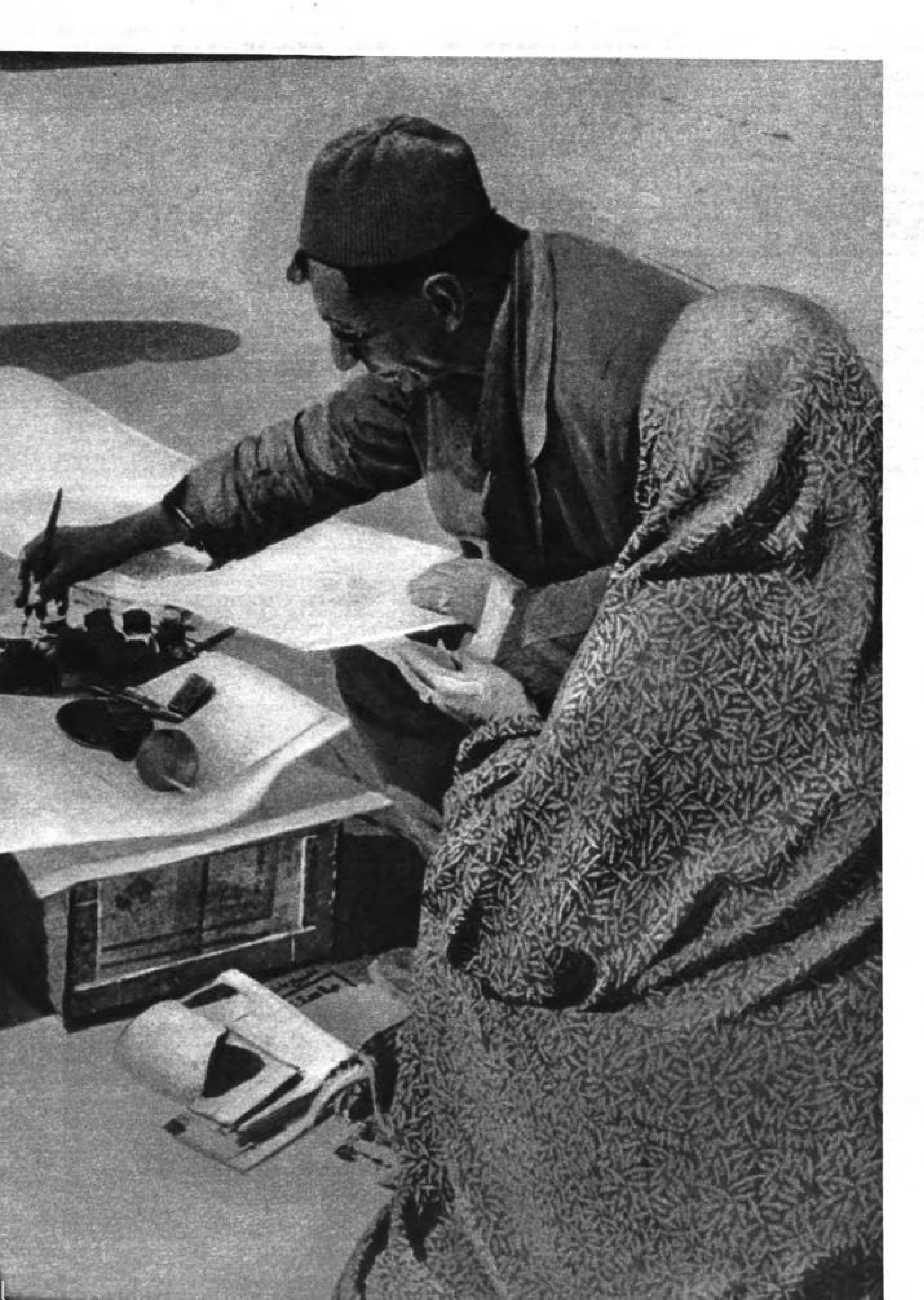


Так совершался подвиг.











Иран без позолоты

И. БОЧАРОВ

Фото получены агентством печати Новости.

Иран... Страна сказочных природных богатств и разоренной, стоящей на грани краха экономики. Страна безудержной роскоши ничтожной кучки правителей и ужасающей нищеты подавляющего большинства народа. Страна великого прошлого и неприглядного, трагического настоящего...

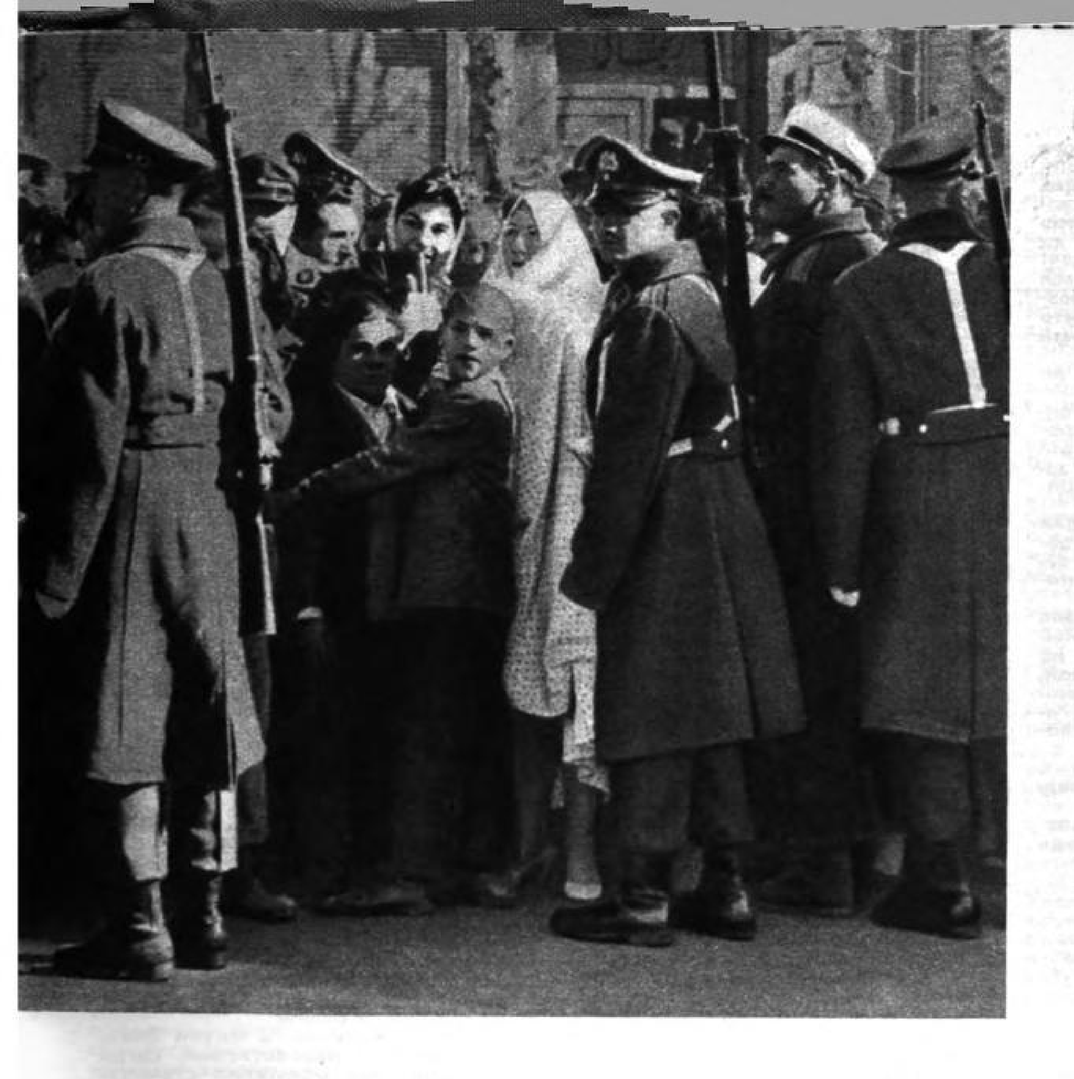
Объектив запечатлел несколько сцен из повседневной жизни иранской столицы Тегерана. Вот медленно бредет по улице молодая женщина с ребенком. С утра она вышла на поиски хлеба насущного. Эта сцена типична для сегодняшнего Ирана. «Современная Персия,— свидетельствует, например, западногерманский журнал «Дер Штерн», — это не сказочная страна из «Тысячи и одной ночи». Это страна 15 миллионов бедствующих крестьян, миллионов кочевников в лохмотьях, трех миллионов нищих и, возможно, лишь около миллиона людей, которые едят более или менее сытно».

В Иране миллионы неграмотных. Картина, которую вы видите на другом снимке, самая обычная в городах и селах страны. Прямо на тротуаре сидит писец, к которому подходят люди и просят написать или прочитать письмо, заполнить документ, а то и просто показать, как поставить подпись. Так было пятьдесят, сто лет назад, так продолжается и по сей день.

Но что это? Демонстрация протеста, митинг? Почему так много полицейских, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками? Это меры «предосторожности» полиции в связи с проездом по улицам Тегерана шаха и шахини. Содержание колоссального полицейского аппарата и огромной армии, которую должен иметь Иран в соответствии с обязательствами по агрессивному блоку СЕАТО, съедает бóльшую часть бюджета. И полиция и армия призваны ограждать от гнева народного правящую верхушку страны.

«Прежде всего — свобода!» — произнесла шахиня в день своей свадьбы. Но эти слова отнюдь не относились к тысячам узников Ирана. Шахиня произнесла эту красивую фразу, открывая дверцу клетки с соловьями.

Можно позолотить статую иранского шаха, но за позолотой нельзя скрыть пропасти между нищетой и бесправием иранского народа и роскошью и произволом правящей верхушки, пользующейся американским покровительством.







С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧИНОВНИКА

Клод Обен, явившаяся на свет в Бюлли-ле-мин (департамент Па-де-Кале, Франция) 27 августа 1943 года, была при рождении ошибочно записана в метрической книге ребенком мужского пола. С тех пор прошло 18 лет. Клод стала уже студенткой университета в Дижоне, а чиновники продолжают упорно отказываться признать ее личностью женского пола. Теперь девушку, как «военнообязанную», вызвали в местную призывную комиссию.

ЩЕДРОСТЬ ПРИХОЖАН

Настоятель храма в городе Девоншире (Англия) вывесил у входа следующее объявление:

«Уважаемые прихожане! Если вы не можете отказаться от того, чтобы бросать в церковную кружку вместо денег пуговицы, то по крайней мере не срывайте пуговицы с молитвенных подушек!»

НЕЧАЯННО...

Один бельгиец организовал предприятие. Оно должно было собирать велосипеды, детали которых привозились из Западной Германии. Когда некоторое время спустя предпринимателя спросили, как идут его дела, он ответил:

— Ничего не выходит. Каждый раз начинаем собирать велосипед, а получается пулемет.

ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА

Джузеппе Порти был известен в Милане как чудак. 50 лет он вел борьбу против автомашин. Извозчик — вот в его понимании идеальный вид транспорта. Составляя завещание, Джузеппе Порти решил в отместку ненавистным ему автомобилям значительную часть своего состояния передать трем последним извозчикам Милана. После смерти Джузеппе Порти счастливые извозчики на деньги, полученные по завещанию, купили себе автомашины.

УВЕКОВЕЧЕНИЕ

Брайтенталь — тихое местечко в округе Биркенфельд (ФРГ). Однажды ночью мирный сон здешних бюргеров был нарушен гулом моторов и лязгом гусениц. По улицам Брайтенталя мчались американские танки, проводящие маневры. Один танк, потерявший управление, врезался в дом, пробил стену и остановился прямо перед постелью хозяина дома. Когда водитель наконец затормозил, было уже поздно: почтенного бюргера от страха хватил удар.

Жертвой американских вояк оказался активный член христианско-демократического союза, еще накануне требовавший с пеной у рта, чтобы американцы увековечили оккупацию ФРГ.

«НИЧЕГО»

Из США пришла весть еще об одном шедевре абстракционистского искусства. Художник Дэйль Стюард послал на выставку живописи в городе роскошную раму, которая обрамляла совершенно чистый белый лист! К «картине» была приложена карточка, на которой значилось название: «Ничего». Этот экспонат приняли на выставку, зарегистрировали в каталоге и выставили напоказ.

Правда, газеты сообщили, что картина «Ничего» премии не получила.

НЕПОДДА

М. СЕМЕНОВ



— Велемир, а Велемир, ты будешь платить членские взносы?

Этот вопрос задает девушка в белом переднике с такой же белой наколкой на голове. Она кокетливо отставила правую руку с небрежно опущенным вниз никелированным подносом.

Человек, к которому обращен этот вопрос, очень молод. Все в нем говорит о еще не устоявшемся вкусе: неестественно взбитая челка, странного цвета галстук, удивительно редкого фасона и окраски ботинки. В остальном же он мало чем отличается от тех, кто заполнил в эти ранние часы обеденный зал: белоснежный, хорошо выглаженный халат и тщательно отутюженная шапочка.

— Буду, конечно, буду. Но какое сегодня число?

— Двадцать шестое, все уже платили.

— «Все» — это еще ни о чем не говорит. Запомни, что ты имеешь дело не со всеми, а с индивидуумом. Мой интеллект подсказывает, что членские взносы за текущий месяц можно уплатить в любой день с первого по тридцатое. А пока календарь показывает двадцать шестое число. Тридцатого в двенадцать ноль-ноль я буду у вас, дорогая, со своими приобретенными честным трудом восьмьюдесятью копейками. В двенадцать ноль-ноль тридцатого, и ни минутой позже. Такова моя воля, воля рядового члена нашего профессионального союза.

Девушки, расставлявшие посуду и столовые приборы, рассмеялись. А одна сказала:

— Да что ты, Клава, с ним разговариваешь, он же неподдающийся!

Велемир Сорокин, игнорируя это ядовитое замечание, молча прошел за стеклянную перегородку на свое рабочее место, чтобы заняться расценкой блюд сегодняшнего меню.

Профорганизация фабрики-кухни № 8 давно уже билась с Сорокиным, стремясь сделать из него активного и дисциплинированного члена профсоюза, но все усилия были напрасными. Глубоко укоренившийся в Велемире бес противоречия постоянно толкал его против всех и вся. Если кто-нибудь на фабрике-кухне собирался выступить с предложением, касающимся производственной или профсоюзной работы, он заранее знал, что у него будет один-единственный оппонент — Велемир Сорокин.

Только за последнее время он возражал против:

открытия верхних фрамуг в окнах («в открытые окна будут проникать бабочки и своим беспорядочным полетом по обеденному залу отвлекать столующихся от принятия пищи»);

кипячения питьевой воды для посетителей столовой («сырая вода, содержащая органические вещества, стимулирует процессы пищеварения»);

сбора предварительных заказов на обеды среди рабочих соседней стройки («мы не должны идти на поводу у посетителей столовой, наш долг — навязывать ему свои вкусы, основанные на научно-гигиенических нормах питания человека»);

продажи в буфете сифонов с газированной водой («явное подражание Западу»).

И уже так повелось на фабрике-кухне: прежде чем что-нибудь



предпринять, люди спрашивали друг друга:

— А как на это посмотрит Велемир?

Будто Велемир Сорокин — это сам директор треста столовых и ресторанов, а не простой калькулятор.

Но особенно нетерпим он был во всем, что касалось общественной жизни коллектива фабрики-кухни. Можно без преувеличения сказать, что для руководителей профорганизации он являлся сущим наказанием. Стоило только членам месткома собраться в кабинете директора фабрики-кухни на очередное заседание, как в дверь просовывалась голова Сорокина.

— Опять секретничаете, опять решаете вопросы за спиной профсоюзной массы?

Как-то на доске объявлений появился плакат:

«В воскресенье состоится коллективная поездка в Белые столбы за грибами. Желающих просят записаться в культмассовом секторе. Местком».

Невинное это мероприятие вызвало у Велемира приступ безудержной ярости.

— С кем согласовывали, у кого спрашивали?! — кричал он председателю месткома.— Что? Для вас мнение рядовых членов профсоюза нуль без палочки? А может быть, я даже запаха грибного не переношу, а вы меня в Белые столбы тянете?!

Ему объяснили, что участие в грибном походе — дело сугубо добровольное. Но тщетно.

— Вот всегда вы самовольничаете, всегда игнорируете интересы и запросы коллектива.

— Ну хорошо, Велемир, скажи, что тебя интересует, и мы учтем на будущее.

— Можно было бы устроить экскурсию на бега или в зоопарк, наконец. Говорят, там такого хищника доставили, что он железную клетку в щепки разнес и девяносто шесть посетителей в пруд загнал. И стояли они по горло в воде, пока укротителя из цирка не вызвали. Вот это по мне, я люблю сильные страсти! А разные там боровички да незабудки — детская забава!

Велемир Сорокин всюду и во всем видел несправедливость и нарушение его прав. В том, кому выдает ссуды касса взаимопомощи, в том, как культсектор месткома распространяет билеты в театр, в том, наконец, кто получает путевки в дома отдыха и санатории.

— Опять Людка Петрова путевку в Анапу схватила,— ворчит, бывало, Сорокин.— Вот что значит быть запанибрата с председателем месткома...

— Но, Велемир, как тебе не стыдно! Ты же сам сказал, что пойдешь в отпуск только в ноябре. Для Анапы это уже поздно.

— Думал — в ноябре, а мог бы пойти и в августе. Чай я не какой-нибудь подневольный раб, а свободный труженик. Могли бы и мне Анапу предложить.

Но если в другой раз ему предлагали пойти в отпуск раньше, так как в месткоме появилась путевка в Анапу, то результат был тот же.

— Не хочу идти в отпуск в пожарном порядке,— возмущался Велемир.— Я вам не мальчишка, чтобы помыкать мною! Раз я запланировал свой отдых на ноябрь, значит, так и будет!

Бывали, конечно, в жизни Велемира минуты просветления, когда он безропотно оформлял стенную газету или ехал по поручению месткома в подшефный колхоз. Но происходил очередной заскок, и Велемир снова становился самим собою, то есть воинствующим и непримиримым бузотером.

Это рожденное в первые годы Советской власти и гражданской войны словечко необычайно точно определяло поведение Велемира на любом профсоюзном собрании. О, как он тогда паясничал и кривлялся!

— Регламент, регламент соблюдайте, а то, ишь, завели говорильню!

— Почему Петровой дали слово, я раньше записался?!

— Что значит прекратить прения? А может быть, я высказаться желаю.

— Не согласен! Требую занести в протокол мое особое мнение и довести его до сведения вышестоящих органов!

Михаил БОТВИННИК, чемпион мира

СНО



. М. Ботвинник и С. Флор в Гастингсе. Фото ЮПИ.

Закончился традиционный турнир в Гастингсе (Англия). В нем, как известно, приняли участие два советских шахматиста — чемпион мира Михаил Ботвинник и гроссмейстер Сало Флор.

Флор трижды был победителем в Гастингсе, результат Ботвинника значительно скромнее. Приняв участие в этом традиционном соревновании 27 лет назад, молодой советский шахматист разделил тогда пятое-шестое места с А. Лилиенталем. На сей раз М. Ботвинник взял блистательный реванш. Он завоевал первое место, набрав восемь очков из девяти возможных, и не проиграл ни одной партии. На втором месте остался двухкратный победитель гастингских соревнований югославский гроссмейстер С. Глигорич. Третье призовое место завоевал С. Флор.

«Видел вас четверть века назад в Ноттенгаме и надеюсь пожать вашу руку в конце декабря в Гастингсе. Рад, что вы снова чемпион, ведь мне тоже пятьдесят пять».

Письмо это заставило меня грустно улыбнуться — как-то он выглядит, организатор ежегодных турниров в Гастингсе Фрэнк Роден в свои пятьдесят пять?..

Наступил декабрь, и мы с Флором гуляем по пустынной набережной рождественского Гастингса. Погода необычная — холодно и солнечно. Вдруг чья-то тяжелая рука опускается на мое плечо, здоровенный детина, курчавый и черноволосый, внимательно меня разглядывает.

— Мистер Ботвинник? Мое имя — Роден.

— А вам без пальто не холодно, господин Роден?

Вместо ответа он протягивает мне свою лапищу — она совсем теплая.

«Вот это да! — подумалось мне, когда я с завистью на него поглядел.— Вот вам и пятьдесят пять!»

Роден — школьный учитель, и он явно использует свое служебное положение в шахматных целях. Любо было смотреть, как пять юных джентльменов, его учеников, исполняли обязанности демонстраторов: они передвигали фигуры на доске молниеносно.

Гастингс расположен на горе и упирается в море. Словно для того, чтобы он туда не сполз, построена прочная набережная, протянувшаяся на несколько километров. Вдоль набережной — отличный пляж, защищенный через каждые 50—60 метров волнорезами, а под набережной — гаражи, служебные помещения и кафе. В одном из таких кафе и проходил турнир, а над головами участников прогуливались редкие прохожие, их можно было увидеть в световые люки, установленные в потолке.

В Лондон мы прилетели в канун рождества и вскоре оказались в поезде.

— Смотрите, не проскочите вашу станцию, — предупреждали нас товарищи из советской колонии.

— Сало, — обратился я к своему спутнику, — рядом с вами сидит типичный англичанин. Спросите его, когда же будет эта станция «Площадь ветеранов»?

Увы, я ошибся. Сосед Флора оказался далеко не типичным британцем и даже немного говорил по-русски. Польский эмигрант, он работает в Лондоне программистом-бухгалтером. А живет... в Гастингсе.

— Вы четыре часа ежедневно проводите в поезде?

— Но в Лондоне квартиры в три раза дороже...

Еле находим такси. Ведь в сочельник вся жизнь замирает, даже почта не действует, и мы оказываемся в отеле. Здесь очень весело. Поют песни. Все сидят в шуточных колпаках. Детишки в восторге. Танцы. Все это очень мило. И у каждого англичанина этот праздник связан с воспоминаниями детства.

ЮЩИЙСЯ

Рисунки Г. Оганова.

Мешать докладчику, сбивать с толку выступающих, путать председателя — все это на языке Велемира и называлось применением на практике норм профсоюзной демократии.

Иногда кто-нибудь по-дружески говорил ему:

— А ведь ты демагог, Велемир.

— Но, но, поосторожнее с такими словечками! Сейчас не то время, чтобы зажимать права члена профсоюза.

И его никто не «зажимал». Его терпели. С его существованием примирились так же, как примиряются с тем, что летом появляются назойливые мухи, а осенью идут надоедливые моросящие дожди. Неприятно, конечно, но что поделаешь!

Между тем всякому долготерпению приходит конец. Наступили черные дни и для Велемира. Это произошло после того, как он подал свое знаменитое, вошедшее в историю заявление.

Шло очередное профсоюзное собрание. Уже заслушали и обсудили доклад, проголосовали за решение, приняли различные сообщения о «разном», как вдруг поднялся со своего места Велемир Сорокин. Твердой, несгибающейся походкой он приблизился к столу президиума, передал председателю какую-то бумагу и таким же торжественным шагом вернулся в зал.

В президиуме произошло короткое замешательство. Наконец кто-то поднялся и сказал:

— Поступило заявление от товарища Сорокина. Зачитать?

— Читай! — ответил зал.

— Вот оно, это заявление: «В профорганизацию фабрики-кухни № 8. От В. Сорокина

Заявление

Ввиду того, что профсоюзные собрания длятся обычно два-три часа, а перерывы для курения, по решению большинства, не устраиваются, я, как человек курящий, не могу не расценивать этот факт иначе, как насилие над личностью.

Исходя из вышеизложенного, с сего числа считаю себя от посещения профсоюзных собраний свободным.

Велемир Сорокин, калькулятор».

Что тут началось! Одни требовали немедленно отобрать у Велемира профсоюзный билет, другие предлагали прогнать его с фабрики-кухни, третьи — судить общественным судом как злостного дезорганизатора. Страсти накалились до предела.

Президиум посовещался и внес предложение передать дело Велемира Сорокина на рассмотрение профкома.

С этим все согласились.

И коллектив фабрики-кухни не-



вольно был втянут в беспокойную жизнь. Профком создал комиссию, которой было поручено выяснить до конца общественное лицо Велемира Сорокина и заодно выработать меры повышения воспитательной работы. Комиссия потребовала объяснений отдельно от профорга, от самого Велемира, а затем от обоих вместе. Герой наш осунулся, похудел, но твердо стоял на своем. И неизвестно, чем бы кончился конфликт Сорокина с профорганизацией, если бы в его дело не вмешались посторонние силы.

Впрочем, не совсем посторонние, если иметь в виду нового технолога фабрики Лену Жильцову.

В начале нашего повествования мы забыли упомянуть об одной немаловажной детали: в коллективе фабрики Велемир Сорокин был единственным мужчиной, если не считать шеф-повара Матвеича, давно уже достигшего пенсионного возраста. И это обстоятельство играло роковую роль в линии поведения, которую избрал для себя Велемир.

Дело в том, что в глазах 126 девушек и женщин фабрики-кухни Сорокин не был мужчиной. Нет, все они отнюдь не придерживались монашеского образа жизни. У каждой были свои привязанности и увлечения. Появление в обеденном зале каждого нового посетителя мужского пола обычно вызывало у них самую живую реакцию. И когда, пообедав и расплатившись, посетитель уходил, девушки еще долго разбирали его достоинства и недостатки.

А Велемира они попросту не замечали. Велемир был свой, а раз свой, то какой же он мужчина! Они так привыкли к Велемиру, что, не стесняясь, даже делились с ним порой своими маленькими женскими секретами.

И это глубоко его оскорбляло. Уязвленная мужская гордость в сочетании с дарованным природой отнюдь не ангельским характером и сформировали натуру Велемира, натуру неподдающегося. Своей постоянной фрондой ко всем и ко всему Сорокин пытался привлечь внимание хотя бы одной из ста двадцати шести. И, видя тщетность своих попыток, еще больше ожесточался. Он, собственно говоря, и курить начал лишь для того, чтобы больше походить на мужчину, и выпивал иногда в буфете после работы сто граммов, хотя от водки его мутило, а «Казбек» вызывал безудержный кашель.

Так продолжалось до тех пор, пока на фабрике не появилась выпускница пищевого института Лена Жильцова. Это произошло как раз в разгар описываемого конфликта. Она взглянула на Велемира новыми глазами, и многое в нем показалось ей привлекательным.

От простого, невзначай высказанного сочувствия до зарождения взаимной симпатии — один шаг. Два раза Лена вытащила Велемира в кино, один раз на пляж. Воздействие на колючий, неуживчивый характер Велемира таким образом шло по двум линиям: официальной — в лице месткома и лирической — в привлекательном образе Лены Жильцовой. Это было очень счастливое сочетание.

— Пойми, Велемир, своим неправильным поведением ты кладешь пятно на весь коллектив раздаточного зала. Неужели тебе не дороги интересы людей, с которыми ты работаешь и которые относятся к тебе с уважением?

Так говорил профорг.

— Велемирчик, с каждым днем я открываю в твоем характере все новые и новые привлекательные черты. Ты такой гордый, такой самостоятельный. Настоящий мужчина! Но к чему эти чудачества, милый?

Так говорила Лена.

И вот однажды Велемир Сорокин явился к председателю месткома.

— Я хочу взять свое заявление обратно.

— А как же насилие над личностью? Было оно или не было?

— Не было, я заблуждался.

— Но, может быть, все-таки у тебя есть какие-нибудь расхождения с профорганизацией?

— Никаких. Я теперь даже не курю. Лена не велела.



И Велемир для вящей убедительности похлопал руками по пустым карманам своего белоснежного, тщательно отутюженного халата.

Неподдающийся полностью капитулировал и капитулировал вполне добровольно.

Теперь в ранние утренние часы в обеденном зале можно услышать такой разговор:

— Велемир, а Велемир, ты будешь платить членские взносы?

— Хватилась, я еще на прошлой неделе уплатил!

Девушки, подготавливающие столы к приходу посетителей, смеются:

— Да что ты, Клава, к нему придираешься, ведь он у нас теперь душка. Велемирчик, на крестины-то позовешь?

Велемир довольно улыбается. Он достиг того, чего так страстно добивался: его признали.

ВА В ГАСТИНГСЕ

Конечно, мы попали в избранное общество. Пребывание в этом отеле на рождестве стоит 5 фунтов в день с носа. Весьма солидная сумма. Рядовой англичанин празднует рождество куда более скромно. Но мне кажется, что если Англия придет к социализму, рождество там останется.

Я не был в Гастингсе 27 лет, и кое-что здесь изменилось. Больше стало зрителей. Собственно говоря, раньше их вообще не было, если не считать участников других турниров. А сейчас для зрителей было приготовлено около сотни стульев. Энергично проводилась массовая работа. Заимствован советский опыт.

Ритсон-Морри ежедневно демонстрировал лучшие партии турнира. Шла бойкая торговля шахматной литературой и инвентарем, кстати, весьма высокого качества. В остальном внешне мало что изменилось. Шел традиционный рождественский конгресс. Да, внешних перемен немного, а по шахматному содержанию изменилось многое. Тогда Англию представляли пожилые мастера Томас, Митчел, Норман. Сейчас 80-летний сэр Джордж Томас был уже в числе зрителей; кстати, выглядит он отлично. А в турнире играли молодые англичане Пенроуз, Барден и Литлвуд. Самому «старому» из них — 32 года. Да и играют они иначе. Барден, например, отлично знает теорию (добавим только — опубликованную). Он составил обширную картотеку. Чемпион Англии Пенроуз остроумен и энергичен в атаке, а Литлвуд — вообще загадочная фигура. По недоразумению он даже не имеет звания мастера. Но против гроссмейстеров в Гастингсе он набрал 50 процентов очков. Бисгайера Литлвуд просто сокрушил в атаке, но особенно отличился он в партии с Флором. Отложенный пешечный эндшпиль Литлвуд, конечно, «не раскусил» в анализе и оказался при доигрывании перед трудной задачей.

— Он сделал ничью, — смущенно рассказывал мне Флор. — Понимаете, он играет по Ласкеру: подумал минут тридцать, а затем играл быстро и правильно.

Высокая похвала!

Режим дня, конечно, был нелегким. После обеда игра. Затем, если партия не окончена, анализ, обычно затягивавшийся за полночь. Утром доигрывание, затем обед — и карусель вертелась так десять дней. Изредка выдавалось свободное утро, тогда мы протопывали всю набережную из конца в конец. Да если при этом посчастливится с южным ветром, то чудесно пахло океаном. Впечатления нарушали только чайки. Они крикливы, как пожилые женские персонажи современных итальянских фильмов. Но что делать? Местные жители подкармливают чаек.

Под Новый год выпал снег, но какой-то ненастоящий. Весьма тонким слоем покрывал он землю. Мальчишки, однако, пытались кататься на самодельных санках, а грузовики лязгали цепями.

Все же мы гуляли редко, так как мне пришлось играть многоходовую партию с Глигоричем. Примерно к двадцатому ходу я получил в этой партии лучший эндшпиль и считал себя обязанным реализовать перевес. Задача была нелегкой, но к сотому ходу югослав должен был лечь на лопатки. Увы, тут я допустил ляпсус, и партия была признана ничейной. Тринадцать часов игры и не меньшее количество времени на анализ. И ничья! Теория эндшпиля получила все же ценный материал.

Итак, мне удалось «реабилитировать» себя в Гастингсе. В 1934 году дело кончилось неудачей для советского чемпиона.

Осталась последняя партия. Со старым приятелем, редактором шахматного отдела вашего журнала, уважаемый читатель «Огонька». Что делать? Проигрывать нельзя. Выиграть? Попробуйте черными выиграть у Флора! Остается один выход — быстрая ничья.

— Вы сегодня снова будете выигрывать? — допытывался весьма краснощекий и весьма симпатичный джентльмен лет двенадцати, что неизменно весь турнир демонстрировал мои партии.

— Нет, на сей раз, вероятно, будет ничья.

— И быстрая? — спросил мой собеседник с надеждой в голосе.

— Поскольку это зависит от меня, да. Вас это устраивает?

В ответ последовал лишь облегченный вздох и кивок головой. Видимо, не только участники устали от турнира.

И вот мы прощаемся с приветливым Гастингсом и британскими шахматистами. Роден начеку.

— В следующем году мы вновь ждем советских гроссмейстеров. — И крепко жмет руки на прощание.

Последние приветствия, и мы направляемся на вокзал, сопутствуемые морским ветром и неизменными чайками.

(По телефону.)



МАССОВЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ...

Новый год начался, и вот уже первый номер журнала «Театральная жизнь», отпечатанный, лежит на столе. Толстых журналов пока еще нет, они, как всегда, запаздывают. Тем приятнее своевременный выход «Театральной жизни». Давайте же посмотрим, как журнал начал свой новый год, первый год после XXII съезда партии, принявшего великую Программу нашей жизни.

И главное, что пронизывает вышедший номер журнала,— это ощущение творческого подъема, охватившего всю театральную Россию, от профессиональной до самодеятельной сцены. Очерки, статьи, заметки из Владивостока и Брянска, Воронежа и Уссурийска, Петропавловска-на-Камчатке и подмосковного села Спас, Башкирии и Чувашии раскрывают обширную карту театральной жизни России. Георгий Мдивани в статье «Прежде всего» утверждает, что советское искусство призвано воспитывать людей на положительных примерах жизни, на правдивом отображении главного и решающего в действительности, изображении нового человека в его борьбе против старого, отживающего свой век. В первом номере помещены интересные заметки Г. Бояджиева об американском театре, статья О. Лепешинской о гастролях Большого театра в Японии, критические заметки А. Лациса о московском мюзик-холле, фельетон и театральные шутки.

Что обещает «Театральная жизнь» своим читателям в наступившем году? На этот вопрос отвечает главный редактор журнала **Юрий Александрович Зубков.**

Массовый, иллюстрированный журнал «Театральная жизнь» в новом году опубликует рассказы видных деятелей культуры, науки, техники о том, какое место занимает в их жизни театр. Выступят старейшая большевичка Е. Стасова, скульптор, лауреат Ленинской премии С. Коненков, председатель Комитета советских женщин Н. Попова, писатель Назым Хикмет... О своем пути в театр расскажут драматурги А. Арбузов и Ю. Чепурин, артисты В. Ратомский, В. Сомов, М. Штраух, В. Якут.

Редакция намерена развернуть дискуссию о спектаклях театров Москвы, Ленинграда, других городов Российской Федерации. В обсуждении наряду с критиками примут участие драматурги, актеры, режиссеры и зрители.

Одна из самых главных задач редакции — борьба за высокие художественные вкусы, против пошлости, халтуры, пережитков старого театрального быта.

Редакция будет печатать очерки и портреты мастеров советской сцены, рассказывать об актерских дебютах, удачах. Мы думаем о проведении специального конкурса на лучший очерк об актере, создавшем образ современника. В отличие от предыдущих лет мы расскажем не только о мастерах русского советского театра, но и театров союзных республик. Нельзя считать себя знатоком театра, если ты не знаком с творчеством Хоравы и Ужвий, Смилгиса и Александровской, Отса и Крушельницкого.

Журнал расскажет о работе народных театров и напечатает материалы, интересные работникам и профессиональной и самодеятельной сцены. В прошлом году мы опубликовали очерки народного артиста СССР В. Топоркова о К. Станиславском. В нынешнем напечатаем серию статей народного артиста СССР Г. Товстоногова об актуальных проблемах режиссуры. С очерками о Вл. Немировиче-Данченко выступит народный артист СССР Б. Ливанов.

По-прежнему будем помещать одноактные пьесы. В одном из первых номеров читатель найдет остроумную комедию М. Светлова и З. Паперного «У семи нянек». В портфеле редакции — пьесы И. Штока и Ц. Солодаря.

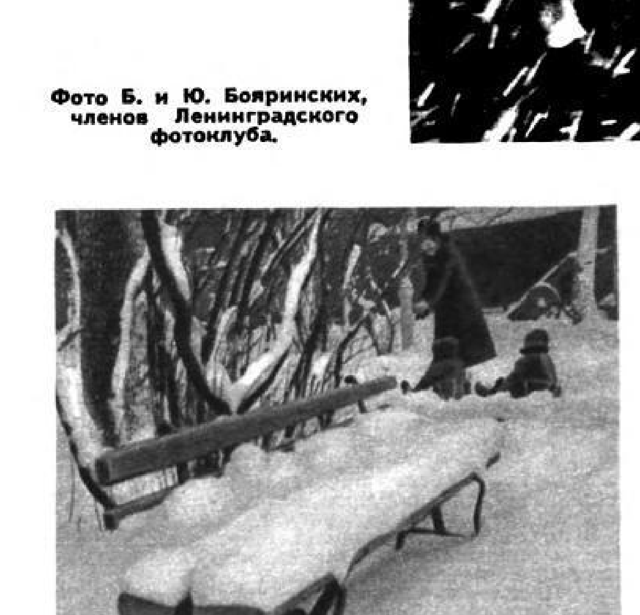
В разделах, посвященных театральному прошлому, будут напечатаны записки К. Паустовского о М. Булгакове, неопубликованные материалы Б. Ромашова и А. Афиногенова, воспоминания о Ф. Шаляпине, новые материалы о П. Гайдебурове, Д. Орлове, крупнейших режиссерах периферийного театра Н. Соловцове, Н. Собольщикове-Самарине, И. Слонове, Н. Синельникове, А. Канине.

Впрочем, новый год уже начался, и читатель сам сможет познакомиться со всем задуманным и обещанным.



ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЗИМЫ

Фото Б. и Ю. Бояринских, членов Ленинградского фотоклуба.





В клубе редакции «Огонек» выступил заслуженный артист республики Марк Бернес. Он интересно рассказал о своем творческом пути, о содружестве с поэтами и композиторами, о поисках в репертуаре.

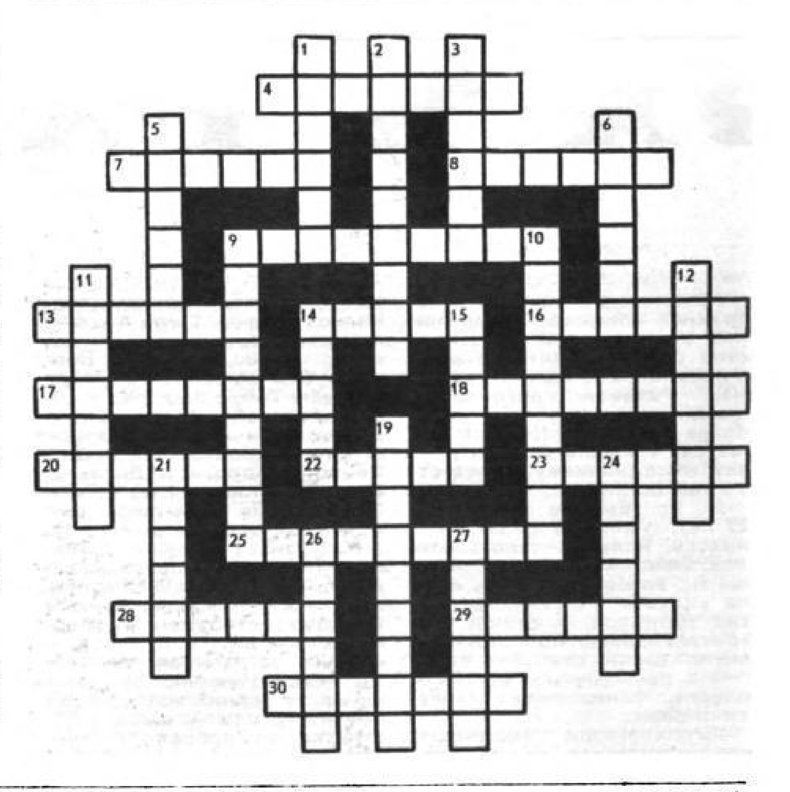
В заключение было исполнено несколько песен, тепло принятых присутствовавшими.

На первой странице обложки: Атомоход «Ленин» в высоких широтах Арктики.

На последней странице обложки: Вертолет уходит на ледовую разведку.

Фото Г. Копосова.

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Самоходная машина-тягач. 7. Часть круга. 8. Древнейшее государство, существовавшее на территории СССР. 9. Смычковый музыкальный инструмент. 13. Исторический роман Б. Пруса. 14. Одно из трех измерений. 16. Заплечный вещевой мешок. 17. Злаковое растение. 18. Русский биолог XIX—XX веков. 20. Озеро в Казахстане. 22. Стихотворение А. С. Пушкина. 23. Участок земли для выращивания овощей. 25. Хищное таежное животное. 28. Пятиглавая гора на Северном Кавказе. 29. Руководитель высшего учебного заведения. 30. Вид декоративно-прикладного искусства.

По вертикали:

1. Рукав в дельте реки. 2. Коллективное посещение достопримечательных мест. 3. Мореплаватель, открывший побережья Южной и Центральной Америки. 5. Бечева, стягивающая концы лука. 6. Отпечаток текста, рисунка. 9. Работник транспорта. 10. Советская балерина. 11. Польский танец. 12. Крепостной, построивший первую в России водяную турбину. 14. Приток Дуная. 15. Столица Иордании. 19. Проявление торжества, восторга, радости. 21. Искусный мастер. 24. Точильный брусок. 26. Персонаж повести М. Горького «В людях». 27. Часть света.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 2

По горизонтали:

1. Браге. 6. Гекзаметр. 9. Реорганизация. 12. Кобчик. 14. Кротон. 16. Аксиома. 20. Клипсы. 21. Строка. 22. Сырость. 23. Фасоль. 24. Уйгуры. 25. Конакри. 27. Гравер. 28. Оборин. 31. Неожиданность. 32. Гладиатор. 33. Рельс.

По вертикали:

2. Размах. 3. Гамбит. 4. Метрика. 5. Отгадка. 7. Несчастливцев. 8. Зимостойкость. 10. «Комиссары». 11. Новолуние. 13. Шикотан. 15. «Скифы». 17. Крыло. 18. Мотор. 19. Батыр. 25. Кружало. 26. Ионофон. 29. Адидже. 30. Янтарь.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.















НОВОСЕЛЫ

Как-то я заметил, что в скворечнике поселились зверьки. И что же? Оказалось, это белка с бельчатами. Одного зверька мне удалось заснять.

Т. КРАСЮК

ДЕКОРАТИВНЫЕ СВИНЬИ

Из-за рубежа в адрес советской зоологической конторы «Зооцентр» поступили свиньи. Интересны они тем, что считаются во Вьетнаме декоративными. Весят они всего 35—40 килограммов, живот волочится по земле, а морда, изборожденная морщинами, чрезвычайно «глубокомысленна».

А. ЩЕГОЛЕВ





НА МАРКАХ — БАЛЕТ

Филателисты могут пополнить свои коллекции двумя оригинальными марками. На одной из них запечатлена сцена из балета С. С. Прокофьева «Ромео и Джульетта», на другой — фрагмент балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». Автор серии — художник В. В. Завьялов.

М. ТИМОФЕЕВ

КАМЕННАЯ ГОЛОВА

Веками в Баян-Аульском районе Казахстана ветер-скульптор создавал причудливые фигуры, напоминающие животных или людей. На снимке вы видите скалу «Каменная голова».

Г. ДУДИН







ИЗ ШИШЕК И ОРЕХОВ

На досуге я сделал несколько фигурок. Материалом для них послужили шишки сосны, кедра, кипариса, косточки миндаля, орехи, семена растений.

В. МИРОНЕНКО

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00404. Подписано к печати 10/I 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 3. Заказ № 3394.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.


Цена номера 30 коп.